
**ЭКОНОМИКА И
СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ УРАЛА В
ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД**

**ИСТОРИЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ**

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УРАЛА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД: ИСТОРИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ

Сборник научных трудов

СВЕРДЛОВСК ● 1990

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Уральского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. А. М. Горького

Экономика и социально-политическое развитие Урала в переходный период: История, историография: Сб. науч. тр. Свердловск: УрГУ, 1990. 144 с.

В сборнике рассматриваются в историческом и историографическом плане основные проблемы первых двух десятилетий Советской власти: экономические, социальные, политические, духовные; исследуются вопросы советского строительства, вооруженной борьбы с контрреволюцией, соотношения классовых сил и политических партий; история производственной деятельности рабочего класса, социального расщепления доколхозной деревни, организации исторической науки на Урале.

Сборник рассчитан на научных работников, краеведов и студентов, специализирующихся по истории края.

Редакционная коллегия: проф. О. А. Васьковский (Уральский университет — отв. редактор), доценты Е. Б. Заболотный (Тюменский университет), А. Т. Тертышный (Свердловский институт народного хозяйства), В. Д. Камынин (Уральский университет), ст. науч. сотр. Л. А. Фофанова (Институт истории и археологии УрО АН СССР)

От редактора

В настоящее время на страницах газет и журналов идет оживленная дискуссия по вопросу о том, какой должна быть историческая наука в условиях перестройки. Развитие демократизма и гласности применительно к истории представляется как отход от старых стереотипов изображения событий прошлого, преодоление схематизма, конъюнктурщины, догматизма, восстановление исторической правды. Только такая наука может стать подлинным учителем жизни, повысит свое воспитательное воздействие на массы, будет способствовать активизации человеческого фактора.

В печати высказано немало замечаний по поводу «подгонки» отечественной истории под заранее заданные схемы путем умалчивания или подтасовки фактов. Особенно острой критике подверглась традиционная трактовка переходного от капитализма к социализму периода в жизни советского народа. Этот период рассматривался в общем и целом с позиций сталинской концепции социалистического строительства, которая провозглашала примат волевых решений и недооценивала объективные закономерности, диалектику общественного развития. Концепция, порожденная культом личности, противоречила исторической правде. Она обезличивала историю, приносила решающую роль трудящихся масс в утверждении социалистического строя, замалчивали тот громадный урон, который нанесли народу подобные методы руководства. Перед историками встала задача заново переосмыслить весь ход Октябрьской революции и социалистического строительства, с тем чтобы восстановить истину, закрыть «белые пятна», поднять новые проблемы, назвать новые имена активных участников событий.

Эта задача должна решаться прежде всего путем углубленного изучения исторических источников. Предстоит извлечь из архивов дополнительные материалы, позволяющие раскрыть содержание экономического, социально-политического и духовного развития общества во всем его разнообразии и противоречивости, обратив особое внимание на трудности переходного периода. Надо передать весь пафос народной борьбы за установление и укрепление Советской власти и в то же время показать, с каким трудом рождались новые отношения, преодолевалось сопротивление сил старого общества. Современный исследователь должен правильно соотнести большие достижения в развитии производительных сил страны, явившиеся следствием невиданного энтузиазма и трудового героизма масс, с негативными тенденциями, которые вызывались объективными

обстоятельствами, а также ошибками, просчетами, злоупотреблениями.

В решении задач, стоящих сейчас перед исторической наукой, важную роль играет историография. Именно историограф призван дать критическую оценку литературы с позиций сегодняшнего дня, подсказать историкам пути дальнейших исследований. Не менее важная задача состоит в том, чтобы широко познакомить общественность с научным наследием историков старшего поколения. В литературе 20—30-х гг., несмотря на ограниченность ее источниковой базы, ставились очень важные проблемы переходного периода. Некоторые из них были забыты, но теперь вновь обрели научную актуальность. Исследования историографов могут быть особенно эффективными, когда они подкрепляются историческими изысканиями, которые делают более объективной критическую оценку литературы. Сочетание истории и историографии — вот самый эффективный путь дальнейшего развития исторических знаний.

Профессор О. А. Васьковский

Социальная политика Советского государства на Урале в первый год пролетарской диктатуры в литературе 20—30-х гг.

Социальная политика является важнейшей составной частью внутренней политики нашего Советского государства. «Именно в этой сфере реализуются результаты экономической деятельности, затрагивающие жизненные интересы трудящихся, воплощаются высшие цели социализма. Именно здесь наиболее широко и наглядно выявляется гуманистическая природа социалистического строя, его качественное отличие от капитализма»¹.

В центре социальной политики Советского государства находится рабочий класс — ведущая сила экономического и социального прогресса. Советские исследователи отмечают, что «несмотря на огромную значимость разработки социальной политики Советского государства по отношению к рабочему классу, она до сих пор не стала еще предметом специального исторического анализа»². Несомненную пользу для изучения данной проблемы может оказать тот небольшой опыт ее исследования, который накоплен в литературе по истории рабочего класса Урала.

Целью настоящей статьи является анализ литературы, опубликованной в 20-х — первой половине 30-х гг., в которой рассматриваются различные стороны социальной политики Советского государства по отношению к уральским рабочим в период упрочения Советской власти. В первые месяцы после победы Великой Октябрьской социалистической революции происходит выработка основных принципов социальной политики, направленной на превращение рабочего класса в господствующий класс советского общества, проводятся важнейшие социальные преобразования. Несмотря на замечание, что «в литературе 20—30-х гг. о рабочем классе проблема социальной политики Советского государства была лишь намечена»³, нам кажется, что историки старшего поколения немало сделали для изучения этого вопроса. Именно им принадлежит заслуга первыми заметить те небольшие изменения, которые характеризовали превращение рабочего класса из угнетенного в правящий, господствующий класс.

В советской исторической, экономической, философской литературе можно встретить различное понимание содержания

термина «социальная политика Советского государства». Не вдаваясь в дискуссии, скажем, что мы включаем в это понятие вопросы регулирования количественного и качественного состава рабочего класса, заботу об улучшении материального положения, о повышении культурного уровня рабочих, их политической сознательности и трудовой активности.

Вопросы социальной политики Советского государства в первый период развития советской исторической науки рассматривались в общих работах по истории Урала, истории Великой Октябрьской социалистической революции в регионе. История рабочего класса долгое время не была объектом специального рассмотрения, поэтому сведения о тех изменениях, которые внесла Октябрьская революция в положение уральских рабочих, отрывочны и разбросаны по различным работам. Тем не менее исследователям 20-х — первой половины 30-х гг. удалось осветить многие направления социальной политики Советского государства в отношении рабочего класса. Их заслуга заключается также в сборе и публикации источников по этой проблеме, которые не потеряли своего научного значения и по сей день. Речь идет прежде всего о многотомном сборнике документов «Рабочий класс Урала в годы войны и революции», третий том которого включает многочисленные документы о составе и положении рабочего класса региона в первые месяцы после Октября⁴. Эта публикация, подготовленная преподавателями Уральского коммунистического университета А. Д. Бессоновой, Е. Гольдич, А. П. Таняевым и изданная Уральским истпрофом к 10-летию Великого Октября, до настоящего времени является единственным специальным сборником документов по истории уральских рабочих периода установления и упрочения Советской власти.

Наиболее подробно этот период освещен во вступительном очерке к 3-му тому, написанном Е. Гольдич⁵. Автор определила проблематику исследования по истории рабочего класса первых месяцев после Октябрьской революции и попыталась ответить на поставленные вопросы, используя документы из сборника. Ее наблюдения о социальной политике Советского государства могут представлять несомненный интерес для современных исследователей истории рабочего класса Урала. Интересные факты по этой проблеме содержатся в работах М. Гильберта, С. Сигова, А. Баранова, С. Атнагулова, Ф. Макарова, И. Подшивалова, В. Максимова и других исследователей истории Октябрьской революции и гражданской войны на Урале.

Е. Гольдич писала, что 1917 г. являлся важным годом в борьбе уральских рабочих за диктатуру пролетариата. В это время произошла радикальная ломка старых порядков, старых производственных отношений и создание нового строя⁶. В ее работе подробно рассмотрен вопрос о количественных изменениях в составе уральского пролетариата после Октябрьской революции. Она указывала, что основной тенденцией, характерной для

численности рабочего класса в это время, была тенденция ее сокращения. Не располагая данными о численности всех отрядов рабочего класса Урала, Е. Гольдич подтвердила свой вывод данными о рабочих основных отраслей промышленности края — металлообрабатывающей и металлдобывающей, включая рабочих угольных шахт. По подсчетам автора, их численность в этих отраслях с января по май 1918 г. уменьшилась с 220—230 тыс. до 200 тыс. человек. Такой же была динамика численности рабочих Богословского, Златоустовского, Сысертского, Сергинско-Уфалейского горных округов и ряда крупных заводов края.

Е. Гольдич полагала, что резкое сокращение количества рабочих не вело к пропорциональному увеличению численности безработных, поскольку в это же время на других предприятиях Урала существовала значительная нехватка рабочей силы, которая объяснялась уходом многих рабочих из города в деревню из-за сильного голода⁷. Автор одним из первых на Урале попыталась дать анализ безработицы, возникшей еще в предоктябрьский период. По ее мнению, особенность безработицы на Урале состояла в том, что от нее особенно сильно страдали округа, «потреблявшие» в основном местную рабочую силу. В то же время округа, использующие преимущественно труд пришлых рабочих, ощущали постоянную нехватку рабочих кадров.

В работе Е. Гольдич дан обстоятельный анализ источников, на основании которых можно судить о размахе безработицы на Урале в первые месяцы после Октябрьской революции. По данным первого областного съезда профсоюзов (29 янв.— 2 февр., 1918), на биржах труда было зарегистрировано 15 тыс. безработных⁸. Е. Гольдич указывала, что эта цифра занижена, поскольку не учитывались безработные, не зарегистрированные на биржах труда. Это относилось, в частности, к безработным военнопленным, солдатам, вернувшимся с фронта, китайским рабочим. С учетом этих категорий данные профсоюзов о количестве безработных на Урале к февралю 1918 г., по мнению автора, необходимо увеличить в 2 раза⁹. Правильность предположений Е. Гольдич можно подтвердить другими источниками того времени. По данным областной конференции профсоюзов и фабзавкомов металлистов и горнорабочих Урала (апр., 1918), в феврале-марте 1918 г. только по этим двум союзам было зарегистрировано 20 тыс. безработных¹⁰.

Е. Гольдич проследила дальнейшую динамику безработицы в крае. Она привела данные Наркомата труда, согласно которым на 10 апреля 1918 г. в регионе насчитывалось 18 тыс. безработных, и в то же время подвергла их критике, ссылаясь на то, что только на областной бирже труда в это время было зарегистрировано 25 тыс. безработных¹¹. Автор попыталась рассмотреть состав безработных на Урале, используя сведения областной биржи труда. Согласно ее данным, из общего коли-

чества безработных 40 % составляли чернорабочие, 30 — служащие, 15 — квалифицированные рабочие, 15 % — остальные слои населения. В работе Л. Клейнборта говорилось, что в это же время на Урале существовал спрос на 8 тыс. чернорабочих и высококвалифицированных металлистов. Причиной этого были трудности переброски рабочих с одного предприятия на другое, вызванные привязанностью рабочего к своему дому и участку земли¹².

Е. Гольдич проанализировала меры, направленные на ликвидацию безработицы и облегчение положения безработных. Она считала, что занимались этим в первые месяцы после Октября профсоюзы. Среди этих мер были: учет безработных путем создания бирж труда, социальное страхование, добровольное отчисление из зарплаты работающих в фонд помощи безработным¹³. В уральской печати того времени обсуждались и другие мероприятия, направленные на ликвидацию безработицы. Выход видели не в пуске отдельных мелких предприятий, а в концентрации производства на крупных предприятиях и принудительном перемещении рабочих на эти предприятия. И в данном случае помехой осуществления этого мероприятия считали привязанность уральских рабочих к своему хозяйству¹⁴.

В работе Е. Гольдич указывались и другие причины, мешавшие в кратчайшие сроки ликвидировать безработицу. Она негативно оценивала деятельность так называемых советов безработных, члены которых отказывались от трудоустройства¹⁵.

Выводы Е. Гольдич о динамике численности рабочего класса Урала в послеоктябрьский период подтверждались исследованиями С. Сигова по Богословскому горному округу. Он писал, что причиной сокращения численности рабочих на промышленных предприятиях являлись голод и вынужденное прекращение производства в условиях продолжающейся хозяйственной разрухи, саботажа горнопромышленников, прекращения финансирования предприятий, отсутствия сырья, топлива и т. д.¹⁶ М. Гильберт на общероссийском материале, но с использованием фактов из истории уральского рабочего класса, пришел к тем же выводам. Он писал, что в случае вынужденного сокращения производства Советское государство и профсоюзы стремились сохранить на предприятиях кадровых, квалифицированных рабочих за счет увольнения в первую очередь непролетарских и полупролетарских элементов, влившихся в состав рабочего класса в годы империалистической войны¹⁷. В подтверждение этого он привел данные по Златоустовскому металлургическому заводу, на котором количество рабочих с ноября 1917 по май 1918 г. сократилось с 15 тыс. до 7—8 тыс. человек за счет тех, кто пришел на завод в годы мировой войны¹⁸. М. Гильберт писал, что большинство рабочих, покинувших предприятия Ура-

ла летом 1918 г. из-за продовольственных трудностей, являлись чернорабочими, сохранившими связь с деревней¹⁹.

Подводя итог степени изученности в литературе 20—30-х гг. вопроса о численности уральского рабочего класса в первый год пролетарской диктатуры, следует отметить, что хотя исследователи и не располагали полными данными, но четко представляли себе тенденции в ее развитии и причины, вызвавшие ее, а также то, что в источниках тех лет были данные о численности рабочих ряда горных округов и промышленных предприятий Урала, которые необходимо использовать при изучении данного вопроса. В частности, определенный интерес могут представлять документы первого областного съезда по организации управления заводами и национализированными округами Урала (январь, 1918), в которых зафиксированы сведения о количестве рабочих к началу 1918 г.²⁰

При изучении качественных изменений в составе уральских рабочих в первые месяцы после Октябрьской социалистической революции исследователи 20-х — первой половины 30-х гг. рассматривали действие различных факторов. Как мы уже отмечали, М. Гильберт считал, что в результате сокращения производства и других причин предприятия покидали в первую очередь непролетарские и полупролетарские элементы, что вело к улучшению качественного состава рабочего класса. Однако другие исследователи раскрыли действие ряда факторов, которые значительно ухудшали состав уральских рабочих. Е. Гольдич указывала, что после Октябрьской революции стало увеличиваться землепользование рабочего класса в результате того, что в январе — феврале 1918 г. на Урале стал решаться земельный вопрос и за рабочими были закреплены земли, находившиеся в их фактическом пользовании²¹. С. Атнагулов на примере Башкирии показал, как в условиях сокращения производства рабочие переходили к земледелию и пытались расширить размеры землепользования²². Правда, автор встал на националистические позиции, считая, что русские рабочие пытались насильственным путем отобрать земли у коренного населения и за счет этого улучшить свои жизненные условия. Он писал, что в период борьбы за установление Советской власти, борьбы с дуюшшиной перераспределение земель сопровождалось конфликтами между русским пролетариатом и местным населением²³.

В. Сергеев, Ф. Макаров, В. Максимов на материале ижевских заводов показали, что в первые месяцы после Октября в связи с демобилизацией промышленности оборонные предприятия покидали не только мелкобуржуазные элементы, пришедшие на заводы в годы мировой войны, но и кадровые рабочие из центральных районов, прибывшие на ижевские заводы по мобилизации²⁴. Ф. Макаров в приложении к своей работе опубликовал источник из Архива Октябрьской революции «По-

литическое положение дел в Ижевском заводе и во всей Вятской губернии», в котором говорилось, что после Октября с завода были уволены практически все рабочие, поступившие на работу в годы мировой войны. Однако на него вернулись некоторые рабочие, демобилизованные из армии. Если до революции соотношение между пролетарскими и мелкобуржуазными элементами составляло здесь 60 % и 40 %, то к февралю 1918 г. оно уравнилось²⁵.

Интересную концепцию изменений в составе уральских рабочих в послеоктябрьский период развивал И. Подшивалов. Он указал на ряд причин, которые, по его мнению, сильно подрывали революционные традиции рабочего класса и усиливали мелкобуржуазное влияние в нем. К этим причинам И. Подшивалов относил: удаление с предприятий хозяев и управляющих; введение 8-часового рабочего дня; трудности с поставками сырья и финансированием предприятий, ослабившие организацию на заводах и фабриках; мобилизации рабочих против Дутова и контрреволюционных выступлений крестьянства, которые лишили заводы наиболее активных рабочих; продовольственный кризис, внесший в среду рабочих обывательские и меньшевистские настроения²⁶.

Большинство авторов считали, что Великая Октябрьская социалистическая революция проходила в условиях, когда хозяйственный кризис, продовольственные и финансовые трудности и другие причины вызвали сокращение численности и ухудшение качественного состава рабочего класса — основы диктатуры пролетариата. Поэтому Советское государство с первых дней своего существования принимало меры, чтобы сохранить кадры рабочего класса от распыления, улучшить условия его жизни.

В работах исследователей 20-х — первой половины 30-х гг. можно встретить немного фактов, свидетельствующих о заботе Советского государства об уральских рабочих, повышении их материального и культурного уровня. В них имеются данные, характеризующие культурный уровень рабочего класса к началу Октябрьской революции и первые мероприятия Советского государства по изменению существующего положения. К. Пеньков и В. Максимов показали, как развивалось рабочее образование в крупных промышленных центрах края. К. Пеньков писал о том, что в Златоустовском округе рабочие кадры в 1917 г. готовились в одном техническом училище и двух низших ремесленных школах²⁷. В. Максимов подчеркивал, что грамотность рабочих Ижевска была в это время сравнительно высокой. В составе населения города насчитывалось 32 % грамотных²⁸. М. Сулковский попытался проанализировать деятельность Советского государства в области культурного строительства в первые месяцы после Октябрьской революции. Он писал, что основными формами деятельности по культурному просвещению масс

являлись рабочие факультеты, различные курсы, библиотеки, пролеткульты и т. д. В 1917/18 г. они функционировали за счет средств, выделяемых государством²⁹.

Конечно, это разрозненные данные, которые не позволяют сделать вывод о культурном уровне уральских рабочих к моменту Октябрьской революции. Единственным источником, который мог бы пролить свет на этот вопрос, являются материалы Всероссийской профессиональной переписи 1918 г., которая содержит данные о грамотности рабочих РСФСР на 31 августа 1918 г. Как известно, в силу объективных обстоятельств эта перепись проводилась среди небольшой части уральских рабочих, проживающих на территории Вятской губернии. Эти данные использовал М. Гильберт, который показал, что грамотность рабочих Вятской губернии была значительно выше, чем по республике в целом, соответственно 71,4 % и 66,2 %. Неграмотных мужчин в губернии насчитывалось 24 % (по РСФСР 19,7 %), неграмотных женщин — 44,5 % (51,8 %) ³⁰.

Несколько подробнее историки старшего поколения писали о материальном положении уральских рабочих в период установления Советской власти и мерах Советского государства по его улучшению. А. Танеев характеризовал предпосылки складывания тяжелого материального положения уральских рабочих к моменту Октябрьской революции и в первые месяцы Советской власти. Именно в годы империалистической войны в результате острой классовой борьбы предприниматели делали все для того, чтобы задушить рабочий класс в тисках продовольственного и финансового кризиса. Автор подчеркнул, что этот кризис был вызван искусственно, чтобы подавить рабочее движение³¹.

Особенно тяжело сказывался на положении рабочих продовольственный кризис. По данным, приведенным в работе А. Баранова, только в Пермской губернии, наиболее развитой в промышленном отношении, не хватало 9 млн пудов хлеба³². Е. Гольдич подчеркивала, что хлеб на Урале был, но он находился в руках кулачества и его нужно было изъять и установить на него твердые цены. Конкретной мерой, направленной на улучшение снабжения населения продовольствием, было постановление Уральского областного Совета от 9 марта 1918 г. об изъятии всех излишков продовольственных и кормовых запасов. Комментируя его, автор пишет: «Таким образом была установлена разверстка, которая помогла рабочим ликвидировать уже имеющиеся случаи острого голода, хотя и вызвавшая обострение гражданской войны в деревне и городе»³³. В воспоминаниях комбрига Красной Армии И. Онуфриева показывалось, с какими трудностями пришлось столкнуться продотрядам при заготовке хлеба, как кулачество активно сопротивлялось этому³⁴.

Е. Гольдич указывала, что наиболее острым продовольствен-

ный кризис на Урале был зимой 1917/18 г., но благодаря своевременно принятым решительным мерам к маю 1918 г. продовольственное снабжение уральских рабочих значительно улучшилось. В ее работе наиболее полно рассмотрены меры Советского государства в этой области, раскрыта помощь, оказанная уральским рабочим из центра, деятельность местных советских органов. Обращает на себя внимание анализ автором героических усилий самого рабочего класса по заготовке хлеба. Е. Гольдич писала, что рабочие из районов, где положение с продовольствием было более благополучным, направляли эшелоны с хлебом рабочим голодающих районов; усилили налогообложение буржуазии; проводили отчисление из зарплаты в пользу голодающих. Автор приводила примеры конкретных действий уральских рабочих. Так, рабочие Сысертского завода взыскивали с кулачества 85 тыс. р. в пользу голодающих. Советами рабочих и солдатских депутатов был налажен выпуск бон, обязательных к приему местными торговцами, которые впоследствии должны были у них выкупаться государством. Е. Гольдич сделала вывод, что все это свидетельствовало о росте политической сознательности рабочего класса, превращении его в правящий класс общества³⁵. Ю. Бессонов прямо указывал, что несмотря на голод многие рабочие не покидали своих предприятий, так как чувствовали себя их хозяевами³⁶.

Уральские исследователи обратили внимание и на те трудности материального положения рабочего класса, которые были связаны с финансовым кризисом, организованным заводчиками. А. Баранов подсчитал, что к моменту национализации промышленности предприниматели задолжали уральским рабочим в виде невыплаченной заработной платы 40 млн р.³⁷ Документы свидетельствуют, что на 1 апреля 1918 г. эта задолженность составляла 35 млн р.³⁸ Ю. Бессонов указывал, что с начала декабря 1917 г. заводоуправление Верх-Исетского завода вообще приостановило выплату заработной платы, так как управление горного округа не присылало денег³⁹.

Е. Гольдич отмечала, что Советское государство помогало рабочим Урала справиться с финансовым кризисом. В частности, в апреле 1918 г. заводам было выделено 88 млн р., чтобы они могли выплатить зарплату рабочим⁴⁰. Кроме того, были приняты меры по упорядочению заработной платы. Е. Гольдич наиболее полно из уральских исследователей 20-х — первой половины 30-х гг. проанализировала проведение тарифной реформы, ее содержание, трудности и успехи. Она писала, что тарифное движение на Урале развернулось несколько позже, чем в Центрально-Промышленном районе, Москве и Петрограде, где профсоюзы накопили уже большой опыт в этой области. Однако, по мнению автора, к началу гражданской войны и на Урале имелись определенные успехи в проведении тарифной реформы. В подтверждение этого Е. Гольдич указала, что

реальная заработная плата рабочих в мае 1918 г. уже составляла 50 % довоенной заработной платы⁴¹. Кстати, надо иметь в виду, что в 3-томном сборнике документов «Рабочий класс Урала в годы войны и революций», составителем которого являлась Е. Гольдич, были опубликованы многочисленные факты, связанные с реализацией тарифной реформы, охраной труда и социальным страхованием рабочих края.

Следует отметить, что исследователи 20-х — первой половины 30-х гг. подчеркивали эффективность мер Советского государства, направленных на улучшение материального положения уральских рабочих. Еще до начала гражданской войны рабочие почувствовали улучшение условий жизни и своим трудом попытались ответить на заботу Коммунистической партии и Советского государства.

Заслугой исследователей старшего поколения является обращение к изучению трудовой активности уральских рабочих сразу после Октябрьской революции, в чем сказалось формирование новой психологии рабочего класса, социалистического отношения к труду. А. Баранов вообще считал, что существенной чертой периода с ноября 1917 г. по июнь 1918 г. являлся переход к возрождению промышленности на базе основного капитала, перешедшего в руки рабочего класса от капиталистического общества, за счет трудового героизма рабочего класса. В подтверждение этому он привел данные об увеличении выплавки стали на Катав-Ивановском заводе в январе — апреле 1918 г.⁴², о попытке Уральского областного Совета провести в апреле 1918 г. мероприятия по борьбе с падением производительности труда на Верх-Исетском заводе⁴³.

Е. Гольдич отмечала, что лучшие качества рабочего класса как хозяина производства стали наиболее ярко проявляться при переходе к национализации промышленности Урала. Отмечая рост выпуска промышленной продукции на ряде предприятий, она в первую очередь подчеркивала высокую сознательность рабочих. Следует отметить дифференцированный подход автора к этому вопросу. Е. Гольдич полагала, что наиболее сознательными оказывались кадровые рабочие основных цехов, которые поднимали производительность труда, повышали качество и снижали себестоимость продукции. На ряде предприятий эти рабочие отказывались от заработной платы, чтобы в условиях финансового кризиса деньги в первую очередь выплачивали низкооплачиваемым рабочим. В то же время часть вспомогательных рабочих бросали работу в случае невыплаты заработной платы, а некоторые из них даже занимались вредительством⁴⁴.

С. Шапурин привел данные о том, как рабочие Аша-Балашовского завода в ответ на его национализацию за 1,5 месяца пустили в ход домну, обеспечили ее топливом⁴⁵. Ф. Попов показал, что в апреле 1918 г. рабочие Оренбургских железнодо-

рожных мастерских в тяжелейших условиях разрухи отремонтировали во внеурочное время 13 паровозов, необходимых для поддержания связи с центральными районами России и Средней Азии⁴⁶. В. Сергеев и В. Максимов писали, что ижевские рабочие к апрелю 1918 г. подняли производительность труда на 20 %⁴⁷.

Естественно, что эти примеры трудового героизма рабочего класса не могли изменить тяжелое хозяйственное положение, в котором находилась уральская промышленность после Октября. Продолжали действовать факторы, обуславливающие падение производительности труда. Среди этих факторов Е. Гольдич называла падение заработной платы, продовольственный и финансовый кризис, общую расстроенность заводской жизни, саботаж горнопромышленников, демобилизацию предприятий, введение нового управления фабриками и заводами⁴⁸. Исправление положения в уральской промышленности исследователи связывали с мерами, разработанными Советским государством, по подъему промышленного производства и улучшению положения рабочего класса. К. Петров отмечал, что падение производительности труда на национализированных предприятиях происходило в меньшей степени, чем на остальных заводах⁴⁹.

Исследователи отмечали, что, стремясь превратить рабочий класс в руководящий класс и главную силу создания нового общества, Коммунистическая партия и Советское государство повышали его политическую активность, которая зависела от силы партийных и общественных организаций рабочего класса. К сожалению, в литературе 20-х — первой половины 30-х гг. мы не найдем исследований, специально посвященных истории партийных организаций Урала, их численности и деятельности в период Октябрьской революции. Были опубликованы лишь небольшие очерки о борьбе некоторых партийных организаций за установление и упрочение Советской власти в крае⁵⁰. Ряд работ содержал разрозненные сведения о создании и первых шагах деятельности комсомольских организаций Урала⁵¹. Лишь К. Просветову удалось привести обобщающие данные о вкладе молодежи Урала в Октябрьскую социалистическую революцию⁵².

Гораздо больше внимания исследователи уделили анализу профсоюзного движения на Урале в период Октябрьской революции. Это объяснялось большим количеством источников, которые оказались в распоряжении историков. Из-за этого даже возникли разногласия при подсчете точной численности членов профсоюзов на Урале накануне и в период Октября. А. Бессонова попыталась критически оценить источники, донесшие сведения о количестве рабочих, организованных в профсоюзы. Она негативно оценила данные, опубликованные в статистическом справочнике «Положение труда на Урале в 1923 г.», согласно которым в профсоюзах Урала в октябре — ноябре 1917 г. насчитывалось 85 500 человек, причем по индустриальным союзам

было зафиксировано 63 900 человек⁵³. Автор указывала, что совершенно не ясно, как были получены эти данные, и что за район составители понимали под термином «Урал». Ведь только в Пермской губернии в это время насчитывалось 52 922 члена профсоюзов⁵⁴. Наиболее достоверными для того времени А. Бессонова считала сведения, приведенные на первой областной конференции профсоюзов, проходившей в Екатеринбурге 11—15 августа 1917 г. На ней были представлены делегаты от 137 540 членов профсоюзов, проживающих на территории, вошедшей позднее в Уральскую область. По подсчетам автора, профсоюзы Урала в августе 1917 г. объединяли около 50 % рабочего класса. Правда, она делала одну существенную оговорку — принимая во внимание принцип принудительного членства в профсоюзах, официально членов профсоюзов могло быть и больше⁵⁵.

Данные А. Бессоновой вполне подтверждаются сведениями А. А. Андреева, который указывал, что к Октябрьской революции на Урале насчитывалось до 150 тыс. членов профсоюзов⁵⁶.

А. Танеев и Е. Гольдич проследили дальнейшую судьбу профсоюзного движения на Урале в первые месяцы после Октябрьской революции. По мнению авторов, в этот период профсоюзные организации на Урале были слабы и степень их влияния на рабочие массы уступала влиянию Советов и фабзавкомов. Поэтому по инициативе профсоюза металлистов сразу после Октябрьской революции на Урале начинается движение за объединение профсоюзов и фабзавкомов. С этой целью 26—28 марта 1918 г. большевистские организации провели областную объединенную конференцию профсоюзов и фабзавкомов, на которой окончательно было закреплено слияние этих однородных по задачам и методам работы организаций. На этой конференции присутствовали делегаты, представляющие 170 тыс. членов профсоюзов. Е. Гольдич писала, что эта цифра более точная, хотя и несколько занижавшая численность профсоюзов⁵⁷. Несколько отличаются сведения Областного статистического бюро, согласно которым на Урале в мае—июне 1918 г. было 128 287 членов профсоюзов⁵⁸. Видимо, эти данные относились только к профсоюзу рабочих-металлистов, которых уже в январе 1918 г., по данным первого областного съезда металлистов и горнорабочих (январь, 1918), насчитывалось 125 тыс. человек⁵⁹.

Я. Розенталь в небольшой по объему статье осветил историю профсоюзного движения на Урале в 1917 г. и показал роль профсоюзов в установлении Советской власти и проведении первых социалистических преобразований. Он сделал вывод, что вся деятельность профсоюзов в этот период проходила под руководством Коммунистической партии⁶⁰.

Изучая социальную политику Советского государства в первый год пролетарской диктатуры, историки 20-х — первой половины 30-х гг. наметили проблематику исследований и попыта-

лись проанализировать такие ее аспекты, как регулирование численности и состава уральских рабочих, повышение их трудовой и политической активности, рост материального уровня жизни. Не все проблемы удалось осветить достаточно полно из-за отсутствия источников и слабого владения методами социального анализа. Однако накопленный опыт представляет несомненный интерес для современных исследователей.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 44.

² Социальная политика Советского государства. М., 1985. С. 7.

³ Там же. С. 9.

⁴ См.: Рабочий класс Урала в годы войны и революции: В документах и материалах. Т. 3: Октябрьский переворот на Урале / Под ред. А. П. Тяняева. Свердловск, 1927.

⁵ См.: Гольдич Е. Октябрь на Урале // Рабочий класс Урала в годы войны и революции. Т. 3.

⁶ См.: Там же. С. 57.

⁷ См.: Там же. С. 49.

⁸ См.: Там же.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: Рабочий класс Урала в годы войны и революции. Т. 3. С. 262.

¹¹ См.: Гольдич Е. Октябрь на Урале. С. 50.

¹² См.: Клейнборг Л. История безработицы в России, 1857—1919. М., 1925. С. 279, 295.

¹³ См.: Гольдич Е. Октябрь на Урале. С. 51.

¹⁴ См.: Урал. техник (Екатеринбург). 1918. 14 апр.

¹⁵ См.: Гольдич Е. Октябрь на Урале. С. 51.

¹⁶ См.: Сигов С. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936. С. 274.

¹⁷ См.: Гильберт М. К вопросу о составе промышленных рабочих СССР в годы гражданской войны // История пролетариата СССР. М., 1934. Сб. 3. С. 224.

¹⁸ См.: Статистика труда. 1918. № 6—7. С. 21.

¹⁹ См.: Гильберт М. К вопросу о составе промышленных рабочих СССР в годы гражданской войны. С. 234.

²⁰ См.: Рабочий класс Урала в годы войны и революции. Т. 3. С. 162—175.

²¹ См.: Гольдич Е. Октябрь на Урале. С. 11.

²² См.: Атнагулов С. Башкирия. М., 1925. С. 55.

²³ См.: Там же. С. 58.

²⁴ См.: Сергеев В. Ижевские рабочие в борьбе за Советскую власть // Ижевск в огне гражданской войны, 1917—1918 гг.: Из истории революционного движения ижевских рабочих. Ижевск, 1927. С. 51; Максимов В. А. Кулацкая контрреволюция и ижевское восстание (1918 г.). Ижевск 1933. С. 37.

²⁵ Макаров Ф. Октябрь и гражданская война в Удмуртии. Ижевск, 1932. С. 118.

²⁶ См.: Подшивалов И. Гражданская борьба на Урале, 1917—1918. М., 1925. С. 107.

²⁷ См.: Пеньков К. Народное образование к 10-летию Октября // Десять лет работы Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов Златоустовского округа. Златоуст, 1927. С. 105.

²⁸ См.: Максимов В. Октябрь в Удмуртии. Ижевск, 1935. С. 26.

²⁹ См.: Сулковский М. Культурная работа профсоюзов и рабочая молодежь // Рабочий журн. (Екатеринбург). 1922. № 4. С. 21.

³⁰ См.: Гильберт М. К вопросу о составе промышленных рабочих СССР в годы гражданской войны // История пролетариата СССР. М., 1935. Сб. 1. С. 168.

³¹ См.: *Таняев А.* Уральский рабочий накануне и в годы империалистической войны // *Рабочий класс Урала в годы войны и революций.* Свердловск, 1927. Т. 1. С. 17.

³² См.: *Баранов А.* Октябрь на Урале. Свердловск, 1927. С. 13.

³³ *Гольдич Е.* Октябрь на Урале. С. 9.

³⁴ См.: *Онуфриев И.* Гражданская война на Урале: Воспоминания бывшего комбрига. Свердловск, 1925. С. 8.

³⁵ См.: *Гольдич Е.* Октябрь на Урале. С. 20.

³⁶ См.: *Бессонов Ю.* Рабочие Верх-Исетского завода в гражданской войне 1918 г.: Главы из истории Верх-Исетского завода им. Кабакова. Свердловск, 1935. С. 28.

³⁷ См.: *Баранов А.* Октябрь на Урале. С. 8.

³⁸ См.: *Рабочий класс Урала в годы войны и революций.* Т. 3. С. 180.

³⁹ См.: *Бессонов Ю.* Рабочие Верх-Исетского завода в гражданской войне 1918 г. С. 28.

⁴⁰ См.: *Гольдич Е.* Октябрь на Урале. С. 20.

⁴¹ См.: Там же. С. 47.

⁴² См.: *Баранов А.* К вопросу об изучении экономической политики пролетариата в годы гражданской войны и интервенции // *История пролетариата СССР.* М., 1931. Сб. 8. С. 22.

⁴³ См.: *Баранов А.* Октябрь и начало гражданской войны на Урале. Свердловск, 1928. С. 51.

⁴⁴ См.: *Гольдич Е.* Октябрь на Урале. С. 22.

⁴⁵ См.: *Шапуринов С.* Годы борьбы: Ист. очерк // *Октябрь на Южном Урале.* Златоуст, 1927. С. 63.

⁴⁶ См.: *Попов Ф.* Дутовщина: (Борьба с казачьей контрреволюцией в Оренбургском крае). Москва; Самара, 1934. С. 102.

⁴⁷ См.: *Сергеев В.* Ижевские рабочие в борьбе за Советскую власть. С. 19; *Максимов В.* Кулацкая контрреволюция и ижевское восстание. С. 36.

⁴⁸ См.: *Гольдич Е.* Октябрь на Урале. С. 22.

⁴⁹ См.: *Петров К.* Пути развития южноуральской промышленности // Десять лет работы Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов Златоустовского округа. С. 18.

⁵⁰ См.: *Кийков.* РСДРП на Южном Урале // *Революционное прошлое.* Уфа, 1923; *Матвеев.* Как строилась РКП в Ижевске в 1917 г. // К 5-й годовщине пролетарской революции в Прикамье. Ижевск, 1922; *Новоселов А.* Вятская организация ВКП(б) (1917—1918 гг.). Вятка, 1927.

⁵¹ См.: *Левцкий.* Комсомол в Башкирии // *Былое Урала (Уфа).* 1924. № 4; *Сираев З. И.* Первые комсомольские организации Башкирии // XV лет ВЛКСМ. Уфа, 1933.

⁵² См.: *Просветов К.* Уральский комсомол в борьбе за Октябрь. Свердловск, 1928.

⁵³ См.: *Положение труда на Урале в 1923 г.* Екатеринбург, 1924. С. 361.

⁵⁴ См.: *Бессонова А.* Уральские рабочие за период февраль—октябрь 1917 г. // *Рабочий класс Урала в годы войны и революций.* Свердловск, 1927. Т. 2. С. 42.

⁵⁵ См.: Там же. С. 43.

⁵⁶ См.: *Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.* 1917. 22 дек.

⁵⁷ См.: *Гольдич Е.* Октябрь на Урале. С. 34.

⁵⁸ См.: *Положение труда на Урале в 1923 г.* С. 361.

⁵⁹ См.: *Рабочий класс Урала в годы войны и революций.* Т. 3. С. 304.

⁶⁰ См.: *Розенталь Я.* 7-я годовщина Октябрьской революции и продвижение на Урале // *Рабочий журн.* 1924. № 16—17. С. 2.

Из истории Областного правительства Урала (историография вопроса)

Начало гражданской войны вошло в историю как период «борьбы с так называемой демократической контрреволюцией». С июня по ноябрь 1918 г. в районах, где была свергнута Советская власть, существовали многочисленные эсерово-меньшевистские или коалиционные, буржуазно-соглашательские правительства, действовавшие под лозунгами Учредительного собрания, демократии, свободы торговли. Участвуя в правительствах, меньшевики и эсеры стремились реализовать на практике идею «третьего пути» в проведении социальных преобразований, который бы исключил господство одного класса над другим и привел к торжеству «чистой» демократии.

В. И. Ленин, оценивая поиски соглашателей, отметил, что «это желание, будь оно даже искреннее, остается иллюзией мелкобуржуазного демократа, который и теперь еще... не научился азбуке, что в капиталистической среде возможна либо диктатура буржуазии, либо диктатура пролетариата и невозможно существовать ничему третьему»¹. История наглядно доказала это. Называя себя социалистами, меньшевики и эсеры, несмотря на все свои мечтания и благие пожелания, на деле сыграли роль пособников буржуазии. Вместе со своими социальными экспериментами они «торжественно провалились к Колчаку», который принес рабочим и крестьянам неисчислимые бедствия и страдания, установив режим хуже царского.

Временное областное правительство Урала, созданное в августе 1918 г. в Екатеринбурге, стало одной из таких попыток проведения в жизнь идеи «третьего пути». Несмотря на короткий срок своего существования, его история отразила несостоятельность соглашательских представлений и их полное поражение. Однако до сих пор проблематика Областного правительства Урала является одним из наиболее слабо разработанных вопросов истории гражданской войны на Урале.

Впервые проблема создания и деятельности Временного областного правительства была поднята уральскими историками в конце 20-х гг. Возникновение интереса было связано с подготовкой к празднованию юбилейных дат: 10-летия Октябрьской социалистической революции и 10-летия освобождения Урала от колчаковщины.

Одной из первых работ, в которой затрагивалась интересующая нас проблематика, стала книга А. Ослоновского и А. Орлова², подготовленная по решению областной юбилейной ко-

миссии к 10-й годовщине Октября. Освещая широкий спектр вопросов, как в хронологическом, так и в проблемном плане, авторы, несмотря на ограниченный объем работы, сочли необходимым уделить один из ее разделов характеристике Областного правительства Урала. По их мнению, оно защищало прежде всего интересы буржуазии и зажиточных слоев деревни. Ярким моментом, характеризующим его деятельность, считают они, стало учреждение следственных комиссий по охране общественной и государственной безопасности, организовавших репрессии против трудящихся. Однако несмотря на поддержку буржуазии Областное правительство не имело никакого авторитета не только среди широких масс населения, но даже среди военщины, игравшей тогда в крае главную роль.

Трудно упрекнуть авторов в столь упрощенном освещении истории Областного правительства Урала, поскольку за трехмесячный срок, определенный областной юбилейной комиссией для подготовки книги, сложно глубоко осмыслить проблему и изучить архивные документы, на которые они пытаются опереться. Эта поспешность привела в ряде случаев к неточностям в изложении материала. Так, в целом правильно освещая смысл декларации нового правительства от 19 августа 1918 г., авторы считают, что она «объявила несуществующими все декреты Советской власти, 8-часовой рабочий день и социальное страхование рабочих»³. Однако в программе правительства восьмичасовой рабочий день прямо не отрицался, а ставился в зависимость от выполнения минимальной нормы выработки рабочими. Социальное же страхование предполагалось «проводить в тех видах и нормах, какие установлены в культурных странах, где наиболее обеспечены интересы трудящихся»⁴.

В связи с 10-летием освобождения Урала от колчаковщины появились работы, посвященные истории гражданской войны и военной интервенции, в ряде которых поднимаются проблемы, связанные с Временным областным правительством Урала.

В «Уральском рабочем» была опубликована серия очерков А. Баранова, объединенных общим названием «В дни борьбы». В одном из них, «От меньшевистско-эсеровских иллюзий к диктатуре Колчака», автор рассматривает историю создания Областного уральского правительства⁵. По его мнению, создание правительства явилось результатом инициативы местной буржуазии в лице лидера уральских кадетов Л. А. Кроля, на воспоминания которого опирается автор. В связи с созданием правительства между Сибирью и Комучем разгорелась борьба за распространение своего влияния на него, в ходе которой «уральские правители» сочли выгодным для себя идти «в кабалу к Омску, нежели к теряющей с каждым днем свой удельный вес Самаре». А. Баранов привел персональный состав правительства, определил положительное отношение меньшевиков и эсеров к правительственной программе и справедливо сделал

вывод о том, что работа по ее выполнению продвигалась плохо вследствие отсутствия у правительства денег, своей военной силы и вмешательства со стороны Омска. Этим кругом вопросов историк, к сожалению, и ограничился, не пытаясь рассмотреть их глубже. Хотя, например, «ориентация» на Сибирское правительство больше походила не на акт доброй воли со стороны уральцев, а была, скорее, следствием экономического, политического и военного давления со стороны Омска.

В той же подборке «Уральского рабочего» была помещена статья Д. Соколова «10 героических лет»⁶, в которой делается правильный вывод о том, что условием образования контрреволюционных правительств в Самаре, Омске, Екатеринбурге стало выступление чехословаков. Однако нельзя согласиться с утверждением, что «каждое правительство претендовало на роль все-русского». В отличие от Комуча и Сибири Областное правительство Урала, не имея самостоятельной финансовой и военной базы, искренне выступало за создание центральной всероссийской власти, так как это была единственная возможность отстоять свою автономию от правительства Самары и Омска. В декларации от 19 августа оно прямо заявило, что «Россия должна быть единой и нераздельной, что окончательное устройство земли русской принадлежит Учредительному Собранию и что немедленно должно быть создано Центральное правительство, объединяющее все области великой России»⁷.

Трудно согласиться и с другим мнением Д. Соколова о том, что Областное правительство Урала было организовано не только из социал-соглашательских партий, но и из буржуазно-черносотенных. Как показывают протоколы межпартийной комиссии по выработке платформы и организации Областного правительства, в ее состав входило по два представителя от партий народной свободы, народных социалистов, эсеров и меньшевиков. В образованное же правительство вошло 2 кадет, по одному эсеру, меньшевику и 2 беспартийных.

Более основательно история создания правительства Урала изложена в кратком очерке Р. Силинга⁸. По его мнению, Областное правительство возникло вследствие претензий Сибири и Комуча на всероссийское представительство, борьба за которое обострилась после освобождения горнозаводского Урала от большевиков. В этой обстановке перед уральской буржуазией встала проблема выбора. Однако ее пугала, по мнению Р. Силинга, не только «левизна Самары, но и не удовлетворяла программа Омска, которая могла бы помешать преодолению крепостнических пережитков в уральской промышленности. В связи с этим у представителей местной буржуазии и появляется мысль об областном автономном временном правительстве. Но в отличие от А. Баранова Р. Силинг указывает, что решающее значение в создании правительства «сыграли штыки чехословаков и деньги «союзников», которые к тому времени еще не сделали

окончательный выбор между Сибирью и Самарой⁹. Таким образом автор приходит к мысли, что Областное правительство Урала было создано как буфер между двумя враждующими группировками.

Р. Силинг сделал попытку провести анализ программы Временного правительства Урала. Опираясь на архив Истпарта Уралобкома ВКП(б), он кратко осветил задачи, которые оно ставило перед собой в политической, экономической, аграрной областях и в решении рабочего вопроса. В итоге автор пришел к выводу, что декларация от 19 августа 1918 г. «является развернутой программой промышленной буржуазии. Однако эта программа не могла быть проведена в жизнь. Фактическим хозяином Урала было Временное сибирское правительство, для которого эта программа была слишком левой, и уральскому правительству пришлось сдавать одну позицию за другой»¹⁰. Последнее утверждение было вызвано тем фактом, что, признавая создание Областного правительства Урала, Сибирь сумела продиктовать такие условия признания, которые ставили новое правительство под ее контроль. В заключительной главе очерка автор, к сожалению, уделил основное внимание не столько деятельности уральских властей, сколько обоснованию своего тезиса о хозяйничаньи на его территории Сибирского правительства. В результате был сделан категорический вывод о том, что «уральского правительства не было — было господство Омска»¹¹. Такое крайнее суждение свидетельствует скорее о том, что вопрос о деятельности Областного правительства Урала был изучен еще недостаточно.

Весомым вкладом в дальнейшее изучение проблемы стала публикация Уральской областной комиссией по истории профдвижения сборника документов, подготовленного уральским историком А. Таняевым¹². Книгу составили архивные документы и материалы, газетные корреспонденции и воспоминания периода колчаковщины на Урале. В первой главе «Областное правительство Урала, Директория и Колчак» была помещена часть протоколов межпартийной комиссии, выработавшей платформу будущего правительства, его программа, записи переговоров, раскрывающие взаимоотношения областной уральской власти с Сибирским и Самарским правительствами, участие представителей Урала в образовании Директории и документы, рассказывающие о ликвидации правительства Урала. В последующих главах помещены отдельные материалы, позволяющие понять позицию, занимаемую уральскими горнопромышленниками по отношению к областной власти, освещающие деятельность Уральского промышленного комитета, раскрывающие отдельные стороны политики правительства в сфере экономики и в рабочем вопросе. Публикация документов предваряется вводной статьей составителя сборника, которая в следующем году вышла отдельным изданием¹³.

Исследование А. Таняева стало заметным шагом вперед в изучении истории Областного правительства Урала и явилось своеобразным итогом изучения проблемы в конце 20-х гг. Автор на основе конкретного архивного материала рассмотрел историю создания правительства и еще более усилил вывод о решающей роли «союзников» в его создании. Доказывая свою мысль, историк приводит материал о неудачной попытке меньшевиков и эсеров создать самостоятельно, без согласия «союзников», органы местной власти, которые просуществовали лишь несколько дней. И только после приезда в Екатеринбург представителей стран Антанты на совещании, организованном ими с местными политическими деятелями, был окончательно решен вопрос о формировании правительства. Сама постановка этого вопроса, по мнению А. Таняева, была вынужденной, так как «союзники», заинтересованные в объединении контрреволюции в борьбе против большевизма, прилагали все усилия для примирения правительств Самары и Сибири. Опасаясь столкновения из-за обладания Уралом и не решив еще для себя вопрос о том, какое же правительство должно стать основной силой борьбы с большевизмом, они заставили враждующие стороны принять решение об организации самостоятельного правительства Урала впредь до образования Всероссийского.

Следующим шагом вперед стала постановка А. Таняевым вопроса о роли политических партий в создании Областного правительства Урала. Рассматривая работу межпартийной комиссии по выработке платформы и организации правительства, анализируя итоги ее работы, историк приходит к заключению, что решающее слово по всем вопросам оставалось за представителями буржуазии — кадетами. Соглашательские партии, несмотря на свое численное преимущество в межпартийной комиссии, фактически вторично отказались от власти, передав ее буржуазии. В целом же, характеризуя созданное правительство, автор считает, что не только широкие массы трудящихся отнеслись к его появлению равнодушно, так как на местах уже существовала действительная власть — власть военщины, но и буржуазия, которую не устраивала декларация правительства, «отступавшая от того, что было до Октябрьской революции, но все же стремящаяся придерживаться средней линии времен керенщины»¹⁴. Однако отсутствие реальной военной силы у правительства скоро привело буржуазию к пониманию, что местная власть — весьма удобная ширма для накопления сил контрреволюции под флагом демократии. Этот вывод позволил А. Таняеву охарактеризовать Областное правительство Урала как бумажное, мертворожденное, оперетточное, фиктивное, хотя оно и пыталось, отстаивая свою автономию, проводить самостоятельную политику, играя на противоречиях между правительствами Самары и Омска.

Таким образом, характеризуя исследования историков конца

20-х гг., следует отметить, что основное внимание обращалось прежде всего на изучение политической истории создания Областного правительства Урала. В их работе нашли отражение вопросы, освещающие роль «союзников» и частично политических партий в образовании правительства, отношение к нему классов уральского общества, работу межпартийной комиссии, программу новой власти, взаимоотношения с правительствами Сибири и Самары, вопросы наступления реакции на жизненный уровень и права рабочих. Были введены в научный оборот первые архивные материалы. Однако большинство этих исследований страдало излишней упрощенностью, отсутствием глубокого анализа характера деятельности правительства. За пределом внимания историков остались такие важные вопросы, как осуществление экономической и социальной программы уральских властей, не изучалось решение аграрного вопроса и положение крестьянства. Общим их недостатком стало отождествление действий реакционной военщины с политикой областного правительства, требований крупной буржуазии с политикой меньшевиков и эсеров.

Оживление интереса среди историков к проблеме Временного областного правительства Урала начинается с середины 60-х гг. Однако недостаточная исследованность темы привела к тому, что в ряде работ встречаются оценки правительства, с которыми вряд ли можно согласиться. Так, авторы «Истории Урала», сравнивая политику Областного правительства Урала с политикой правительств Поволжья и Сибири, считают, что в отличие от других это правительство «меньше прикрывало свою антинародную сущность, теснее и откровеннее служило крупной буржуазии и помещикам»¹⁵. Но если придерживаться этой точки зрения, то будет трудно объяснить тот факт, что в решении такого ключевого вопроса, как аграрный, уральские власти в отличие от властей Омска и Самары не решились принять крутых мер в защиту частных землевладельцев.

Недостаточно точно отражает сущность Областного правительства оценка, попавшая в книгу З. А. Аминова «Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии», где автор характеризует его как эсерово-кадетское¹⁶. Возражение против приоритета эсеров вызывает не только партийный состав правительства и характер принимаемых им решений, но и отношение самой партии к созданию правительства. Так, по свидетельству протоколов межпартийной комиссии, представители эсеров И. С. Кожухов и Л. И. Меклер вошли в ее состав без достаточно четких полномочий, а позднее вообще вынуждены были отказаться от решающего голоса ввиду неопределенного решения партии по вопросу об организации правительства¹⁷.

Дальнейшую разработку проблема Временного областного правительства Урала нашла в работах О. А. Васьковского,

И. Ф. Плотникова, В. М. Запольской, И. С. Капцуговича, Н. Г. Думовой и ряде коллективных исследований¹⁸. Авторы делают попытку проследить участие политических партий в создании правительства Урала и их влияние на его экономическую деятельность, состояние аграрного вопроса и социальную политику. Исследование этих вопросов позволяет по-новому взглянуть на изучаемую проблему, но к единому мнению историки еще не пришли. Остались разногласия по вопросам о характере правительства, причинах его создания, взаимоотношениях с сибирскими военными властями, соотношении программы и реальной политики правительства и т. д.

Как известно, Областное правительство Урала состояло из представителей кадетов, «социалистических» партий и беспартийных. На основании изучения партийной принадлежности его членов И. С. Капцугович делает вывод о его составе как буржуазном с «черносотенно-кадетским большинством». Участие же меньшевиков и эсеров, по его мнению, лишь прикрывало помещичье-буржуазную сущность новой власти ширмой демократии¹⁹. Более осторожный взгляд высказывает И. Ф. Плотников, считая, что «будучи формально смешанным, это правительство по существу было кадетским»²⁰. Если же учесть уже приведенную его характеристику З. А. Аминёвым, то диапазон оценок получается довольно широким.

Разногласица в определении характера правительства, на наш взгляд, тесно связана с нерешенностью проблемы о причинах его создания. Ведь действительно, какая была необходимость создавать независимую власть на территории, занятой войсками Сибирского правительства? Почему реакционная военщина, оккупировавшая Урал, вынуждена была пригласить для создания правительства меньшевиков и эсеров и терпеть его «либеральную», по сравнению с правительством Сибири, политику, несмотря на многочисленные протесты крупной буржуазии? Ответ на эти вопросы позволит не только определить характер правительства, но и выработать подход к решению всего комплекса проблем.

Итак, что же явилось причиной создания Областного правительства Урала? Такие авторы, как В. М. Запольская, Н. Г. Думова, поддерживают точку зрения, сформулированную в конце 20-х гг.: причиной стал конфликт между Сибирским и Самарским правительствами, вызванный борьбой за освободившуюся территорию Урала. «Союзники», желая предотвратить столкновение между претендентами на всероссийское представительство и объединить все антисоветские силы, заставили враждующие стороны пойти на создание независимой уральской власти. Это мнение, безусловно, верно и имеет под собой реальную историческую основу. Но оно лишь отражает политическую ситуацию момента и не отвечает на поставленные вопросы.

Более основательное освещение получает этот вопрос в

статьях О. А. Васьковского и монографиях, написанных при его участии²¹. Историк считает, что существовали более глубокие причины создания правительства, обусловленные спецификой Уральского региона и расстановкой классовых сил. Промышленный Урал, с его точки зрения, в отличие от аграрной Сибири, крестьянство которой еще не успело почувствовать преимуществ Советской власти, обладал значительным революционным потенциалом. В связи с этим крутая ломка сложившихся после революции отношений грозила вызвать взрыв недовольства среди трудящихся Урала. Учитывая сложность ситуации, наиболее дальновидные представители крупной буржуазии решили использовать соглашательские иллюзии крестьянства и части рабочих, дав возможность принять участие в формировании правительства представителям меньшевиков и эсеров. Роль, которая отводилась мелкобуржуазным лидерам, состояла в том, чтобы поддерживать в массах соглашательские представления и не обострять преждевременно социальных противоречий.

Когда представители мелкобуржуазных партий вошли в состав правительства, они попытались провести в жизнь свою политическую программу. И неправильно было бы считать, утверждает историк, что эта программа ничем не отличалась от требований буржуазно-помещичьей реакции. Конечно, ее авторы тоже исходили из признания неприкосновенности частной собственности и частного предпринимательства. Но они, выражая интересы мелкобуржуазных масс, хотели ограничить власть крупного капитала, сохранить некоторые завоевания рабочего класса, не допустить передачи земли в руки прежних собственников. Однако соглашатели, вошедшие в коалиции с кадетами в правительство, созданное на освобожденной и занятой войсками Сибирского правительства территории, испытывали на себе постоянное давление со стороны реакции и вынуждены были идти на уступки. Именно этой раскладкой сил и объясняется противоречивая внутренняя политика Областного правительства Урала, достаточно убедительно показанная в работах О. А. Васьковского. С одной стороны, правительство объявляет о денационализации промышленности, с другой стороны, путем установления различных формальных условий стремится ограничить ее, чтобы не потерять влияние на рабочих. Объявив свободу торговли и отмену продовольственной монополии, оно под давлением обстоятельств делает попытки введения элементов государственного регулирования торговли. Декларируя принципы социального страхования на уровне «культурных стран», отступает под натиском предпринимателей от своих обещаний. Но в то же время в ответ на требования крупной буржуазии вернуть землю ее прежним хозяевам оставляет уголья в руках «фактических владельцев».

Уральская буржуазия, по мнению автора, до поры терпела такую политику, накапливая силы для решающего удара по

завоеваниям Октября. И когда она почувствовала себя уверенно, то выступила против соглашателей, перестав считаться с ними, и начала восстанавливать свои привилегии явочным порядком с помощью военщины, в руках которой сосредоточивалась реальная власть. Делалось это путем откровенного насилия, причем гонениям подвергались не только противники режима, но и вчерашние «союзники».

По мнению О. А. Васьковского, несмотря на краткость пребывания у власти политика соглашателей имела далеко идущие последствия. Неспособность меньшевиков и эсеров обуздать реакцию явилась причиной их изоляции, но не означала полного банкротства соглашательских иллюзий, порожденных ими. Испытав на себе тяжелый гнет военщины и утратив веру в правительство, рабочие и крестьяне связали свои надежды с созданием более сильной власти, способной в рамках существующего строя обеспечить твердый государственный порядок, защиту демократических свобод, гарантию сохранности жизни и имущества мелкого собственника. И этим, несомненно, воспользовалась реакция, готовившая военный переворот и установление черносотенной диктатуры Колчака. Вот почему переворот 18 ноября 1918 г. не встретил серьезного сопротивления со стороны мелкобуржуазных масс, и прежде всего крестьянства. Больше того, зажиточные крестьяне Урала и Сибири поддержали диктатора, дали ему возможность сформировать многочисленную армию и добиться крупных военных успехов в борьбе с Советской властью²².

Такой подход к решению проблемы позволил О. А. Васьковскому абсолютно верно определить характер Областного правительства Урала как кадетско-меньшевистско-эсеровский, в котором «вместе с кадетами активную роль играли представители соглашательских партий меньшевиков и эсеров»²³.

На основе этого утверждения по-другому теперь можно оценить вопрос о взаимоотношениях с Сибирским правительством и его армией. Вызывает сомнение утверждение, сохранившееся до сих пор в литературе, о том, что правительство Урала было «марионеткой» в руках руководства сибирской армии и командования белочешских войск. И совсем неправомерным представляется отождествление позиции и действий меньшевиков и эсеров с политикой и практикой крупной буржуазии и реакционной военщины. В последнем случае справедливо говорить о моральной ответственности соглашателей за поддержку и участие в правительстве, на территории которого белогвардейцы создали режим жесточайшего террора. Вызывает возражение и мнение ряда авторов о том, что программа Областного правительства Урала «мало чем отличалась от требований крупной буржуазии». Очевидно, в данном случае необходимо учитывать коалиционный характер правительства и разграничивать его декларативные заявления и реальные действия.

Отмечая в целом разработанность проблемы в послевоенный период, следует отметить ее дальнейшее развитие. Практически во всех работах в той или иной степени нашли отражение вопросы социально-экономической деятельности правительства Урала. Авторы говорят о наступлении реакции на жизненный уровень и демократические завоевания рабочего класса, сделали попытку показать влияние крупной буржуазии на деятельность правительства, проанализировать процесс денационализации промышленности, проследить изменения в социальном страховании рабочих и в решении продовольственного вопроса. Больше внимания стало уделяться аграрной политике и отношениям, возникающим вокруг нее. Однако следует подчеркнуть, что во всех этих направлениях сделаны лишь первые шаги, которые требуют дальнейшего развития.

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 60.
- ² См.: Ослоновский А., Орлов А. Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале. Свердловск, 1928.
- ³ Там же. С. 54.
- ⁴ Колчаковщина на Урале (1918—1919 гг.). Свердловск, 1929. С. 14.
- ⁵ См.: Урал. рабочий. 1929. 12 июля.
- ⁶ См.: Там же. 14 июля.
- ⁷ Колчаковщина на Урале (1918—1919 гг.). С. 13.
- ⁸ См.: Силинг Р. Временное областное правительство Урала: (Крат. очерк) // Урал. коммунист. 1929. № 9. С. 23—31.
- ⁹ См.: Силинг Р. Временное областное правительство Урала. С. 25—26.
- ¹⁰ Там же. С. 28.
- ¹¹ Там же. С. 30.
- ¹² См.: Колчаковщина на Урале (1918—1919 гг.).
- ¹³ См.: Таняев А. Колчаковщина на Урале (1918—1919). Москва; Свердловск, 1930.
- ¹⁴ Колчаковщина на Урале (1918—1919 гг.). С. 24.
- ¹⁵ См.: История Урала / Под общ. ред. Ф. С. Горового. Т. 2: Период социализма. Пермь, 1965. С. 103.
- ¹⁶ См.: Аминев З. А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917—1919 гг.). Уфа, 1966. С. 294.
- ¹⁷ См.: Колчаковщина на Урале. (1918—1919 гг.). С. 3, 9.
- ¹⁸ См.: Васьковский О. А. Проблемы истории гражданской войны на Урале в современной исторической литературе // Вопросы историографии гражданской войны на Урале. Свердловск, 1967. С. 3—165; Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969; Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917—1920 гг.). М., 1982; Запольская В. М. Контрреволюционная сущность социально-экономической политики белогвардейских властей на Урале (конец мая — середина ноября 1918 г.). // Из истории уральских и сибирских партийных организаций. Свердловск, 1973. Вып. 7. С. 164—169; Капцугович И. С. Прикамье в огне гражданской войны. Пермь, 1969; Он же. История политической гибели эсеров на Урале. Пермь, 1975; Плотников И. Ф. Героическое подполье: Большевистское подполье Урала и Сибири в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920). М., 1968; Он же. В белогвардейском тылу: Большевистское подполье и партизанское движение на Урале в период гражданской войны (1918—1919). Свердловск, 1978; Революция защищается: Взгляд сквозь годы. Свердловск, 1989; и др.
- ¹⁹ См.: Капцугович И. С. История политической гибели... С. 165.

²⁰ Плотников И. Ф. Героическое подполье. С. 26.

²¹ См.: Гражданская война и иностранная интервенция на Урале; Революция защищается: Взгляд сквозь годы.

²² См.: Васьковский О. А. Проблемы истории гражданской войны на Урале в современной исторической литературе. С. 148.

²³ Там же. С. 132.

О. А. ВАСЬКОВСКИЙ, Е. А. ТЕРТЫШНАЯ
Уральский университет

К вопросу о недостатках отрядной системы в организации Красной Армии на Урале в начале гражданской войны

В 1921 г. в сборнике Уралистпарта «Рабочая революция на Урале» были опубликованы воспоминания бывшего командующего Северо-Урало-Сибирским фронтом, а затем 3-й армией Восточного фронта Р. И. Берзина¹. Это первое весьма содержательное и объективное мнение об особенностях начального периода строительства регулярной армии, высказанное крупным военным специалистом.

То было время, когда основная тяжесть борьбы с контрреволюцией легла на плечи добровольческих отрядов Красной Армии. Сильные духом, своей революционной убежденностью, но плохо вооруженные и обученные, не имевшие представления о том, как действовать в строю, как обращаться с оружием, добровольцы не смогли сдержать натиск регулярных частей противника, несли большие потери. Так, отряды Екатеринбург-Челябинского направления за время боев с 27 мая по 11 июня 1918 г. потеряли почти 1/2 состава.

Причинами неудач советских войск в начале войны являлись также, по мнению автора, отсутствие единого командования, слабая дисциплина, плохая работа штабов, нехватка командных кадров. Недостатки отрядной системы особенно болезненно давали себя знать на Уфимском, Оренбургском и Омском участках фронта. Гораздо лучше вели себя в бою полковые соединения, сформированные Уральским военным комиссариатом и сражавшиеся на подступах к Екатеринбургу.

Опыт войны, пишет Р. И. Берзин, показал жизненную необходимость создания массовой регулярной армии на основе всеобщей воинской повинности. Он считает, что новый принцип комплектования войск впервые показал свои несомненные преимущества именно на Волге и Урале. Здесь возник первый в республике правильно организованный фронт, который объединил под одним командованием все советские отряды, дейст-

вовавшие против чехословаков. Именно в этих регионах начались реорганизация разрозненных добровольческих частей в регулярные воинские соединения — полки, дивизии, армии, а также соответствующая перестройка органов оперативного управления, снабжения и политического просвещения. На Восточном фронте впервые в массовом масштабе были использованы старые военные специалисты, сыгравшие огромную роль в строительстве Красной Армии.

По своему значению воспоминания Р. И. Берзина выходят за рамки чисто источниковой публикации. В них четко сформулирована сущность проблемы, содержатся важные теоретические обобщения. Эта публикация оказала определенное влияние на развитие военно-исторических исследований.

Советские военные историки старшего поколения — А. Анишев, Н. Какурин, А. Городнев, Б. Таль, А. Король, С. Рабинович, — руководствуясь марксистско-ленинским учением о защите социалистического Отечества, правильно поняли необходимость создания регулярной Красной Армии в условиях начавшейся гражданской войны и империалистической интервенции. В частности, А. Анишев подчеркивал, что совместное выступление сил внешней и внутренней контрреволюции произошло в тот момент, когда Вооруженные Силы Советской республики только еще создавались. Организовать отпор интервентам и белогвардейцам можно было путем немедленной мобилизации наиболее сознательной части населения, прежде всего передовых рабочих, коммунистов. Отдавая должное героизму и самоотверженности людей, которые вызвались добровольно защищать Советскую власть, автор вполне обоснованно критиковал недостатки отрядной системы. По его словам, советские войска, малочисленные, разрозненные и плохо вооруженные, не могли противостоять прекрасно организованному противнику, каким были чехословаки. Ссылаясь на воспоминания Р. И. Берзина, Анишев показал, как изживалась отрядная система в период обороны Волги и Урала, подчеркнул большую роль местных Советов и партийных организаций в мобилизации революционных сил и вместе с тем отметил деятельность центральных органов Советской власти по организационному объединению добровольческих отрядов и созданию регулярных воинских частей. В связи с этим говорится о приезде на Урал Высшей военной инспекции во главе с Н. И. Подвойским, о подчинении советских отрядов, сражавшихся против чехословаков, командованию Северо-Урало-Сибирского фронта, о сформировании затем на базе этих отрядов регулярной 3-й армии Восточного фронта².

В произведениях местных историков о гражданской войне и военном строительстве на Урале, опубликованных во второй половине 20-х гг., данная тема рассмотрена на более широкой источниковой базе³. Из них наибольший интерес представляет брошюра П. М. Быкова «Красная армия в борьбе за Урал».

Автор в прошлом активно участвовал в борьбе с контрреволюцией. Но в своей работе он не ограничился одними личными воспоминаниями, а попытался дать систематическое изложение истории создания Красной Армии на Урале, широко используя доступные ему архивные документы о составе, численности, вооружении и боевом расположении советских войск на основных направлениях чехословацкого фронта. В брошюре раскрыты особенности военной организации в начале войны, обоснована необходимость перехода от добровольчества к армии регулярного типа. Автор отмечает, что добровольцы, в первую очередь коммунисты, сами понимали недостатки отрядной системы. П. М. Быков публикует резолюции общих собраний бойцов, требующие покончить с партизанщиной, укрепить воинскую дисциплину, поднять авторитет командиров.

Другой местный военный историк А. Баранов обратил внимание на то, что еще в период борьбы с дутовщиной были предприняты первые шаги к достижению организационного единства советских отрядов. Тогда тактической воинской единицей стала дружина, состоявшая из 400 человек пехоты и кавалерии и 200 человек артиллерии и инженерных войск. Съезд военных комиссаров Уральского округа в марте 1918 г. принял решение считать тактической единицей Красной Армии не дружину, а роту, разделенную на 3 взвода и 9 отделений. Затем был сделан следующий шаг: основой организации армии становится полк. К 15 мая на территории Урала было организовано 8 стрелковых полков и артиллерийских дивизионов в Перми, Челябинске, Уфе, Камышлове и конный эскадрон в Екатеринбурге. Всего к этому времени в Красной Армии числилось здесь около 20 тыс. человек⁴. Таким образом, закладывались организационные основы будущей регулярной армии.

А. Баранов отнюдь не преувеличивает степени организованности военного строительства на Урале. Он замечает, что указанные полки находились еще в стадии формирования и не были полностью укомплектованы, когда разразился чехословацкий мятеж, за исключением 1-го Уральского полка. Хорошо понимая необходимость создания регулярной армии, автор, однако, исходит из того, что добровольчество не являлось надежным источником формирования вооруженных сил. Он не связывает это с опытом начавшейся гражданской войны и интервенции, который показал слабую боеспособность добровольческих отрядов.

Надо заметить, что уральские историки 20-х гг. широко пользовались чуть ли не самым распространенным тогда жанром исторической литературы — воспоминаниями. Ценность этих воспоминаний состояла в том, что они писались вскоре после событий, отличались сравнительной достоверностью и содержали большое количество фактического материала. Их информационная значимость особенно повышалась, когда в качестве мему-

аристов выступали военные специалисты. К числу таких относятся воспоминания И. Онуфриева, написанные на основе дневниковых записей⁵.

Автор — в прошлом офицер старой армии, затем, после революции, активный участник строительства Красной Армии на Урале, командир 3-го Екатеринбургского полка. Его воспоминания посвящены преимущественно истории формирования и боевого пути советских отрядов, действовавших первоначально на Екатеринбург-Челябинском направлении под командованием екатеринбургского уездного военкома П. И. Жебенева. Они содержат конкретные сведения о структуре войск. В середине июня данное направление имело протяженность около 100 верст. Здесь располагалось до десятка отрядов численностью от 50 до 300 человек. В большинстве это были партийные дружины, которые возглавляли Мрачковский, Жебенев, Галенкин, Овчинников и другие командиры.

И. Онуфриев не критикует недостатки отрядной системы. Напротив, он пишет, что дружины коммунистов (были дружины и левых эсеров, и анархистов) отличались относительной дисциплинированностью. В них был высок авторитет командиров, выдвигаемых из среды рабочих и крестьян за храбрость, инициативу и находчивость. В то время действовал принцип выборности командного состава, но в отряде Жебенева командиры в большинстве случаев назначались, при этом учитывались не только их храбрость и опытность, но и популярность среди бойцов. В воспоминаниях отмечается важная роль коммунистов, которые старались повысить политическую сознательность бойцов, беспощадно боролись с авантюристами и проходцами, иногда попадавшими в отряды под видом добровольцев. Как видно из воспоминаний, дружины коммунистов вносили элемент организованности в отрядную систему, становились впоследствии ядром наиболее стойких регулярных полков.

И. Онуфриев вспоминает, что созданию регулярной армии предшествовало укрупнение отрядов, образование под одним командованием группы войск, действовавшей на определенном направлении фронта. После восстания чехословаков все силы, сосредоточенные в Екатеринбурге, были брошены на борьбу с мятежниками, которые начали наступление из Челябинска. Эти отряды под общим командованием Жебенева сосредоточились на Екатеринбург-Челябинском направлении. Была объявлена мобилизация добровольцев в уезде. Из рабочих Нижнетагильского, Режевского, Невьянского заводов, революционно настроенных крестьян начал формироваться 3-й Уральский (впоследствии 3-й Екатеринбургский) полк. 25 июня отряд Жебенева приказом передан в подчинение командующему Северо-Урало-Сибирским фронтом Р. И. Берзину. В состав отряда вошли 3-й Екатеринбургский полк, легкая артиллерийская батарея, отряд анархистов и отряд левых эсеров⁶.

Очень интересен рассказ очевидца об отношении к событиям деревенского населения. После кровопролитных боев за с. Куяш командование отряда, чтобы восполнить потери, произвело мобилизацию в Куяшской волости. Но призванные оказались анти-советски настроенными, замыслили открыть фронт белогвардейцам и в конце концов были разоружены, причем оказали сопротивление. Этот факт дает возможность сделать очень важный вывод о том, что в начале гражданской войны мелкобуржуазные массы в основном не участвовали в вооруженной защите завоеваний социалистической революции, что условия для создания массовой, в основном крестьянской, регулярной армии еще не созрели.

Дальнейшее изучение темы было продолжено после XX съезда партии. В произведениях известных историков С. М. Кляцкина, Л. М. Спирина, Ю. И. Кораблева, П. А. Голуба и других авторов, в литературе, опубликованной местными издательствами (работы З. А. Аминева, П. И. Рощевского, В. С. Скробова, П. С. Лучевникова, М. А. Молодцыгина, А. Спасского, В. В. Дубленных), в коллективных монографиях по истории гражданской войны на Урале на более широкой теоретической и исторической основе показана необходимость перехода к армии регулярного типа.

Ю. И. Кораблев, подводя итоги военного строительства к лету 1918 г., отмечает малочисленность вооруженных сил Советской республики. По его сведениям, в различных частях числилось всего 322 278 бойцов. Из них вооруженных было около 199 тыс. человек, обученных — около 31 тыс., а готовых к выступлению — всего 15 тыс.⁷ Эти силы по численности, вооружению и боевой выучке во много раз уступали войскам интервентов и белогвардейцев. Добровольческий характер Красной Армии не позволял ввести единую систему комплектования и дислокации войск, единую организацию, централизованное управление, строжайшую дисциплину, единую методику обучения и воспитания личного состава. На основе добровольчества нельзя было построить массовую армию, поскольку оно ориентировалось главным образом на пролетариат и оставляло в стороне основную часть крестьянства, нельзя было решить и проблему резервов.

Автор считает, что именно мятеж чехословацкого корпуса особенно ярко выявил недостатки отрядной системы. Он пишет: «Основными причинами поражений советских войск в июне — июле 1918 г. на востоке явились их разрозненность, слабая военная выучка, отсутствие военных специалистов и плохое вооружение»⁸. В книге приводится интересное свидетельство А. Ф. Мясникова, которому в июне 1918 г. было поручено руководить боевыми операциями против чехословаков. В докладной записке Ленину и Свердлову он следующим образом объяснял слабость советских войск: «В частях в буквальном смысле не имеется

командного состава. Полное отсутствие дисциплины. Приказания начальников и особенно боевые задания не выполняются. Снабжение, организация и вообще экипировка частей стоит ниже всякой критики. Части не имеют ни обоза, ни средств для связи, ни разведывательных органов, ни хозяйства и даже технических приспособлений»⁹.

Исследователи особо выделяют неупорядоченность оперативного руководства советскими войсками в начале войны. Вот что пишет об этом Л. М. Спирин: «Уральский военный комиссариат, руководивший боевыми действиями, первое время не имел единого плана операций. Группы войск из-за отсутствия связи действовали, как правило, самостоятельно, не согласуя свои операции с войсками других направлений. Более того, между частями и отрядами одного направления не было согласованных действий. Части и отряды часто занимали или покидали позицию по своему усмотрению, иногда не исполняли приказов военных руководителей»¹⁰.

Подробный анализ состояния революционных сил в начале войны дал башкирский историк З. А. Аминев. В книге об Октябрьской революции и гражданской войне в Башкирии он отмечает, что в начале войны советские войска на Южном Урале были объединены лишь единством цели, но не имели общего командования, правильной военной организации и единого плана действий. На примере действовавшего на Златоустовско-Миасском участке фронта объединенного отряда под командованием Тарасова он показывает чрезвычайную пестроту состава и численности добровольческих дружин. Отряд состоял из 12 мелких отрядов, которые имели следующую численность: Месягутовский — 60 человек, Дуванский — 24, Айлинский — 22, Сисско-Рудничный — 39, Леузинский — 20, Калмакуловский — 33, Тастубинский — 20, Саткинский — 53, Бердяушский — 18, Юрюзанский — 250, Катавский — 39, Бакальский — 18¹¹. Связь между отрядами была слабой. Командиры мелких дружин часто не признавали приказов свыше и действовали сами.

Проявления партизанщины дали особенно остро себя знать во время обороны Уфы. Как свидетельствует З. А. Аминев, после падения Самары советское командование попыталось собрать отступающие части и отряды и с их помощью задержать наступление чехословаков на Уфу. Однако это оказалось чрезвычайно трудным. Добровольческие отряды, деморализованные поражением, самовольно уходили с занимаемых позиций. Наскорю сформированные части Красной Армии, прибывшие на фронт из Казани, Уфы, Симбирска, Бугуруслана, также оказались слабыми, небоеспособными. И хотя наиболее сознательная часть добровольцев сражалась отважно, сдерживая в течение некоторого времени натиск регулярных войск противника в районе железнодорожной станции Чишма, организовать эффективную оборону Уфы так и не удалось.

По мнению автора, партизанщина явилась пороком, от которого особенно сильно страдали советские войска, действовавшие на территории Предуралья. В книге говорится о том, что даже в более поздний период, когда на базе отступивших из Уфы в район Николо-Березовска добровольческих отрядов была сформирована 2-я армия Восточного фронта, далеко не сразу удалось создать военную организацию регулярного типа. Первоначально в армии продолжала господствовать прежняя отрядная система. В ней насчитывалось до 50 крупных и мелких отрядов¹².

Итак, сущность отрядной системы в литературе выявлена достаточно основательно. Однако исследователи и в особенности авторы популярных книг все же мало говорят о том, как недостатки этой системы проявлялись непосредственно на поле боя, каковы были их тактические последствия. Главный упор делается именно на положительных моментах, которые заключались в моральном превосходстве добровольческих отрядов трудящихся над войсками интервентов и белогвардейцев. Такой односторонний подход не создает представления об огромных трудностях начального периода гражданской войны, мешает понять объективную необходимость перехода от добровольческой системы комплектования войск к регулярной военной организации.

Чтобы воссоздать реальную обстановку тех дней, необходимо обратиться к источникам, которые пока слабо изучены. (Имеются в виду материалы, хранящиеся в партийном архиве Свердловской области). Это письма и донесения военных руководителей и комиссаров отдельных направлений, доклады Высшей военной инспекции в период ее пребывания на Урале, приказы, распоряжения, предписания, дневники штаба Северо-Урало-Сибирского фронта, приказы и оперативные сводки Уральского окружного военного комиссариата и другие материалы¹³. В них содержатся подробные и вполне объективные сведения о положении на разных участках фронта, о составе, численности, вооружении и боеспособности советских отрядов, а также различные данные о войсках противника.

После начала мятежа чехословаков одним из первых образовалось Екатеринбург-Челябинское направление фронта, о чем уже говорилось выше. Наиболее активные действия противник предпринимал вдоль линии железной дороги Челябинск — Кыштым, где ему удалось захватить ст. Аргаяш. Регулярным частям чехословацкого корпуса противостояли добровольческие отряды и отдельные соединения Красной Армии, которые были спешно сформированы или переброшены из других районов Урала. Окружной военный комиссар С. А. Анучин, докладывая 1 июня на заседании Екатеринбургского Совета о положении на фронте, сообщил, что под Кыштымом сосредоточено до 15 разных отрядов. По численности они превосходят противника, но плохо

организованы и вооружены. Добровольцы сильны только своим энтузиазмом, говорил докладчик. Половина из них не умеет обращаться с винтовкой. Поэтому приходится не воевать, а заниматься военным обучением. Начальниками отрядов назначены бывшие солдаты, которые хорошо подготовлены политически, но плохо справляются со своими командирскими обязанностями¹⁴.

Подробное описание боевых событий на Екатеринбург-Челябинском направлении за период с 27 мая по 12 июня дается в донесениях начальника штаба Кыштымской группы войск А. Симонова¹⁵. По его сведениям, к началу решающих боев в распоряжении штаба имелось до 2200 штыков и сабель. Стреловыми могли считаться части Костромского и неполностью укомплектованных 2-го и 7-го Уральских и 3-го Екатеринбургского полков. Остальные силы состояли из добровольческих отрядов. Только немногие добровольцы знали военную службу по старой армии. Основная же масса бойцов, хотя и была вооружена, не имела никакого представления о правилах ведения войны. Отряды прибыли на фронт со своими выборными командирами и пытались действовать самостоятельно. Разведка была поставлена плохо. Сведения о противнике добывались через беженцев, переходивших линию фронта. Не хватало военных специалистов, да и относились к ним в отрядах с большим предубеждением. Поэтому начальником артиллерии, например, назначили бывшего рядового солдата старой армии. Но оказалось, что он не умел обращаться с приборами и даже не мог вести стрельбу прямой наводкой. Боевая стойкость некоторых отрядов была очень низкой. При приближении противника необстрелянные бойцы поддавались панике и самовольно оставляли позиции, часто бросая оружие.

Далее в донесениях сообщается, что штаб направления принял ряд мер к реорганизации и укреплению отрядов, установил связь с соседними участками фронта и разработал план наступательных операций против группировки чехословацких войск, сосредоточенной на ст. Аргаяш. Однако осуществить этот план не удалось из-за слабой дисциплинированности отрядов. Когда 8 июня противник внезапно возобновил наступление, упорное сопротивление ему оказали Костромской полк, части 2-го Уральского полка и рабочий отряд под командой Лопатышкина. Особенно отважно сражались костромичи. А. Симонов приводит такой факт. В бою за д. Назырово пятеро белочехов окружили красноармейца и предложили ему сдаться в плен, а тот двоих застрелил из винтовки, одного свалил прикладом, одного заколол штыком, но и сам погиб в этом неравном поединке¹⁶.

При поддержке артиллерии и двух рот 2-го Уральского полка Костромской полк овладел деревней, но, попав под сильный перекрестный огонь пулеметов противника, понес большие потери и вынужден был отступить. Упорно оборонявшийся отряд

Лопатышкина тоже потерял много убитыми и ранеными. Остатки отряда отошли по направлению к Кыштыму, выставив у д. Аязгулово в качестве прикрытия несколько пулеметов. Отважные пулеметчики долго сдерживали наступающего врага. Уже ранеными они два пулемета зарыли в землю, а третий принесли на себе в Кыштым¹⁷.

Другие же части держались нестойко. В разгар боя 7-й Уральский полк, присланный из Перми, самовольно оставил позиции и отошел в тыл, бросив тяжелораненого командира. Дезертировал с фронта Рождественский отряд, которым командовал Тимонин. Ненадежным оказался и 3-й Екатеринбургский полк, также не выполнивший поставленных перед ним боевых задач. В результате фронт советских войск был дезорганизован и началось общее отступление. За два дня боев из 2200 бойцов осталось не более 900. Остальные были убиты и ранены или разошлись по домам¹⁸. С остатками войск штаб попытался организовать оборону Кыштыма, но отряды, за исключением Костромского полка, отказались подчиниться приказам. Они заявили, что разнесут все и перестреляют весь штаб, если их немедленно не отправят в Екатеринбург. И 10 июня город Кыштым без боя был сдан противнику. Только на ст. Уфалей, куда отступили отряды, удалось навести среди них относительный порядок, поднять дисциплину, а с прибытием подкреплений и стабилизировать фронт.

Аналогичное положение первоначально сложилось и под Златоуостом. В архиве сохранилось письмо комиссара Миасс-Златоустовского фронта И. М. Малышева Уральскому областному комитету партии, комиссарам военного округа Анучину и Голощекину, написанное 7 июня и отправленное в Екатеринбург с адъютантом С. Белых. Этот весьма интересный документ впервые использовал П. И. Рощевский, характеризуя недостатки отрядной системы¹⁹.

И. М. Малышев писал: «Вся задача как военного комиссара больше всего в настоящее время должна сводиться к политической работе среди бедноты заводов и деревень, находящихся в зоне военных действий. На самом же деле отсутствие военного руководителя возлагает на меня и другую, чисто оперативную работу. Кроме того, я получил в свое распоряжение недисциплинированные, необученные мелкие отряды в 15—20—50—100 человек, так называемые боевые дружины, которые были посланы из заводов без всякой фильтрации на местах»²⁰. По его мнению, объединить эти отряды в военном и политическом отношении вполне возможно. Но для этого потребуется 400—500 надежных бойцов. Кроме того, нужно прислать военного руководителя для штаба и несколько опытных офицеров.

Далее Малышев дает следующую критическую оценку боевых качеств добровольцев: «Настроение войск самое мешочническое. Если нет палатки или котелка, то они отказываются

идти на позицию; ночью трусят лежать в окопах, стреляют беспорядочно только для того, чтобы было не страшно, при передвижении противника более или менее крупными частями устраивают панику, бегут с фронта, обнажая его, бросают ружья, пулеметы, шинели и прочее»²¹.

С прибытием И. М. Малышева на фронте широко развернулась организационная и воспитательная работа. Советские отряды, столь различные по численности, вооружению и боевому опыту, постепенно сплывались под единым военным и политическим руководством, повышали свою дисциплинированность и боеспособность. К ним на помощь прибывали новые отряды добровольцев. По сведениям Высшей военной инспекции, к середине июня в распоряжении командования Миасс-Златоустовского фронта имелось уже свыше 3000 штыков, 101 сабля, 54 пулемета и 3 орудия. Ядром его явился присланный по просьбе Малышева Эстонский коммунистический батальон в составе 524 пехотинцев и 37 кавалеристов при 17 пулеметах²². Сопrotивление контрреволюционным силам приняло более активный и организованный характер.

Однако недостатки, присущие отрядной системе, все же не были изжиты до конца. Проявление их в значительной мере сдерживалось благодаря комиссару Малышеву, который считался одним из самых крупных партийных руководителей на Урале и пользовался среди рабочих огромным авторитетом. Трагическая гибель комиссара внесла в ряды добровольцев сильное замешательство. Дисциплина в отрядах снова заметно упала. Участились случаи мародерства. Подняли голову притаившиеся провокаторы и паникеры. В конце июня советские войска оставили Златоуст, Кусинский завод и отступили по направлению к Нязепетровску. Отдельные части, например, Пермский отряд под командой комиссара Полушкина, оказались полностью деморализованными и вышли из повиновения.

Все эти события изложены в дневнике штаба Северо-Урало-Сибирского фронта за 29 июня²³. В документе сообщается и о мерах, срочно предпринятых советским командованием с целью наведения порядка в отступавших частях. Прибывший в их распоряжение помощник командующего Белицкий собрал совещание начальников отрядов, на котором было решено образовать Западно-Уральский участок фронта во главе с военным руководителем Пальвадре, военкомаами Жилиным и Бахтиным. Ненадежные части пришлось разоружить. Был проведен общий митинг, чтобы рассеять разные провокационные слухи и поднять настроение бойцов. Командование обратило самое серьезное внимание на охрану железной дороги и ближайшего тыла войск. Перед штабом поставлена общая задача овладеть ст. Бердяуш, помешать продвижению чехословацких эшелонов по Самаро-Златоустовской дороге.

В свете приведенных фактов становится понятной важность

тех организационных и политических мероприятий по сплочению революционных сил на Урале, которые были осуществлены представителями Высшей военной инспекции и командованием Северо-Урало-Сибирского фронта при поддержке местных партийных и советских органов. Суть их заключалась в объединении оперативного и тактического руководства войсками, создании правильно организованных штабов и аппарата снабжения, привлечении на командные должности опытных военных специалистов, постепенной реорганизации отрядов по типу регулярной армии, установлении строгой воинской дисциплины, формировании резервов, налаживании политико-массовой работы и т. д.

¹ См.: Рабочая революция на Урале: Эпизоды и факты (1917—1920 гг.). Екатеринбург, 1921.

² См.: Анишев А. Очерки истории гражданской войны, 1917—1920 гг. Л., 1925. С. 140—143.

³ См.: Быков П. М. Красная Армия в борьбе за Урал: (По материалам Уралиспарта). Свердловск, 1928; Баранов А. Гражданская война на Урале. Свердловск, 1928; Он же. Октябрь и начало гражданской войны на Урале. Свердловск, 1928.

⁴ См.: Баранов А. Гражданская война на Урале. С. 8.

⁵ См.: Онуфриев И. А. Мои воспоминания из гражданской войны на Урале. Екатеринбург, 1922; Он же. Гражданская война на Урале: Воспоминания бывшего комбрига. Свердловск, 1925.

⁶ См.: Онуфриев И. А. Мои воспоминания из гражданской войны на Урале. С. 32.

⁷ См.: Кораблев Ю. И. В. И. Ленин и создание Красной Армии. М., 1970. С. 279.

⁸ Там же. С. 280.

⁹ Там же.

¹⁰ Спирин Л. М. Участие трудящихся Урала в строительстве Красной Армии (1918 г.) // Из истории борьбы советского народа против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции в 1918 г.: Сб. статей. М., 1956. С. 418.

¹¹ См.: Аминев З. А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917—1919 гг.). Уфа, 1966. С. 264.

¹² См.: Там же. С. 285.

¹³ Частично эти материалы использованы в книге «Гражданская война и иностранная интервенция на Урале» (Свердловск, 1969. С. 93—96).

¹⁴ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 580. Л. 26.

¹⁵ Там же. Л. 1—15.

¹⁶ Там же. Д. 750. Л. 9.

¹⁷ Там же. Л. 14.

¹⁸ Там же. Л. 13.

¹⁹ См.: Роцевский П. И. Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966. С. 75.

²⁰ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 501. Л. 361—362.

²¹ Там же. Л. 363.

²² ПАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 767. Л. 11.

²³ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 767. Л. 109—116.

Историки об участии рабочих и крестьян Урала в строительстве Красной Армии в 1918 г.

События, развернувшиеся после победы Октября, подняли на защиту революционных завоеваний тысячи уральских рабочих и крестьян. Поэтому не случайно проблеме мобилизации трудящихся масс Урала на борьбу с контрреволюцией в советской исторической литературе уделяется большое внимание.

Тема эта давно привлекала историков. Однако уровень ее исследования к середине 50-х гг. был еще низок. Анализ литературы показывает, что историки не располагали тогда достаточными фактическими материалами, поэтому не всегда давали объективно-историческое толкование отдельным вопросам проблемы. Например, в монографии Ф. Е. Огородникова утверждается, что местное население в полосе Восточного фронта «не могло дать готовых революционных батальонов или резервов», что оно якобы только сочувствовало Красной Армии, но и это сочувствие «складывалось постепенно, его надо было завоевывать»¹.

Статья Л. М. Спирина стала первым специальным исследованием, положившим начало конкретному изучению темы². От предшествующей литературы эту работу отличает наличие богатой источниковой базы, постановка новых, еще неисследованных вопросов. Автор впервые вводит в научный оборот новые документы Уралоблвоенкомата, Уральского военного округа, Народного комиссариата по военным делам, особенно часто использует материалы 3-й армии, хранящиеся в ЦГАСА; источники других архивов страны. Логическим продолжением темы явилась другая работа Л. М. Спирина³.

В конце 50-х гг. О. А. Васьковский обратился впервые к дифференцированному исследованию участия в создании вооруженных сил уральских рабочих и крестьян⁴.

Подробное изучение истории военного строительства на Урале в первые месяцы Советской власти позволило С. И. Кулянину, М. А. Молодцыгину, В. С. Скробову дать четкую оценку добровольческим формированиям в становлении новой армии⁵. В книге Н. А. Попова показано, как в конце января — начале февраля 1918 г. в ряде промышленных центров края создавались первые части РККА из солдат старой армии⁶. Авторы монографии «Гражданская война и иностранная военная интервенция на Урале»⁷ отмечают активную запись трудящихся Урала в РККА после VII съезда РКП(б), указавшего на необходимость ускорить процесс создания армии.

Выводы исследователей подтверждаются источниками: в марте 1918 г. находилось в полной боевой готовности 16 рот в Екатеринбурге, 8 рот в Перми, несколько рот в Челябинске и других городах Урала⁸. В мае 1918 г. на Урале числилось 19 209 красноармейцев⁹.

В литературе сообщается, что добровольчество не могло удовлетворить фронт в необходимом количестве красноармейцев. Поэтому, считают исследователи, для первого этапа строительства Красной Армии в крае была характерна своеобразная особенность — проведение добровольческих мобилизаций, получившее широкое распространение в первые дни гражданской войны.

Освещение мобилизационной работы (на правах добровольности) в Уфимской губернии раскрывается в трудах З. И. Сиравеа, Л. А. Хвостова, З. А. Аминевы и др.¹⁰ Правда, единой позиции по вопросу о количестве бойцов у исследователей не сложилось: проявилась тенденция «состязательности» — кто назовет большую цифру. З. А. Аминев, ссылаясь на воспоминания Э. С. Кадомцева, считает, что их было 20 тыс. Однако источники (план штаба БОНВ, телеграмма Э. С. Кадомцева на имя В. И. Ленина о количестве бойцов в составе БОНВ)¹¹ называют 12 тыс.

Важные теоретические выводы, позволяющие дать объективную оценку активности трудящихся масс в обороне края, содержатся в работах историков, анализирующих процесс классового движения в период гражданской войны. Базу для этого, как указывалось раньше, заложили труды Л. М. Спирина. Позже проблема получила развитие в специальных монографиях и статьях¹². Но в подавляющем большинстве трудов она анализируется без дифференциации по классам и социальным группам. Главная причина такого подхода к исследованию темы заключается в отсутствии в архивах страны данных о социальном составе частей. Положительные результаты дифференцированного метода могут быть достигнуты лишь при более глубоком изучении истории промышленных центров (городов, заводских поселков) и сельских районов края.

В исторической литературе уже прочно сложилось мнение о том, что рабочему классу Урала первому пришлось организоваться для самозащиты и отрабатывать методы военного строительства. По мнению В. В. Фельдмана, из 286 тыс. учтенных рабочих края значительная часть ушла в Красную Армию и продотряды¹³.

Интересные факты о революционном порыве уральских рабочих в защите края мы находим в «Истории гражданской войны в СССР», в ряде других фундаментальных работ. Они приводятся в литературе по истории рабочего класса, в статьях сборников «Из истории заводов и фабрик Урала», в очерках по истории городов и рабочих поселков края.

В литературе подчеркивается, что высокая концентрация рабочего класса Урала позволяла привлечь к строительству Красной Армии его широкие массы. С началом белочешского мятежа, пишет А. А. Спасский, «на защиту столицы Урала спешили отряды из Екатеринбургa, Верхнего Уфалея, Сысерти, Каслей, Кыштыма, Камышлова, Перми, Лысьвы, Чусовой и других городов и поселков»¹⁴. Только в Белорецком полку, сформированном из рабочих Белорецка, Тирлянского, Катаницкого, Узянского, Авзяно-Петровского заводов, насчитывалось 1300 человек¹⁵. Л. М. Спирин, ссылаясь на материалы штаба Уральской области, отмечает, что 17 июня 1918 г. Пермь дала фронту 2500 человек¹⁶. Согласно подсчетам Л. А. Хвостова, в четырех горно-заводских округах Южного Урала к военному строительству было привлечено более 20 тыс. рабочих¹⁷. Авторы книги «Гражданская война и иностранная военная интервенция на Урале» отмечают, что к 23 июня 1918 г. в Симском заводе насчитывалась 1 тыс. бойцов, в Аша-Балашевском, Миньярском, Белорецком, Богоявленском и Верхне-Уральске — по 2 тыс., в Усть-Катавском и Златоусте — по 4 тыс.¹⁸ П. С. Лучевников считает, что вооруженные силы Южного Урала в начальный период гражданской войны на 50 % состояли из крестьянской и казачьей бедноты¹⁹. Значит, вторую половину их представляли рабочие.

О высоком патриотическом порыве уральских рабочих в защите революции говорит телеграмма, присланная на имя Ленина в СНК из Ирбита²⁰, где из 800 рабочих в Красную Армию вступили 750, т. е. 94 %. В маленьком городке Кунгуре добровольцами в РККА записались 686 рабочих²¹, в Вятке на 4 июня 1918 г. — 772, в Глазове — 237, Елабуге — 215, Котельниче — 232, Сарапуле — 442, Слободском — 79, Орлове — 118, Уржуме — 217, Яранске — 225, в Ижевском заводе — 226, всего по Вятской губернии — 3318 человек²².

По мнению ученых, в начальный период строительства Красной Армии в крае она комплектовалась преимущественно из рабочих. На конкретных примерах зарождения Камышловского, уральских, екатеринбургских, горных, пермских и других полков они показали активность пролетариата в ее создании. Авторы книги по истории 1-го Рабоче-Крестьянского полка считают, что даже в этом полку рабочие составляли 90 %²³.

В литературе четко определены формы привлечения рабочих в Красную Армию. Д. А. Баевский пишет, что пролетарский костяк в РККА складывался по трем направлениям: а) всеобщим путем добровольной записи; б) проведение призывов; в) партийно-комсомольские и профсоюзные мобилизации. Он, как и другие исследователи, отмечает высокую активность уральского пролетариата в создании костяка 2-й и 3-й армий Восточного фронта, приводит несколько примеров о мобилизации всего трудоспособного населения ряда уральских заводов. Им под-

считано, что в годы гражданской войны 76,2 % уральских металлургов принимали участие в создании РККА²⁴.

Привлечение пролетарских сил Урала в ряды Красной Армии освещается в книгах «Гражданская война и иностранная интервенция на Урале», «История Уральского военного округа», в других трудах. В настоящее время доказано, что именно в районах наибольшей концентрации пролетариата наблюдалась особая активность в создании частей. Исследователи обосновывают причины, побудившие рабочих встать на защиту революции, и выделяют главные из них: классовую сознательность и наличие высокой партийной прослойки в их среде.

Опираясь на военно-теоретическое наследие В. И. Ленина и архивные источники, на труды своих предшественников, историки уже в 60-е гг. проанализировали особенности социально-экономического положения классов на Урале к началу гражданской войны. В литературе отмечается влияние мелкобуржуазной стихии на определенную часть уральского пролетариата. Поэтому говорить о всеобщем, полном участии его в создании РККА, как об этом писали некоторые из участников военного строительства²⁵, будет преувеличением, искажением правды.

Наряду с исследованием активности пролетариата в годы гражданской войны в литературе, изданной после XX съезда КПСС, стало больше уделяться внимания роли крестьянских масс в защите Советской власти. В трудах встречаются выводы о том, что в организационный период РККА в стране имели место отрицательные тенденции, проявившиеся в недоверии к крестьянству. Историки пишут, что в 1917 г. многие специалисты военного дела хотели создавать новую армию только из рабочих²⁶. Анализируя военно-теоретическое наследие В. И. Ленина, исследователи доказали, что в стране с преобладающим сельским населением партия большевиков при создании новой военной организации возлагала большие надежды на крестьянство.

Участие сельского населения края в создании Красной Армии раскрывается в коллективных монографиях по истории гражданской войны на Урале, в персональных трудах историков, через конкретный анализ проведения мобилизаций в ряде уездов, формирование красноуфимских, бисертских и других полков уральских дивизий.

В книге «Гражданская война и иностранная военная интервенция на Урале» сделан очень важный вывод, что еще задолго до начала гражданской войны в Уфимской губернии местные партийные организации сумели создать 87 пунктов всеобщего, где были взяты на учет 120 тыс. человек²⁷. Если учесть, что на заводах губернии были заняты всего 50 тыс. человек²⁸, значит, подавляющую массу привлеченных к обучению военному делу составляли крестьяне.

Исследуя проблему участия крестьянства в строительстве

РККА, нельзя обойти такой особой его группы, составляющей немалую часть населения края, связанного с землей, как казачество. Активность казачества Урала в защите Советской власти исследуется специально в трудах В. В. Душенькина, А. П. Ермолина, Н. К. Лисовского, М. Д. Машина, И. Ф. Плотникова, Л. И. Хуторянского²⁹. Однако конкретные цифры о количестве казаков в РККА никто не называет.

В целом же анализ исторической литературы вместе с архивными источниками уже сейчас позволяет определить конкретные результаты участия трудящихся Урала в комплектовании РККА в добровольческий период. Ссылаясь на документы Наркомата по военным делам, исследователи определяют общую численность добровольческих формирований на Урале к 1 июня 1918 г. в 19 209 человек. Правда, архивные источники позволяют внести корректировку в эту проблему. Например, по материалам научных трудов, в Вятской губернии на 1 июня зачислено 3582 добровольца, а согласно источникам, которые мы обнаружили в документах военкомата Уралоблсовета, только на 30 апреля было уже 4083 добровольца³⁰, да еще с 11 мая по 19 июня, по нашим подсчетам, 3353³¹, в общей сложности — 7435.

В исторической литературе есть данные о добровольцах по Уфимской и Оренбургской губерниям на 1 июня 1918 г. В трудах указывается, что только Уфа в первые дни боев направила под Златоуст, Самару и на Пензенско-Сызранское направление 5200 человек. Эту же цифру называет в своем донесении помощник начальника штаба Уфы И. Ф. Туманов³². И. Ф. Плотников подсчитал, что обе губернии дали в отряды южноуральских партизан 10 тыс. человек. К ним следует добавить 17 тыс. уральских рабочих и крестьян, отошедших к Актюбинску³³. Все они могли быть, без сомнения, добровольцами. Получается, что Южный Урал послал в РККА 32 200 добровольцев.

И наконец, следует учесть 17 174 штыка и 238 сабель, числившихся в частях Северо-Урало-Сибирского фронта, действовавших на территории Пермской губернии³⁴.

В общей сложности в добровольческий период строительства Красной Армии Урал дал 57 048 бойцов, из них 2/3 — в результате проведения добровольческих мобилизаций. В литературе верно подчеркивается, что быстрое проведение добровольческих мобилизаций способствовало сбалансированию сил на фронте в короткий срок.

Как показывают материалы, в частности воспоминания Р. И. Берзина³⁵, начавшаяся принудительная мобилизация в Красную Армию оттолкнула часть трудящихся масс от участия в военном строительстве. Причину подобного явления историки объясняют сохранившимся влиянием мелкобуржуазной идеологии на пролетарские слои. П. Г. Матушкин, например, пишет, что в период контрреволюционного выступления «фронтовиков» в Ижевске мятежники сумели собрать до 50 тыс. человек, в то

время как в дивизии В. М. Азина, взявшей мятежный город, насчитывалось всего 5 тыс. бойцов³⁶, т.е. соотношение сил составляло 1:10. Факт быстрого разгрома мятежников незначительными силами говорит о том, что собраны были контрреволюционные части, очевидно, насильственным путем, и потому большинство трудящихся не поддержало мятежников.

Другой причиной, оттолкнувшей крестьянские массы от участия в создании Красной Армии, следует считать имевшие место в деятельности некоторых Советов перегибы, связанные с закрытием фабрик, заводов и проведением принудительного набора в армию всего мужского населения³⁷.

Поворот в политическом сознании уральского пролетариата, по мнению исследователей, произошел лишь после потери узловых промышленных центров края, когда всем стало ясно, что выступление белочехов, объединенное с белым движением, не бунт временного характера, а широкое выступление объединенных сил контрреволюции, рассчитанное на разгром Советской власти.

Источники подтверждают этот вывод. «Перемена в настроении рабочих, их желание обязательной мобилизации» были отмечены на конференции партийных работников края. Решение «о мобилизации всех заводских рабочих Пермской губернии» записано в протоколах объединенного совещания губернского, уездного и городского Советов³⁸.

Вопрос о качественных сдвигах в сознании пролетарских масс Урала в период строительства новой армии изучен слабо и требует к себе усиленного внимания.

Соотношение классовых сил на различных этапах гражданской войны не было постоянным. Важное значение в его изменении играла позиция среднего крестьянства. В специальных работах О. А. Васьковского³⁹ на основе анализа ленинских трудов и архивных документов установлена зависимость успеха военного строительства в крае от позиции уральского крестьянства. К такому же выводу приводят нас и работы И. Ф. Плотникова⁴⁰. На примерах Урала оба историка раскрыли влияние военно-политического союза рабочего класса и крестьянства на активность сельского населения, указав на то, что благодаря укреплению этого союза резко возросла военно-организаторская работа, охватившая к концу 1918 г. всю свободную территорию края.

М. А. Молодцыгин считает, что к этому времени всеобщем было охвачено 250 тыс. человек⁴¹. Основную массу их, конечно, составляли крестьяне, так как крупные промышленные центры Урала были заняты белыми, а на заводах, расположенных на территории, сохранившейся за Советами, и без того не хватало рабочих рук. В монографии А. П. Ненарокова, со ссылкой на документы Народного комиссариата по военным делам, приводится сводный материал об успехах мобилизации по военным

округам на 21 ноября 1918 г.: Уральский военный округ сумел призвать в ряды РККА 65 877 человек⁴² и по количеству мобилизованных занимал второе место в стране после Петроградского военного округа. Таким образом, если иметь в виду 31 557 добровольцев и резервистов РККА⁴³, числившихся на Урале до организации военного округа, получается, что к концу ноября 1918 г. в создании новой армии участвовало 97 434 труженика края. В это число не входят рабочие и крестьяне тех отрядов, которые с началом белочешского мятежа отправлялись на фронт, минуя военные комиссариаты.

Можно отметить положительные результаты в изучении проблемы участия трудящихся масс Урала в строительстве Красной Армии в 1918 г. по губерниям. Наиболее полно данный вопрос разработан по Вятской губернии. Определенного успеха в его освещении добился М. А. Молодцыгин. Согласно его данным, в Вятской губернии за вторую половину 1918 г. военкоматами были принято и мобилизовано 77 747 человек⁴⁴. Если учесть 7436 добровольцев, вступивших в РККА до июля, получается, что Вятская губерния дала в 1918 г. 85 183 бойца, большую часть из которых составляли крестьяне, поскольку в губернии насчитывалось всего 38 589 рабочих⁴⁵.

По Пермской губернии известно, что части Северо-Урало-Сибирского фронта к началу июля 1918 г. насчитывали 17 412 штыков и сабель. Кроме того, согласно отчету Уралокровоенкомиссариата, за вторую половину 1918 г. губерния дала в РККА 40 525 человек⁴⁶. Можно полагать, что здесь в создании Красной Армии приняло участие в 1918 г. 57 937 рабочих и крестьян. Обе названные губернии за вторую половину 1918 г. послали в нее 118 272 человека, а в целом за год — 143 120 человек.

Территория Южного Урала (Уфимская и Оренбургская губернии) во второй половине 1918 г. находилась под властью белогвардейцев. Учитывая, что за первую половину 1918 г. в Красную Армию влились 32 200 добровольцев Южного Урала, можно сделать вывод, что в целом за 1918 г. в строительстве ее приняли участие 175 320 уральских рабочих и крестьян.

Подводя общий итог, необходимо отметить, что проблема мобилизации трудящихся масс Урала на борьбу с контрреволюцией, их участия в строительстве Красной Армии получила освещение в советской исторической литературе. Историки приступили к дифференцированному изучению активности рабочего класса, крестьянства, казачества в защите Советской власти. Отсутствие в материалах архивов данных социального состава частей РККА не позволяет установить число рабочих и крестьян, принявших участие в создании новой армии. Эти недостатки могут быть компенсированы при более глубоком изучении источников на местах. Фонды местных архивов еще недостаточно проанализированы с точки зрения вовлечения рабочих в РККА в конкретных городах, заводских поселках, сельской местности.

Исследование документов в таком плане позволило бы на более высоком научном уровне раскрыть роль каждого класса в защите революции.

- ¹ Огородников Ф. Удар по Колчаку. М., 1938. С. 14.
- ² См.: Спирин Л. М. Участие трудящихся Урала в строительстве Красной Армии, 1918 г. // Из истории борьбы советского народа против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции в 1918 г. М., 1956. С. 39—461.
- ³ См.: Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1967.
- ⁴ См.: Васьковский О. А. Мобилизация сил на защиту Урала от интервентов и белогвардейцев. Усиление контрреволюции. Борьба за Урал зимой 1918 г. // Коммунисты Урала в годы гражданской войны. Свердловск, 1959. С. 117—237.
- ⁵ См.: Кулянин С. И. Красная гвардия на Урале в первой половине 1918 г. // Из истории партийных организаций Урала. Свердловск, 1964. С. 12—20; Молодцыгин М. А. В боях рожденный // История Уральского военного округа. М., 1970. С. 19—111; Скробов В. С. Проблемы военной деятельности Коммунистической партии на Урале, окт. 1917—1920 гг. Свердловск, 1971.
- ⁶ См.: Попов Н. Н. Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трех революциях. Саратов, 1982.
- ⁷ См.: Васьковский О. А., Молодцыгин М. А., Ниренбург Я. Л. и др. Гражданская война и иностранная военная интервенция на Урале. Свердловск, 1969.
- ⁸ См.: Известия Перм. губисполкома, Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 9 апр.
- ⁹ См.: Спирин Л. М. Участие трудящихся Урала в строительстве Красной Армии, 1918 г. С. 402.
- ¹⁰ См.: Сираев З. И. Участие трудящихся Башкирии в борьбе за разгром интервентов и белогвардейцев в 1918—1920 гг. // Советская Башкирия. Уфа, 1957. С. 82—111; Хвостов Л. А. К вопросу о военном строительстве на Южном Урале в конце 1917—первой половине 1918 г. // Вестн. Ленингр. ун-та. 1965. № 8. С. 143—148; Аминов З. А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, 1917—1919 гг. Уфа, 1966.
- ¹¹ ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 763. Л. 91; ЦГАСА. Ф. 176. Оп. 3. Д. 19. Л. 47—48.
- ¹² См.: Умнов А. С. Гражданская война и среднее крестьянство, 1918—1920 гг. М., 1959; Гимпельсон Е. Г. Советский рабочий класс, 1918—1920 гг. М., 1974; и др.
- ¹³ См.: Фельдман В. В. Изменение численности и состава рабочих Урала в 1917—1927 гг. // КПСС в борьбе за создание и развитие тяжелой индустрии на Урале. Свердловск, 1969. С. 7.
- ¹⁴ Спасский А. Третья армия. Пермь, 1958. С. 14.
- ¹⁵ См.: Там же. С. 57.
- ¹⁶ См.: Спирин Л. М. Участие трудящихся Урала в строительстве Красной Армии, 1918 г. С. 415.
- ¹⁷ См.: Хвостов Л. А. К вопросу о военном строительстве на Южном Урале в конце 1917—первой половине 1918 г. С. 147.
- ¹⁸ См.: Васьковский О. А., Молодцыгин М. А., Ниренбург Я. Л. и др. Гражданская война и иностранная военная интервенция на Урале. С. 105.
- ¹⁹ См.: Лучевников П. С. Гражданская война на Южном Урале, 1918—1919 гг. Челябинск, 1958. С. 15.
- ²⁰ ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 534. Л. 252.
- ²¹ ГАСО. Ф. 472. Оп. 1. Д. 12. Л. 35.
- ²² ЦГАСА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 39. Л. 9.

²³ См.: *Кин Т. Г., Софронов Г. П., Феофанов П. Г.* Первый Рабоче-Крестьянский. Свердловск, 1978. С. 18.

²⁴ См.: *Баевский Д. А.* Рабочий класс в первые годы Советской власти, 1917—1921 гг. М., 1974. С. 179.

²⁵ См.: *Кляцкин С. М.* На защите Октября: Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской Республике, 1917—1920. М., 1965. С. 72.

²⁶ См.: *Васьковский О. А., Молодцыгин М. А., Ниренбург Я. Л.* Гражданская война и иностранная военная интервенция на Урале. С. 43.

²⁷ См.: Там же.

²⁸ См.: *Лучевников П. С.* Гражданская война на Южном Урале... С. 10.

²⁹ См.: *Лисовский Н. К.* Разгром дубовщины, 1917—1919 гг. М., 1964; *Плотников И. Ф.* Десять тысяч героев. М., 1967; *Душенькин В. В.* Уральский рейд. М., 1973; *Хуторянский Л. И.* Казачество в период Октября и гражданской войны в советской историографии // Проблемы аграрной истории советского общества. М., 1971; *Ермолин А. П.* Революция и казачество, 1917—1920 гг. М., 1982; *Машин М. Ф.* Оренбургское и уральское казачество в гражданской войне. Саратов, 1984.

³⁰ ГАСО. Ф. 472. Оп. 1. Д. 17. Л. 98.

³¹ ЦГАСА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 108. Л. 201.

³² ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 534. Л. 127.

³³ См.: Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС. Челябинск, 1973. С. 154.

³⁴ См.: *Васьковский О. А., Молодцыгин М. А., Ниренбург Я. Л.* Гражданская война и иностранная военная интервенция на Урале. С. 194.

³⁵ См.: Революц. фронт. 1920. № 3. С. 71.

³⁶ См.: *Матушкин П. Г.* Ленин об Урале. Челябинск, 1961. С. 190.

³⁷ ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 2. Д. 763. Л. 98.

³⁸ ПАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 14; Ф. 41. Оп. 1. Д. 285. Л. 287.

³⁹ См.: *Васьковский О. А.* Проблемы социальных отношений на Урале периода гражданской войны в исторической литературе // Историческая наука за 50 лет, 1917—1967. Свердловск, 1967. С. 131—139; *Он же.* К вопросу о позиции мелкобуржуазных партий на Урале в первый период борьбы за упрочение Советской власти // Наш край. Свердловск, 1971. С. 39—54.

⁴⁰ См.: *Плотников И. Ф.* О союзе пролетариата и крестьянства Сибири и Урала в период Октябрьской революции и гражданской войны // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966; *Он же.* В. И. Ленин о колебаниях и повороте среднего крестьянства Урала и Сибири на сторону Советской власти в период иностранной интервенции и гражданской войны // Классовая борьба на Урале, 1917—1932. Свердловск, 1974. С. 20—36.

⁴¹ См.: История Уральского военного округа. Свердловск, 1968. С. 75.

⁴² См.: *Ненароков А. П.* Восточный фронт, 1918. М., 1969. С. 193.

⁴³ См.: *Куляпин С. И.* Красная гвардия на Урале в первой половине 1918 г. С. 19.

⁴⁴ См.: *Молодцыгин М. А.* В. И. Ленин и освобождение Урала // Воен.-ист. журн. 1969. № 8. С. 4.

⁴⁵ См.: Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии: Сб. документов. Киров, 1957. С. 47.

⁴⁶ См.: Отчет о деятельности Уральского окружного комиссариата по военным делам за два года Октябрьской революции. Екатеринбург, 1919. С. 47.

Современная советская историография мобилизации трудящихся Южного Урала на отпор контрреволюции в начальный период гражданской войны (май — июль, 1918)

Весной 1918 г. Урал стал одним из тех районов страны, где военным путем решалась судьба революции. Поэтому не случайно во многих работах В. И. Ленина содержится глубокий анализ различных аспектов гражданской войны на Урале. В проблематике истории гражданской войны в регионе большое внимание отводится выяснению места и роли в ней чехословацкого мятежа. Данная проблема начала изучаться еще в 20-е гг., но особенно активно и плодотворно она исследуется на современном этапе. Наибольший вклад в ее разработку внесли А. Х. Клеванский, И. И. Минц, М. Мазлер, Л. М. Спирин, А. Л. Литвин и др. Рассматриваемая тема нашла отражение и в уральской историографии, в частности в обобщающих трудах по истории гражданской войны на Урале, в специальных работах О. А. Васьковского, З. А. Аминева, П. С. Лучевникова, И. Ф. Плотникова.

В настоящей статье предпринята попытка подвести некоторые итоги изучения вопроса о роли мятежа белочехов в развязывании гражданской войны на востоке страны, а также проблемы военного строительства на Урале летом 1918 г.

Исследуя круг вопросов, составляющих проблему в целом, историки прежде всего обратили внимание на цели империалистических кругов в развязывании вооруженной борьбы против Советской республики. Несмотря на локальность исследований, ураловеды правильно отмечают, что организация капиталистами США, Англии, Франции и других стран мятежа белочехов была составной частью общего плана империализма, направленного на ликвидацию Советского государства, восстановление власти помещиков и капиталистов, а в конечном итоге — на закабаление его народов иностранным капиталом. Такая оценка причин интервенции присутствует повсеместно в трудах уральских историков. Немаловажное внимание уделено показу роли Антанты в организации выступления чехословацкого корпуса.

Данный вопрос впервые в уральской историографии был исследован челябинским историком П. С. Лучевниковым. Автор обращает внимание на тот факт, что уже в ноябре 1917 г. на секретном совещании в Яссах представители Антанты и командование корпуса приняли совместное решение об использовании чехословацких солдат в борьбе с Советской властью.

Он также подробно анализирует и последующие совещания, особо обратив внимание на секретную встречу 14 мая 1917 г. в Челябинске, на которой было принято решение о сроках выступления корпуса¹. Исследователь рассматривает и методы обработки солдат корпуса, отмечая, что наиболее распространены были такие ее формы, как шантаж и антисоветская клевета². На это указывают и авторы книги «Коммунисты Урала в годы гражданской войны», добавляя в свою очередь немало важную деталь: финансовая поддержка Антанты обеспечила подкуп значительной части офицеров корпуса³. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что против Советской власти выступили не чехословаки, а их контрреволюционное офицерство. Большое значение в этом плане играет анализ классового состава корпуса, ибо он позволяет в значительной степени объяснить успехи антисоветской пропаганды среди чехословаков. В работах уральских историков этому вопросу уделялось определенное внимание. Так, П. С. Лучевников отмечает, что уже при формировании корпуса командование включало в его состав более благонадежных⁴. З. А. Аминев обращает внимание на значительное представительство русского офицерства в составе корпуса⁵. Вместе с тем такой, в основном политический, анализ состава корпуса все-таки не давал полного объяснения причин успеха антисоветской агитации среди чехословаков. Исчерпывающий ответ на этот вопрос дан в работе И. И. Минца «Год 1918-й». На основе глубокого анализа советских и чешских архивов автор пришел к выводу, что в корпусе был значительным слой мелкобуржуазных масс. Так, по подсчетам И. И. Минца, в войсках белочехов соотношение офицеров и солдат было 1 : 16, причем младшие офицеры являлись многократно проверенными солдатами из мелкобуржуазной среды, а старшие были из русских офицеров⁶. Все это, как отмечает автор, позволило успешно вести шовинистическую пропаганду и втянуть чехословаков в мятеж. Исследования ученого позволяют сделать еще один важный вывод: формирование корпуса велось на классовой основе. Об этом, в частности, говорят данные, которые приводит П. С. Лучевников. Он сообщает, что только за март — апрель по политическим мотивам части покинуло около 6 тыс. солдат.

Большой интерес вызывает рассмотрение политической программы руководителей корпуса. В уральской историографии данный вопрос не получил глубокого освещения, историки, как правило, верно отмечают предательство руководителей национального совета, но их политическую платформу они не рассматривают.

Интересное, на наш взгляд, предположение сделал сибирский историк М. Мазлер. По его словам, руководитель Чехословацкого национального совета Масарик полагал, что создание крупных чехословацких воинских формирований усилит его позицию в признании самостоятельности чехословацкого государства⁷. Но

дальнейшего рассмотрения этого положения в контексте участия корпуса в антисоветской борьбе нет. Поэтому взгляд историка на возможность использования мятежа корпуса для решения вопросов, связанных с признанием Антантой чехословацкой государственности, на наш взгляд, не является доказанным.

Более верной является точка зрения академика И. И. Минца, который отмечает, что, оказавшись на полном содержании у Антанты, лидеры национального совета окончательно лишились свободы дальнейших действий⁸. Красноречивым свидетельством тому являются и исследования, проведенные А. Х. Клеванским. Автор, исследуя архивные материалы Чехословацкого национального совета, отмечал, что его лидеры в Париже уже летом 1918 г. предоставили Жанеку полную свободу действий в решении вопросов о том, как использовать корпус в интересах Антанты⁹. Таким образом, в литературе в целом показана предательская роль лидеров национального совета.

Принципиально важным является выяснение вопроса о той роли, которую придавали в своей интервенционистской политике империалисты Уралу. Авторы правильно отмечают, что, подготавливая мятеж белочехов, капиталисты имели здесь свои интересы. В частности, А. П. Абрамовский и М. Д. Машин верно подметили, что огромные сырьевые богатства Южного Урала, а также наличие значительного количества заводов не могли не интересовать Антанту¹⁰. На это указывают также и авторы монографии «Коммунисты Урала в годы гражданской войны»¹¹. Вместе с тем наряду с экономическими были и социальные причины, побудившие интервентов развязать войну именно на Урале. Следует признать, что данный аспект проблемы не получил достаточного освещения в работах уральских историков. В частности, З. А. Аминев, П. С. Лучевников, Н. К. Лисовский, в целом признавая серьезные колебания мелкобуржуазных масс, все-таки обходили стороной вопрос о поддержке ими мятежа. В лучшем случае они отмечали факт поддержки зажиточным казачеством интервентов. Впервые данный вопрос получил всестороннее освещение в монографии «Гражданская война и иностранная интервенция на Урале».

Ураловеды убедительно доказали, что именно опора на мелкобуржуазные слои не только в лице зажиточного, но и многочисленного среднего крестьянства дала возможность объединению сил внутренней и внешней контрреволюции¹². В силу того, что мятеж стал ядром, вокруг которого сплотилась вся контрреволюция, на востоке страны произошло объединение двух сил — интервентов и внутренней контрреволюции. Именно в этом, по словам авторов, заключалась вся сложность гражданской войны. Данная точка зрения получает все большее признание в литературе. Примерно с таких же позиций трактуют трудности гражданской войны на Урале И. Ф. Плотников, В. С. Скробов и др.¹³ Причем эти авторы в отличие от преды-

дущих значительное место уделили показу объединения сил внутренней контрреволюции, подтверждая это многочисленными примерами, связанными с мятежом белочехов.

Мятеж чехословацкого корпуса, начавшийся в Челябинске, развязал гражданскую войну на Урале. Главными стали вопросы военного строительства, проведения мобилизации в Красную Армию.

Эта тема присутствует во всех работах, посвященных гражданской войне на Урале. Вместе с тем вопрос о причинах добровольной мобилизации по-разному освещается в литературе. Так, в исследованиях З. А. Аминова, П. С. Лучевникова в качестве основной и единственной причины добровольной мобилизации на Южном Урале называлось отсутствие здесь значительного количества вооруженных сил¹⁴. Авторы не обратили внимание на социальную сторону процесса: соотношение классовых сил в данный период.

Справедливо в этом плане замечание свердловских историков, которые пишут, что не только отсутствие необходимого количества вооруженных сил, но и классовая борьба, достигшая на Урале в этот период наибольшей остроты, не позволили ввести обязательный принцип комплектования армии, поэтому всеобщая добровольная мобилизация была объективно необходимой, переходной формой в тех условиях для дальнейшего строительства Красной Армии¹⁵. Таким образом, ученые делают очень важный вывод о том, что добровольный принцип был вызван прежде всего историческими условиями, связанными с тем, что крестьянство еще не успело осознать необходимость ведения революционной войны. Данная точка зрения согласуется с мнением, высказанным в общесоюзных работах по этой проблеме¹⁶.

В книгах о гражданской войне красной нитью проходит тема руководящей роли партии, В. И. Ленина в мобилизации сил на отпор врагу. Исследования Ю. П. Петрова, Н. Ф. Кузьмина, Ю. И. Кораблева достаточно ярко и убедительно показали деятельность ЦК РКП(б), В. И. Ленина в укреплении Восточного фронта. В работах уральских историков этот вопрос также освещен основательно. Авторы обращают внимание на постоянное внимание В. И. Ленина к событиям на Урале. Так, П. С. Лучевников сообщает, что по указанию В. И. Ленина на Южный Урал были направлены Петроградский, Латышский и другие отряды¹⁷. Н. К. Лисовский пишет о посылке на Урал 200 московских коммунистов¹⁸. В целом в литературе достаточно полно рассказывается о помощи Центра Уралу в начальный период гражданской войны. По подсчетам авторов книги «Гражданская война и иностранная интервенция на Урале», только с 8 мая по 15 июня на Урал были направлены 35 587 стрелков, 970 кавалеристов, 328 пулеметов и 165 орудий¹⁹.

Более значительно теперь в литературе показана деятельность ЦК в создании и мобилизации на Урале боевых частей.

Исследователи справедливо связывают это с работой Высшей военной инспекции во главе с Н. И. Подвойским. В литературе достаточно убедительно даны ее масштабы и результаты. Ученые приводят многочисленные примеры ускорения мобилизационных мероприятий партийных организаций Южного Урала при поддержке Н. И. Подвойского, укрепления боеспособности отрядов²⁰.

Большое внимание историки уделяют показу деятельности Уралобкома по мобилизации сил. Первым конкретным исследованием данной темы были изыскания Л. М. Спирина. При этом автор отмечает, что вопросы военного строительства находились в центре внимания партийных организаций Урала задолго до начала гражданской войны. Он обращает внимание на то, что уже в апреле 1918 г. IV Уральская областная конференция наметила планы строительства Красной Армии. Историк осветил вопросы проведения добровольческой мобилизации, объективно показывая трудности²¹.

Авторы «Очерков по истории коммунистических организаций Урала» проанализировали ход мобилизации среди коммунистов Урала, отметив, что уже 14 июня все члены партии были мобилизованы на фронт²².

Деятельность Уфимского губкома по организации военного отпора подробно показана в монографии З. А. Аминева. Автор остановился на работе губкома по мобилизации отрядов БОНВ на фронт. Историк раскрывает специфику этой организации, отмечает, что именно наличие отрядов рабочих дружин на южно-уральских заводах дало возможность уже в первые дни отправить на Златоустовский фронт более 2000 бойцов²³. Вместе с тем в книге умалчиваются недостатки этих отрядов. На них, в частности, указано в работе свердловских историков «Коммунисты Урала в годы гражданской войны». Авторы отмечают, что ряд руководителей БОНВов выступали против централизованного управления войсками, за сохранение отрядной системы руководства²⁴.

Яркую страницу в дело защиты завоеваний революции на Южном Урале вписал пролетариат. В работах З. А. Аминева, П. С. Лучевникова отмечается его высокий патриотический подъем. Авторы сообщают о решении рабочих Аши, Сима, Усть-Катава, Юрюзани и других заводов выступить с оружием в руках против интервентов²⁵. Эти высказывания подтверждаются значительным цифровым материалом, так, по подсчетам свердловских историков, уже в первые дни боев рабочие Симского горного округа дали фронту 4200 бойцов²⁶. Исследователи обращают внимание на значительную помощь Южному Уралу пролетариатом других районов Урала. Об этом пишут авторы книги «Гражданская война и иностранная интервенция на Урале», сообщая о посылке на фронт отрядов из Екатеринбурга, Красноуфимска, Сысерти и других городов²⁷. На переднем плане

борьбы находилась и рабочая молодежь Урала. В книге Н. К. Лисовского «Молодые бойцы революции» ярко и убедительно показан вклад молодежи в дело защиты завоеваний Октября. Автор называет имена героев, основные боевые подразделения молодежи²⁸.

В современной литературе значительное место отведено освещению мобилизации в среде крестьянства и казачества.

В работах З. А. Аминова, Н. К. Лисовского, П. С. Лучевникова достаточно широко показан революционный порыв беднейших слоев деревни, которые вместе с рабочими с первых дней мятежа белочехов выступили на защиту революции. Авторами приводится значительное количество примеров, свидетельствующих о стремлении бедноты бороться против контрреволюции. Так, П. С. Лучевников пишет о создании крестьянских частей в Каслинской волости²⁹. З. А. Аминев сообщает об организации отрядов батраков в селах Уфимского уезда³⁰. Факты значительной поддержки крестьян Златоустовского уезда в организации отпора врагу отмечают авторы книги «Коммунисты Урала в годы гражданской войны»³¹.

Организацию красноказачьих отрядов в станицах Оренбургской губернии прослеживают в своих исследованиях Н. К. Лисовский, М. Д. Машин, А. П. Ермолин. Историки справедливо замечают, что первые отряды беднейшего казачества начинают создаваться уже в феврале — марте 1918 г., когда в станицы были направлены агитаторы-большевики: А. Л. Панкеев, И. А. Эйрманов, В. В. Яценко³². В то же время они обращают внимание и на трудности, тормозящие этот процесс. В частности, Г. В. Пожидаева прямо указывает на ошибки Оренбургского губкома, который не всегда проводил гибкую политику, необоснованно вводя жесткие меры по отношению к казакам³³.

По словам А. П. Ермолина, созданию добровольных отрядов в это время мешала активная агитация дутовцев³⁴.

Поведение казачества изменилось в первые дни гражданской войны. Н. К. Лисовский, освещая организацию Верхнеуральского и Троицкого отрядов, подчеркивает, что большинство в них составляли беднейшие слои казачества³⁵. М. Д. Машин отмечает, что в Оренбурге на основе добровольной мобилизации из казаков формируется первый Советский Оренбургский трудовой казачий полк³⁶.

П. С. Лучевников сообщает нам о создании крестьянских отрядов в волостях Троицкого уезда³⁷. Историками сделана попытка подсчета общего количества казаков Оренбуржья, выступивших на защиту революции. Так, по словам М. Д. Машина, за май — июль в Красную Армию влились более 4000 казаков³⁸. Эти цифры красноречиво свидетельствуют о том, что беднейшие слои казачества, наряду с деревенской беднотой, были прочной опорой Советской власти на Южном Урале.

В трудах ураловедов встречаются и примеры активного уча-

ствия части среднего крестьянства и казачества в защите завоеваний Октября летом 1918 г. Так, П. С. Лучевников отмечает, что в ряде районов Каслинской и Троицкой волостей середняк вступал в отряды Красной Армии³⁹. Аналогичные факты содержатся в книге М. Д. Машина. Вместе с тем данные примеры не позволяют говорить об этом явлении как широкомасштабном. Однако ряд ученых полагают, что в этот период контрреволюции удалось привлечь на свою сторону лишь некоторую часть трудового казачества, а основная его масса выступила на стороне Советской власти. С таких позиций выступает П. С. Лучевников, не обосновывая своей точки зрения⁴⁰.

Аналогичного мнения придерживается М. Д. Машин⁴¹. При чем в доказательство своей позиции историк приводит ряд аргументов. По словам автора, главной причиной того, что Советской власти удалось выиграть борьбу за трудовое казачество летом 1918 г., является политический раскол в его рядах, который четко разграничил лагерь революции и контрреволюции. Выше мы уже отмечали, что данная оценка не получила признания у исследователей. В работах А. П. Ермолина и Л. Н. Фурторянского убедительно доказано, что в этот период сословные рамки еще сдерживали казаков, что в целом подтверждает мысль о длительности и сложности перехода казачества на сторону Советской власти.

Ошибка историка, на наш взгляд, заключается в том, что он причины колебаний середняка видит не в его материальном положении, связанном с относительной зажиточностью казачества, а в особом социальном укладе, сдерживавшем переход этой части казачества на сторону Советской власти⁴².

В этом плане значительный вклад в разработку проблемы внесли исследования А. П. Ермолина. Историк прежде всего верно определил постановку вопроса, закономерно видя главную причину колебаний казачества в его экономическом положении. Лучшая обеспеченность земель, а также сословная замкнутость, с одной стороны, и введение продовольственной диктатуры в деревне, с другой, привели значительную часть середняка в лагерь контрреволюции⁴³. С таких позиций рассматривают проблему Я. Л. Ниренбург, Г. В. Пожидаева⁴⁴. Справедливой критике сторонники преувеличения революционности средних слоев деревни подвергнуты в историографическом очерке Л. М. Спирина и А. Л. Литвина⁴⁵.

В то же время существующие в исторической литературе разногласия свидетельствуют о необходимости дальнейшего изучения влияния социально-экономических факторов на поведение средних слоев деревни.

Большую роль в защите завоеваний Октября на Южном Урале сыграли национальные формирования. Значительное внимание данному вопросу уделили в своих работах З. А. Аминев, А. М. Алмаева, В. И. Ананьев. З. А. Аминев обращает наше

внимание на создание в Уфе летом 1918 г. татаро-башкирской дружины, а также организацию в Белебее, Орске, Оренбурге мусульманских отрядов⁴⁶. А. М. Алмаева в отличие от З. А. Аминова, который считает работу с национальными меньшинствами в целом успешной, полагает, что в этот период деятельность большевиков по организации национальных частей была незначительной, в результате чего контрреволюции удалось увлечь за собой их значительную часть⁴⁷. Организацию интернационального легиона в Оренбурге прослеживает В. И. Ананьев⁴⁸.

Как положительный момент следует отметить стремление современных исследователей дать оценку итогам добровольческой мобилизации на Южном Урале и в регионе в целом. В работах 50-х гг. этой проблеме не уделялось должного внимания. Авторы, как правило, ограничивались декларативной оценкой, не отмечая сложности проведения этой кампании. Впервые глубокий анализ итогов мобилизации был предпринят в работе «Гражданская война и иностранная интервенция на Урале». В частности, авторы книги отмечают, что уже в ходе мобилизации отдельные руководители часто переходили от формирования крупных частей к мелким отрядам, что свидетельствовало о сохранении патриотизма мелкобуржуазного толка⁴⁹. О недостатках, проявившихся в период мобилизации, пишет М. А. Молодцыгин. Он подчеркнул, что мобилизация порождала множество органов типа чрезвычайных штабов, создание которых в целом не вызывалось необходимостью⁵⁰. Данные примеры свидетельствуют о том, что добровольная мобилизация на Урале имела свои сложности и трудности. Вместе с тем ураловеды едины в оценке общих итогов мобилизации, отмечая, что она прошла как большая политическая кампания, показывают примеры «высокого патриотизма рабочего класса и беднейшего крестьянства»⁵¹. Исследователи, занимающиеся этой проблемой, обратили внимание на некоторые особенности проведения мобилизации на Урале. Так, М. А. Молодцыгин отмечает, что она с первых дней содержала в себе элементы обязательности. Автор в качестве доказательства приводит примеры широкой обязательной мобилизации коммунистов в Уфимской губернии⁵². Аналогичные факты по Пермской губернии сообщают свердловские историки⁵³. Все это говорит о том, что добровольная мобилизация на Урале являлась переходной формой к кадровой Красной Армии.

Южный Урал, как известно, был сравнительно быстро захвачен силами контрреволюции. Поэтому строительство регулярной армии здесь не получило такого широкого размаха, как в Пермской губернии. Вместе с тем и здесь были достигнуты определенные успехи в создании регулярных частей. Так, в книге свердловских авторов показан процесс сведения добровольческих отрядов, сражавшихся под Аргаяшом, Кыштымом, в регулярные части, причем отмечены и трудности перехода⁵⁴.

Авторы работы «Коммунисты Урала в годы гражданской войны» справедливо считают, что элементы перестройки добровольческих отрядов в регулярные части имели место под Златоустом, правильно связывают этот процесс с деятельностью И. М. Малышева⁵⁵. Таким образом, несмотря на серьезные трудности, данный процесс на Южном Урале осуществляется с начала военных действий.

Подводя итог изучению рассматриваемой темы, следует подчеркнуть, что на данном этапе насущной становится задача дальнейшего изучения роли и места интервенции в развязывании гражданской войны. Назрела настоятельная необходимость введения в научный оборот всех видов документов, как революционного, так и контрреволюционного лагеря, что позволит более полно показать масштабы и методы борьбы международного капитала с Советской властью.

¹ См.: Лучевников П. С. Гражданская война на Южном Урале. Челябинск, 1958. С. 25—28.

² См.: Там же. С. 27.

³ См.: Коммунисты Урала в годы гражданской войны. Свердловск, 1959. С. 119.

⁴ См.: Лучевников П. С. Гражданская война на Южном Урале. С. 26.

⁵ См.: Аминев З. А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. Уфа, 1966. С. 247.

⁶ См.: Минц И. И. Год 1918-й. М., 1982. С. 496.

⁷ См.: Мазлер М. Чехословацкий корпус, союзная интервенция и Колчак // Байкал (Иркутск). 1970. № 5. С. 141.

⁸ См.: Минц И. И. Год 1918-й. С. 499.

⁹ См.: Клеванский А. А. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус: Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России, 1914—1921 гг. М., 1965. С. 275.

¹⁰ См.: Абрамовский А. П., Машин М. Д. Из истории большевистского подполья и партизанского движения в Троицком уезде в 1918—1919 гг. // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск, 1969. Вып. 4. С. 68—69.

¹¹ См.: Коммунисты Урала в годы гражданской войны. С. 120.

¹² См.: Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969. С. 62—64.

¹³ См.: Плотников И. Ф. В тылу врага. Уфа, 1981. С. 8; Скробов В. С. Проблемы военной деятельности Коммунистической партии на Урале (окт. 1917—1920 г.). Свердловск, 1971. С. 124.

¹⁴ См.: Аминев З. А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. С. 249; Лучевников П. С. Гражданская война на Южном Урале. С. 36.

¹⁵ См.: Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. С. 83.

¹⁶ См.: Кузьмин Г. В. Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1958. С. 27.

¹⁷ См.: Лучевников П. С. Гражданская война на Южном Урале. С. 36.

¹⁸ См.: Лисовский Н. К. Разгром дутовщины. Челябинск, 1964. С. 58.

¹⁹ См.: Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. С. 101.

²⁰ См.: Там же. С. 101.

²¹ См.: Спирин Л. М. Участие трудящихся Урала в строительстве Красной Армии в 1918 г. // Из истории борьбы советского народа против иностранной и внутренней контрреволюции. М., 1956. С. 398, 448—449.

- ²² См.: Очерки истории коммунистических организаций Урала. Свердловск, 1971. Т. 1. С. 341.
- ²³ См.: *Аминев З. А.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. С. 251.
- ²⁴ См.: Коммунисты Урала в годы гражданской войны. С. 110.
- ²⁵ См.: *Аминев З. А.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. С. 251—252; *Лучевников П. С.* Гражданская война на Южном Урале. С. 38.
- ²⁶ См.: Коммунисты Урала в годы гражданской войны. С. 127.
- ²⁷ См.: Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. С. 86.
- ²⁸ См.: *Лисовский Н. К.* Молодые бойцы революции. Челябинск, 1958.
- ²⁹ См.: *Лучевников П. С.* Гражданская война на Южном Урале. С. 39.
- ³⁰ См.: *Аминев З. А.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. С. 258.
- ³¹ См.: Коммунисты Урала в годы гражданской войны. С. 140.
- ³² См.: Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. С. 79.
- ³³ См.: *Пожидаева Г. В.* Организация Советской власти весной 1918 г. в Оренбургском казачьем войске // Учен. зап. Урал. ун-та. Свердловск, 1971. № 120. С. 50.
- ³⁴ См.: *Ермолин А. П.* Революция и казачество. М., 1982. С. 115.
- ³⁵ См.: *Лисовский Н. К.* Разгром дутовщины. С. 60—62.
- ³⁶ См.: *Машин М. Д.* Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны. Саратов, 1984. С. 31.
- ³⁷ См.: *Лучевников П. С.* Гражданская война на Южном Урале. С. 38—39.
- ³⁸ См.: *Машин М. Д.* Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны. С. 33.
- ³⁹ См.: *Лучевников П. С.* Гражданская война на Южном Урале. С. 38—39.
- ⁴⁰ См.: Там же. С. 39.
- ⁴¹ См.: *Машин М. Д.* Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны. С. 33.
- ⁴² См.: Там же. С. 42.
- ⁴³ См.: *Ермолин А. П.* Революция и казачество. С. 113—114.
- ⁴⁴ См.: *Ниренбург Я. Л., Пожидаева Г. В.* Историография борьбы рабочего класса за трудовое казачество Оренбуржья в период Октябрьской революции и гражданской войны // Историография истории создания и развития союза рабочего класса и крестьянства на Урале. Свердловск, 1982. С. 25.
- ⁴⁵ См.: *Спирин Л. М., Литвин А. Л.* Партия большевиков — организатор разгрома белогвардейцев и интервентов: (Историогр. очерк). М., 1980. С. 37—38.
- ⁴⁶ См.: *Аминев З. А.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. С. 259.
- ⁴⁷ См.: *Алмаева Л. М.* Деятельность ленинской национальной политики в 1917—1929 гг. // Сб. науч. тр. по истории КПСС. Челябинск, 1969. Вып. 4. С. 107.
- ⁴⁸ См.: *Ананьев В. И.* В борьбе рожденное братство. Челябинск, 1966. С. 68—69.
- ⁴⁹ См.: Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. С. 83.
- ⁵⁰ См.: *Молодцыгин М. А.* Добровольческие мобилизации на Урале в годы гражданской войны // Учен. зап. Урал. ун-та. Свердловск, 1970. № 100. С. 141.
- ⁵¹ Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. С. 81.
- ⁵² См.: *Молодцыгин М. А.* Добровольческие мобилизации на Урале в годы гражданской войны. С. 139—140.
- ⁵³ См.: Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. С. 82.
- ⁵⁴ См.: Там же. С. 105.
- ⁵⁵ См.: Коммунисты Урала в годы гражданской войны. С. 141.

Современная историография восстановления Советской власти на Урале после разгрома колчаковщины

Начальный период интервенции и гражданской войны сложился неблагоприятно для пролетарского государства. В силу ряда объективных обстоятельств вооруженное сопротивление контрреволюции на Урале привело к временной утрате здесь Советской власти. Главной из этих причин историки считают колебания среднего крестьянства, которое, не сумев на первых порах оценить всех преимуществ новой власти, занимало выжидательную позицию или даже поддерживало врагов Советского государства. Зажиточная часть крестьянства была особенно недовольна продовольственной диктатурой. В этом акте рабоче-крестьянского правительства мелкая буржуазия увидела серьезное ущемление своих прав на свободную торговлю хлебом. В. И. Ленин по этому поводу писал: «Диктатура пролетариата не понравилась крестьянам особенно там, где больше всего излишков хлеба, когда большевики показали, что будут строго и властно добиваться передачи этих излишков государству по твердым ценам»¹.

Поведение среднего крестьянства определялось и рядом субъективных моментов, и в частности тем, что учет и раздел земель на Урале не были завершены до оккупации края белогвардейцами. Были и другие субъективные причины колебаний крестьянина-середняка, недовольства его диктатурой пролетариата. Протест крестьян, подчеркивают историки, нередко вызывался неправильными действиями местных органов власти, злоупотреблениями отдельных должностных лиц, серьезными просчетами в налоговой и продовольственной политике на местах, извращением национальной политики Советской власти. Всем этим, пишут исследователи, умело пользовались влиятельные на Урале соглашательские партии меньшевиков и эсеров, которые своей социальной демагогией усиливали антисоветское настроение масс, толкали их на вооруженную борьбу с пролетариатом.

После ликвидации Советской власти на территории края белогвардейцы установили кровавый антинародный режим. Он усилился, подчеркивается в литературе, особенно после совершенного Колчаком военного переворота и установления открытой, ничем не ограниченной буржуазно-помещичьей диктатуры, которая, по выражению В. И. Ленина, была хуже царской. В трудах П. С. Лучевникова, О. А. Васьковского, И. Ф. Плотно-

никова, П. И. Рощевского, З. А. Аминева и других историков систематизирован и обобщен громадный фактический материал, рассказывающий о том, как открывалась трудовому народу страшная правда о Колчаке, как под напором суровой действительности рассеивались остатки соглашательских иллюзий. Можно считать, что классовая сущность экономической программы белогвардейских оккупантов, ставившей целью «перешить» решенные революцией вопросы, и методы реализации этой программы сейчас выяснены достаточно убедительно. Но есть смысл глубже разобраться в социальной направленности массового колчаковского террора, как это попытался сделать О. А. Васьковский. Он привел материалы, извлеченные из архивов, которые убедительно свидетельствуют о том, что террор обрушился не только на большевиков, советских работников, передовых рабочих, семьи красноармейцев, но и затронул широкие слои населения, всех, кто проявлял малейшее неповиновение или недовольство, протестовал против грабительских поборов и насилий, кто хоть немного сочувствовал Советской власти². В. И. Ленин, характеризуя сущность колчаковского режима, писал: «И что же мы видим в этих местах, на развалинах Советов? Полное торжество капиталистов и помещиков, стон и проклятия в среде рабочих и крестьян. Земля отдана дворянам, фабрики и заводы их прежним владельцам. Восьмичасовой рабочий день уничтожен, рабочие и крестьянские организации упразднены, а на их место восстановлены царские земства и старая полицейская власть»³.

Опыт колчаковщины не прошел бесследно. Крестьянство Урала получило суровый урок классовой борьбы. Реальность реставрации буржуазно-помещичьих порядков, цену которым крестьяне хорошо знали, заставила середняка прийти к выводу о необходимости всемерной поддержки Советской власти в ее борьбе с силами международного империализма. Крестьянство, испытав диктатуру рабочего класса и диктатуру помещиков и буржуазии, убедилось в том, что только диктатура пролетариата является единственной защитницей его интересов, и сделало выбор в пользу Советов. Опыт гражданской войны, подчеркивается в литературе, создавал объективные предпосылки для массового поворота среднего крестьянства на сторону Советской власти. В. И. Ленин указывал, что сочувствие диктатуре пролетариата со стороны большинства трудящихся на необъятных пространствах Урала и Сибири было обнаружено не голосованиями, а опытом годичной власти царского генерала Колчака.

Руководствуясь оценкой В. И. Ленина уроков колчаковщины, историки постарались показать на многочисленных фактах, что из этого извлекли для себя трудящиеся Урала. Из литературы видно, как изменение политических взглядов среднего крестьянства отразилось на вражеском лагере. Именно с этими изме-

нениями, а также с целеустремленной борьбой большевистского подполья за колеблющиеся массы в условиях белогвардейской оккупации О. А. Васьковский, И. Ф. Плотников, П. И. Рошевский связывают широкое движение сопротивления в тылу Колчака, разложение белой армии весной — летом 1919 г. Историки отмечают, что характерными чертами кризиса белогвардейского стана, и в частности вооруженных сил, было падение дисциплины, мародерство, дезертирство и массовые переходы колчаковских солдат на сторону Красной Армии.

Важнейший признак коренного перелома в настроении масс в пользу Советской власти исследователи справедливо видят в высокой политической активности рабочих и крестьян, проявившейся в восторженной встрече частей Красной Армии, оказавшей им всесторонней помощи в разгроме врага. Характеризуя политическую обстановку, которая сложилась на Урале в результате разгрома белогвардейцев, историки рассказывают об отходе масс от скомпрометировавших себя соглашательской политикой меньшевиков и эсеров, о возросшем доверии трудящихся к большевикам, которые героическими делами на фронте и во вражеском тылу подтвердили свою репутацию бескомпромиссных борцов с контрреволюцией. Изменение политического настроения среднего крестьянства проявилось, как указывается в литературе, и в других формах, например, в ином, более добросовестном отношении трудящихся к своим обязанностям перед революцией.

Сложившаяся после разгрома белогвардейщины благоприятная для Советской власти расстановка классовых сил и политических партий на Урале значительно ускорила процессы восстановления и укрепления государственного аппарата, мобилизации всех сил на разгром врага.

П. И. Рошевский, Я. Л. Ниренбург, Р. Г. Ганеев, К. А. Андреев, В. С. Скробов, Е. Ф. Кривошеенкова, Г. В. Пожидаева, Н. В. Бузуверова, автор данных строк и другие исследователи, в той или иной мере разрабатывавшие проблему восстановления органов Советской власти на Урале, затронули ряд существенных ее аспектов. В первую очередь они рассказали об исключительно сложной военно-политической обстановке, в которой проходило воссоздание Советской власти. Продолжалась ожесточенная гражданская война, и Урал какое-то время оставался прифронтовой полосой, ближайшим тылом Красной Армии. Оставленные белогвардейцами банды и диверсионные группы терроризировали население, срывали мероприятия пролетарской власти по нормализации жизни края, ликвидации последствий колчаковщины. Не прекращали антисоветскую деятельность остатки мелкобуржуазных партий. В этих условиях, пришли к выводу историки, невозможно и нецелесообразно было сразу приступить к организации выборных органов власти. Необходимо было создать государственный аппарат, провести ряд чрез-

вычайных мер для укрепления Советской власти, спасения трудящихся масс от голода, быстрой мобилизации богатейших ресурсов освобожденного Урала с целью оказания эффективной помощи фронту. Такими органами, как и на первом этапе гражданской войны и интервенции, явились губернские, уездные, волостные, станичные, сельские революционные комитеты. В то же время, по справедливому замечанию известного исследователя истории революционных комитетов периода гражданской войны В. И. Шишкина, ревкомы освобожденных от белогвардейцев местностей по своим функциям существенно отличались от ревкомов тыла и прифронтовой полосы. Они занимались, пишет историк, не только вопросами, связанными с военными нуждами, но и осуществляли все без исключения мероприятия, которые должны были проводить местные государственные органы⁴.

Процесс восстановления ревкомов на Урале проходил сравнительно быстрыми темпами благодаря тому, что большинство населения извлекло правильные выводы из уроков гражданской войны. Подчеркивая политическую активность трудящихся масс освобожденных от белогвардейцев районов, В. И. Ленин писал: «В настоящее время во всех этих губерниях кипит такая советская работа, о которой здесь не имеют понятия»⁵. Формирование губернских ревкомов проходило на Урале — августе 1919 г. по мере изгнания колчаковцев. Если говорить о конкретных сроках создания каждого из них, то, судя по литературе, они выглядят так. 13 июня приступил к работе Уфимский губернский революционный комитет. В июле Вятским губревкомом был определен Пермский губревком. 15 июля с помощью Вятского губревкома и политотдела 2-й армии был создан Екатеринбургский революционный комитет. В связи с разделением Пермской губернии и выделением из ее состава Екатеринбургской на заседании Пермского губревкома 19 июля был создан Екатеринбургский революционный комитет. 28 июля организовался ревком в Челябинске. В начале сентября 1919 г. после выделения самостоятельной Челябинской губернии ревком переименовали в Челябинский губревком, и он стал осуществлять функции высшего губернского органа. В Тюмени временный ревком создан 11 августа 1919 г. После его реорганизации 18 августа политотдел 51-й дивизии 3-й армии образовал новый ревком, ставший затем высшим губернским органом власти.

Уездные чрезвычайные органы власти создавались одновременно с губернскими или даже раньше их, но в целом процесс организации уездных ревкомов растянулся, особенно в Зауралье, на более длительное время. П. И. Рощевский сообщает, что восстановление Советской власти в форме уездных ревкомов в наиболее населенной части Тобольско-Тюменской губернии закончилось в середине ноября 1919 г., а на Обском Севере — в начале 1920 г.⁶ Историк объясняет это более поздним разгро-

мом колчаковцев на территории губернии, оторванностью ее северных районов от промышленных центров, социально-экономической и политической отсталостью местного населения. Уездные ревкомы, так же как и губернские, формировались по принципу представительства воинских частей, партийных и общественных организаций. В ряде случаев, подчеркивают историки, уездные ревкомы избирались на общих собраниях рабочих и крестьян. Я. Л. Ниренбург, например, рассказывает об избрании собранием трудящихся Туринского ревкома Тюменской губернии⁷.

Самое массовое звено чрезвычайных органов власти — сельские, волостные, станичные ревкомы, пришли к выводу исследователи, создавались преимущественно на выборных началах и утверждались вышестоящими ревкомками. Анализируя факты, историки также отметили, что темпы и сроки создания деревенских ревкомов были более интенсивными и короткими в промышленных районах края, чем в сельскохозяйственных.

Интересный материал, касающийся специфики воссоздания Советской власти на казачьей территории края, опубликовала Г. В. Пожидаева. Учитывая особенности жизни местного населения, пишет она, в Оренбургской губернии создали укрепленный район. Этот орган выполнял функции губревкома. Деятельность ревкомов, которые начали создаваться в августе — сентябре 1919 г., направлялась и контролировалась военно-административным отделом Управления станицами Оренбургского укрепленного района. Учитывая особенности казачества и сложность работы в его среде, ВЦИК и Реввоенсовет Республики 5 сентября 1919 г. преобразовали военно-административный отдел укрепрайона в казачий отдел. Согласно временному положению о станичных ревкомках Оренбургской губернии, изданному 21 августа 1919 г., в каждой станице с населением свыше 1000 человек создавался ревком в составе 3—5 человек. В небольших поселках власть осуществлялась комендантами⁸.

Н. Ф. Бугай, Г. В. Пожидаева, А. П. Ермолин обратили внимание на трудности советского строительства в казачьих станицах. Историки пишут о том, что не все казачество сразу поняло народный характер ревкомов и приняло их за свои органы власти. Положение осложнялось тем, что среди большевиков Оренбуржья проявились разногласия при определении тактики по отношению к трудящимся массам, и некоторые коммунисты, не дифференцируя казачество, видели в нем враждебную социализму силу. Все это не могло не отразиться на восстановлении Советской власти. В. С. Скробов упоминает доклад о деятельности крестьянского подотдела 5-й армии, в котором говорилось, что работа по созданию временных органов власти в станицах, освобожденных 27-й стрелковой дивизией, «идет медленно», что «казачество по отношению к Советской власти держится в большинстве нейтрально»⁹. Вместе с тем, отмечая особую трудность,

длительность процесса восстановления Советской власти в Оренбуржье, историки все-таки не связывают это с конкретной расстановкой классовых сил в этом районе. Между тем в литературе неоднократно подчеркивалось, что именно в Оренбуржье наблюдалось более длительное колебание трудящихся казаков, прекращение которого И. Ф. Плотников, например, относит в основном на осень 1919 г.¹⁰

Однако было бы неправильно думать, как это делает большинство историков, что после освобождения Урала вся полнота власти была временно сосредоточена в руках революционных комитетов. Я. Л. Ниренбург, Е. Г. Гимпельсон, автор данного исследования считают, что ревкомы были хотя и главной, но не единственной формой органов власти, возникших на освобожденной территории края, что в ряде мест Екатеринбургского и других уездов воссоздание Советской власти осуществлялось сразу путем выборов Советов. Факт, бесспорно, интересный. Но, к сожалению, авторы ограничились только приведением нескольких примеров, не вдаваясь глубоко в причины этого явления и не показывая, как часто народная власть восстанавливалась сразу в форме Советов.

Исследуя тему, историки коснулись вопроса о том, кто создавал ревкомы. Как нам представляется, наиболее четко и полно высказался по этому поводу П. И. Рощевский: «Основная роль в воссоздании партийных и советских организаций и учреждений на освобожденной от белогвардейцев территории принадлежала губернским партийным и советским органам смежных районов, незахваченных противником, или тех, где Советская власть была уже восстановлена... Однако непосредственная работа по воссозданию партийных и советских органов в прифронтовой полосе... в значительной мере ложилась на партийно-политический аппарат Красной Армии»¹¹. Материалы, опубликованные историками, подтверждают этот вывод. В литературе рассказывается, например, об участии Вятского губревкома в создании Пермского губревкома, который в свою очередь сформировал Екатеринбургский губернский революционный комитет. С помощью екатеринбургских советских и партийных органов были созданы Тюменский ревком и его отделы. Исследователями неоднократно подчеркивалось, что Вятский губревком разработал инструкцию о восстановлении Советской власти, которая 24 июня 1919 г. приказом по войскам 3-й армии Восточного фронта была введена на всей территории действия армии¹².

В литературе отмечается большая роль в советском строительстве отделов управлений губернских и уездных ревкомов. Инструкторы-организаторы этих отделов поддерживали связь с местными органами власти, следили за правильным построением и работой низовых органов власти, вскрывали злоупотребления должностных лиц и отстраняли их от занимаемых постов. Им было предоставлено право в случае необходимости распу-

·скать ревкомы и создавать новые. Но обо всем этом историки говорят лишь в общем. Обращение к материалам челябинских и свердловских архивов дает возможность конкретно показать напряженную работу отделов управлений. Так, 24 инструктора Челябинского уезда за октябрь 1919 г. побывали в 37 командировках, проинструктировали и проконтролировали 55 волостных, станичных и 87 сельских и поселковых ревкомов. Они провели 16 ревизий волостных и станичных ревкомов, за бездеятельность и саботаж 9 из них переизбрали. В 19 волостях и станицах, 23 селах и поселках организовали ячейки сочувствующих РКП (б) ¹³.

В деятельности губернских органов власти особое место занимали районы, где процесс восстановления Советской власти по каким-то причинам задерживался. В этих случаях губревкомы и их отделы управления, как это видно из архивных документов, не ограничивались обычными формами оказания помощи на местах, а изыскивали новые, требовавшие использования больших сил и средств, но зато и более эффективных. В Усольский и Чердынский уезды, где из-за их оторванности от губернского центра и незначительного количества советских работников восстановление Советской власти шло медленными темпами, Пермский губревком на заседании 29 июля 1919 г. в целях ускорения организации власти постановил направить экспедицию из представителей губернских отделов. С экспедицией были также посланы работники по всем отраслям советской работы для оставления их в уездах на постоянную работу ¹⁴.

Кроме организационной помощи губревкомы на восстановление Советской власти выделяли значительные денежные суммы. Например, 19 сентября 1919 г. Кустанайский ревком получил от Челябинского губревкома 5 млн р. ¹⁵ В сентябре 1919 г. Пермский губревком отпустил каждому уезду губернии на советское строительство по 100 тыс. р. ¹⁶

Как свидетельствуют историки, вся работа по восстановлению Советской власти велась под руководством и при помощи партийных организаций. Они выделяли коммунистов для создания, инструктирования, контроля ревкомов, для постоянной и временной работы в них. Я. Л. Ниренбург рассказывает, что 2 июля 1919 г. на общем собрании пермских коммунистов был обсужден вопрос о восстановлении в губернии Советской власти. Собрание решило впредь до приезда в Пермь членов ревкома, назначенных Реввоенсоветом 3-й армии, создать для восстановления советских губернских учреждений временный губревком в составе 5 человек. Сразу после освобождения Челябинска инициативная группа коммунистов подполья вместе с политотделом 27-й стрелковой дивизии создала Челябинский ревком ¹⁷. По данным Н. В. Бузуверовой, в июле 1919 г. Пермское губернское бюро РКП (б) направило ряд опытных советских работников-коммунистов в распоряжение губревкома, а 28 членов РКП (б) — для партийной и советской работы в уезды губернии ¹⁸.

Изучая руководящую деятельность Коммунистической партии в советском строительстве, историки попытались показать место партийно-политического аппарата Красной Армии в восстановлении Советской власти на Урале. Сегодня в литературе уже собрано много фактов, свидетельствующих об активной работе крестьянских отделений и секций политотделов армий и дивизий по формированию органов власти, обеспечению их кадрами, оказанию финансовой и материальной помощи. И тем не менее у историков нет единого подхода к оценке вклада армейских коммунистов Восточного фронта в воссоздание Советской власти. Некоторые из них, например, В. И. Шишкин, считают этот вклад минимальным. «...По-видимому, не будет большой ошибкой утверждать, что в Западной Сибири¹⁹ около четверти сельских органов Советской власти было образовано политработниками»²⁰. Большее значение деятельности партийно-политического аппарата армии среди населения придает В. С. Скробов. По его мнению, «коммунисты Красной Армии являлись во многих случаях инициаторами создания местных органов власти на освобожденной от Колчака территории»²¹. По нашему мнению, ближе к истине все-таки те историки, которые считают, что политработники Красной Армии внесли главный вклад в восстановление Советской власти на Урале. Как свидетельствуют опубликованные материалы, в распоряжении местных руководящих органов власти, особенно в аграрных районах, было мало советских работников. Е. Ф. Кривошеенкова, например, приводит текст письма Вятского губревкома, направленного 9 июня 1919 г. военному совету 3-й армии, в котором содержалась просьба освободить из рядов армии местных советских работников для создания ревкомов. «Других работников, могущих восстанавливать власть в очищенных от противника местах, в распоряжении губвоенревкома нет», — подчеркивалось в письме²². Я. Л. Ниренбург информирует, что из 62 волостей Шадринского уезда Екатеринбургской губернии армейские работники принимали участие в создании ревкомов в 61 волости²³. В Уфимской губернии, пишет Р. Г. Ганеев, уездные и губернские ревкомы были организованы крестьянскими секциями и непосредственно реввоенсоветах наступающих советских армий. Автор отмечает также деятельное участие армейских коммунистов в формировании низовых ревкомов²⁴.

Г. В. Пожидаева рассказывает, что для формирования ревкомов и работы в них Реввоенсовет 5-й армии демобилизовал Верхнеуральский красноказачий полк и полк им. Стеньки Разина, а также группы казаков-коммунистов из других частей²⁵.

О выдающейся роли армейских политработников в советском строительстве свидетельствуют и неопубликованные документы. На Кунгурском уездном съезде Советов в докладе о деятельности ревкома говорилось, что в волостях созданы рев-

комы в основном с участием армейских работников. «Лишь незначительная часть волостных ревкомов,— отмечалось в докладе,— была организована командированными в уезд уполномоченными уездного ревкома»²⁶.

В литературе поставлен вопрос о структуре чрезвычайных органов власти и их исполнительного аппарата. Историки считают, что ревкомы являлись немногочисленными по составу и включали, как правило, 3—5 человек, которых достаточно было для продуктивной работы. Исследователи рассказывают, правда, в самом общем виде, что по мере образования ревкомов они сразу же начинали создавать различные отделы и подотделы. Только Р. Г. Ганеев привел некоторые более конкретные материалы. Он пишет, что первое время при губернском и уездных ревкомах Уфимской губернии создавались отделы, которые непосредственно обслуживали армию. Такими отделами, по его мнению, были военкомат, продовольственный комитет и отдел социального обеспечения. Важнейшими отделами с точки зрения советского строительства он считает также отделы управления и отделы по делам национальностей. Постепенно, по мере удаления линии фронта от границ губернии, улучшения положения с кадрами советских работников и усиления партийных организаций налаживалась, продолжает историк, деятельность и других отделов: совнархозов, отделов труда, здравоохранения, народного образования и т. д.²⁷ На наш взгляд, последовательность процесса формирования исполнительных органов ревкомов губернского и уездного уровней в целом подмечена Р. Г. Ганеевым верно. Тем не менее абсолютизировать ее нельзя. Есть факты, в том числе и опубликованные, свидетельствующие о том, что при некоторых ревкомах отделы здравоохранения, народного образования, труда создавались сразу, наряду с теми, которые непосредственно обслуживали нужды фронта и создавали аппарат управления.

Что касается низового звена, то, по замечанию того же Р. Г. Ганеева, при волостных ревкомах чаще всего создавалось три отдела: управления, военный и земельный. Иногда численность отделов возрастала до 5—6²⁸.

Историки затронули вопрос о социальном и партийном составе уральских ревкомов. И. Ф. Плотников и В. Н. Никитин пишут о том, что в органы власти наряду с бедными крестьянами привлекались и крестьяне-середняки. Но в подтверждение этого вывода они привели лишь один факт. По их данным, в Покрово-Ясылской волости Кунгурского уезда в волостной ревком входили один бедняк и два середняка²⁹. О проникновении в органы власти кулаков, бывших белогвардейцев, о борьбе партийных и советских организаций за укрепление ревкомов рассказали Я. Л. Ниренбург и Н. В. Бузуверова. Из сообщения последней следует, что по инициативе инструкторов, направленных Челябинским комитетом РКП(б) совместно с отделом

управления ревкома, был переизбран ряд волостных, станичных и сельских ревкомов «за бездеятельность» и «проникновение кулацкого элемента»³⁰.

Анализируя имеющиеся в литературе факты, можно вполне определенно сказать, что в составе уездных и особенно губернских ревкомов коммунисты были в большинстве. Есть также основания считать, что большинство членов волостных, станичных ревкомов Урала были беспартийными. Е. Г. Гимпельсон указывает на доклад крестьянской секции политотдела 27-й стрелковой дивизии от 27 августа 1919 г., в котором отмечалось: «Состав организованных волостных и сельских ревкомов в большинстве состоит из беспартийных, но стоящих на защите Советской власти»³¹.

В целом же в литературе пока еще мало сведений, которые позволили бы дать обобщающую и абсолютно достоверную оценку социальному и партийному составу уральских ревкомов.

Особый интерес представляют те исследования, в которых отражены мероприятия партии и Советского правительства, направленные на быстрее восстановление и упрочение Советской власти на Урале. Историки приводят данные, свидетельствующие о том, что ЦК партии в июле 1919 г. направил на Урал значительное число опытных работников. Это он делал и в последующее время. По данным Я. Л. Ниренбурга, в ноябре 1919 г. ЦК РКП(б) послал в Уфимскую губернию еще одну группу работников³². Значительной была финансовая поддержка центра. Так, 8 июля 1919 г. Совнарком отпустил наркомвнуделу 5 млн р. на организацию и укрепление Советской власти в Пермской губернии³³.

Наиболее подробно историки рассказали о деятельности агитационно-инструкторского парохода «Красная Звезда», который пробыл на Урале с 23 июля по 23 августа 1919 г. Находящаяся на пароходе бригада ответственных работников ЦК РКП(б) и других центральных учреждений, отмечают исследователи, проводила большую агитационно-разъяснительную работу среди населения. Наряду с этим значительное внимание обращалось на советское строительство. Сотрудники парохода производили всестороннее и подробное обследование работы местных партийных и советских организаций, указывали на недостатки, давали указания и рекомендации по исправлению допущенных ошибок и улучшению работы, знакомили уральцев с опытом государственного строительства в других районах страны. Ценивая значение рейса парохода «Красная Звезда», авторы книги «Коммунисты Урала в годы гражданской войны» высказали ценную мысль о том, что накопленный политотделом парохода опыт послужил «серьезным вкладом в укрепление Советской власти не только на Урале, но и во всей стране»³⁴.

С целью укрепления Советской власти, указывается в литературе, на Урале побывал агитационно-инструкторский поезд

«Октябрьская революция», возглавляемый председателем ВЦИК М. И. Калининым. Подобная форма агитационной работы, подчеркивают историки, явилась действенным средством сближения центра с местами, важнейшей формой руководства и оказания помощи трудящимся массам.

К осени 1919 г. политическая обстановка на Урале существенно изменилась. Он с удалением фронта в Сибирь перестал быть прифронтовой полосой. Ревкомы, указывают исследователи, за короткий срок сумели укрепить революционный порядок, подавить наиболее крупные выступления контрреволюционных сил, оказать первоочередную помощь пострадавшему от белогвардейцев населению. К этому времени был создан временный аппарат управления, который стал базой для формирования отделов исполкомов Советов. В результате всего этого были подготовлены необходимые условия для перехода от системы чрезвычайных органов к выборным органам власти — Советам рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов.

Процесс подготовки и проведения на Урале первых после разгрома колчаковщины массовых выборов в Советы получил некоторое освещение в современной литературе. В монографии «Коммунисты Урала в годы гражданской войны», в работах П. И. Рощевского, Р. Г. Ганеева, автора настоящей статьи, Б. В. Григорьева прежде всего высказана мысль о руководящей роли большевистских организаций, рассказано о той большой работе, которую они провели в ходе избирательной кампании. Партийные организации давали директивные указания ревкомам о подготовке выборов, разрабатывали планы проведения избирательной кампании, готовили литературу, плакаты, листовки, выделяли кадры для избирательных комиссий, для предвыборной агитационной работы на местах. Партийные комитеты накануне выборов, сообщают историки, обращались к трудящимся с воззваниями, в которых разъяснялся смысл предстоящей кампании, содержался призыв к рабочим и крестьянам активно участвовать в ней, выдвигать в органы власти беспартийных.

В литературе анализируется деятельность ревкомов по подготовке и проведению выборов в Советы. Под руководством партийных организаций они вели разъяснительную работу среди населения, создавали избирательные комиссии и осуществляли контроль за их работой, следили, чтобы в списки избирателей не попали лица, лишенные по Конституции РСФСР политических прав. Важнейшей обязанностью ревкомов являлась разработка инструкций по выборам в Советы. В них, указывают исследователи, определялись срок и порядок выборов, устанавливалось количество отделов, которые должны были создаваться при исполкомах, указывались функции избирательных комиссий и т. д. П. И. Рощевский информирует, что 4 апреля 1920 г. Тюменский губревком утвердил и разослал на места

«Инструкцию о переходе на советскую систему в уездном масштабе по Тюменской губернии», Положение о выборах и Инструкцию уездным избирательным комиссиям³⁵. Подробный инструктаж об организации Советов давался на различных совещаниях, съездах председателей уездных, волостных, станичных и сельских ревкомов. Об одном из таких съездов, состоявшемся в начале октября 1919 г. в Челябинске, сообщил П. С. Лучевников³⁶. Автор настоящей статьи также попытался рассказать о некоторых сторонах организационной работы ревкомов. В частности, отметил командирование Пермским и Тюменским губернскими отделами управления ревкомов инструкторов и ответственных работников в уезды для проведения выборов в сельские и волостные Советы³⁷.

Небезынтересно разобраться со сроками перехода власти от ревкомов к Советам. Если оценить проблему в целом, то следует выделить две полярные точки зрения. Одни историки, например, И. Ф. Плотников и В. Н. Никитин, полагают, что передача ревкомами власти Советам на Урале произошла в короткий срок и завершилась «даже в казачьих районах Оренбургской и в национальных районах Уфимской губернии... к началу 1920 г.»³⁸ Другие исследователи, наоборот, относят процесс упразднения ревкомов на Урале к концу гражданской войны и даже позже. Н. Ф. Бугай пишет: «Если в Центральном промышленном районе и в отдельных губерниях на северо-западе в декабре 1919 — январе 1920 г. ревкомы уже передавали свои функции выборным Советам, то на Севере, в Поволжье, Сибири, Урале... строительство ревкомов разворачивалось широким фронтом»³⁹.

Нам представляются слишком категоричными обе точки зрения. По свидетельству местных историков, опирающихся на солидную источниковую базу, на Урале сравнительно быстро были подготовлены условия для упразднения чрезвычайных органов власти. В освобожденных районах Вятской губернии переход власти от ревкомов к Советам закончился летом, в Екатеринбургской губернии — осенью 1919 г. В это же время данный процесс в основном завершился в Пермской губернии. В Уфимской губернии итоги деятельности ревкомов подвел VII губернский съезд Советов, состоявшийся 31 декабря 1919 г. — 3 января 1920 г. Поэтому вряд ли будет правильным считать, что в декабре 1919 г. — январе 1920 г. строительство ревкомов на Урале «разворачивалось широким фронтом». Нельзя согласиться и с И. Ф. Плотниковым, В. Н. Никитиным, которые повсеместное завершение выборов в Советы в Пермской и Екатеринбургской губерниях относят к осени 1919 г.⁴⁰, а также с авторами книги «Коммунисты Урала в годы гражданской войны», полагающими, что «к октябрю — декабрю 1919 г. в Уфимской, Пермской и Екатеринбургской губерниях и к маю 1920 г. в Челябинской и Тюменской губерниях избирательная кампания

была завершена»⁴¹. В литературе есть на этот счет более точные данные. I Тюменский губернский съезд Советов, состоявшийся 1—5 июня 1920 г., не имел полного представительства, так как в Ишимском и Березовском уездах существовали еще ревкомы. Их упразднение, по данным П. И. Рощевского, Л. А. Никифоровой, состоялось в конце 1920 г. Из литературы также следует, что в январе 1920 г. в Пермской губернии существовало 6 ревкомов: 5 волостных и один уездный⁴². К этому можно добавить и такой факт. 9 марта 1920 г. Пермский губком партии выделил группу работников в 25 человек для восстановления и налаживания Советской власти в Троицко-Печерском крае. 30 марта на заседании президиума Пермского губкома РКП(б) был обсужден план работы по восстановлению Советской власти в указанном районе⁴³.

В общем потоке литературы определенное место занимают исследования, посвященные истории национально-государственного строительства на Урале. Значение разработки этой темы предопределено тем, что на территории края проживало более 20 наций и народностей. Примерно 50 % населения Уфимской и около 30 % — Оренбургской областей составляли башкиры и татары. Удмурты, татары, мари и другие национальные меньшинства проживали в Вятской, Пермской, Екатеринбургской, Тюменской губерниях. Деятельность большевиков по осуществлению национальной политики партии на территории Урала в целом или среди трудящихся национальных меньшинств, не вошедших в автономные объединения, исследовалась в работах Д. А. Чугаева, Е. Ю. Баженовой, Л. А. Алмаевой. Изучение процесса создания автономии башкирского народа велось Б. Х. Юлдашбаевым, Р. У. Кузьевым, Р. Г. Ганеевым, З. А. Аминым, Ф. А. Ишкуловым, Ф. Г. Тимербаевым, С. Ф. Касимовым. История подготовки и образования удмуртской государственности освещена главным образом в исследованиях М. А. Садакова, В. К. Попова, Н. П. Павлова.

В литературе отмечается, что работа по решению национального вопроса на Урале началась в первые же месяцы существования Советской власти. Историки пишут о формировании при Наркомнаце Башкирского и Удмуртского отделов, создании при губернских и уездных Советах комиссариатов и отделов по делам национальностей, через которые велось политическое и культурное просвещение нерусских народов, привлечение их к советскому строительству. Из опубликованных материалов видно, что уже на первом этапе социалистической революции шел активный поиск форм государственных образований народов Урала. Историки, в частности, анализируют декрет о Татаро-Башкирской Советской республике, принятый Наркомнацем 22 марта 1918 г., и подчеркивают, что он противопоставлялся попыткам националистов создать буржуазную автономию татарского и башкирского народа типа Урало-Волжского штата.

Начавшийся процесс формирования государственности нерусских народов, как отмечают историки, был прерван интервенцией и гражданской войной.

В более широких масштабах борьба за автономию башкир и удмуртов развернулась после окончательного освобождения Урала от оккупантов. Опыт колчаковщины, который заставил мелкобуржуазную среду более активно поддерживать Советскую власть, был учтен трудящимися массами нерусского населения и даже буржуазно-националистическими элементами. Яркое проявление меняющегося соотношения классовых сил историки справедливо увидели, например, в переходе башкирских вооруженных сил на сторону Красной Армии в начале 1919 г. В недалеком прошлом не все исследователи правильно понимали сущность буржуазного националистического движения. Так, в ряде работ Б. Х. Юлдашбаева переоценивалось общедемократическое содержание национализма, революционная деятельность Башревкома и т. д. В современной литературе этим суждениям дана принципиальная оценка⁴⁴. Историки верно раскрыли причины перехода националистического башкирского правительства (Башревкома) во главе с А. Валидовым на сторону Советской власти. Этот тактический шаг был обусловлен падением влияния националистической идеологии среди трудящихся масс, стремлением валидовцев сохранить остатки этого влияния, сдержать развитие революции на территории Башкирии.

В рассматриваемый период активизировалась работа по созданию государственности удмуртов. Этот факт не остался незамеченным историками. Они сообщают, что летом 1919 г. Удмуртский отдел при Наркомнаце провел ряд конференций и совещаний, наладил выпуск газет, книг на удмуртском языке. В сентябре 1919 г. в Сарапуле состоялся II Всероссийский съезд удмуртов, который обсудил вопросы, связанные с дальнейшим решением национального вопроса.

В литературе подчеркиваются трудности, с которыми столкнулись большевики в борьбе за автономию малых народов. Исследователи ведут речь о социально-политической, экономической и культурной отсталости национальных меньшинств, их зависимости от духовенства, патриархально-родовых традиций. Сложность разрешения проблемы ученые справедливо связывают с активной деятельностью буржуазных националистов, раздувавших межнациональные противоречия, препятствовавших сплочению и объединению бедноты вокруг Советской власти, ставивших целью изолировать ее от братского русского и других народов. Отступление от ленинской национальной политики допускали некоторые местные партийные и советские работники, которые, по свидетельству историков, недооценивали необходимость создания самостоятельных государственных объединений на территории Урала. В литературе сделаны попытки

показать борьбу партии против извращений советской национальной политики. Но эта проблема требует дальнейшего осмысления. Нельзя не согласиться с Д. А. Чугаевым, который, оценивая уровень ее разработки в литературе на примере Удмуртии, пишет: «Отдельные отрывочные факты борьбы Коммунистической партии против великодержавного шовинизма и буржуазного национализма лишь частично отражают ... фактическую борьбу, происходившую в то время»⁴⁵.

Вся работа по национально-государственному строительству, подчеркивают историки, проходила под руководством Центрального Комитета партии, Советского правительства, В. И. Ленина. Этот вывод базируется на многочисленных фактах, содержащихся в литературе. Некоторые из них опубликовал Б. Х. Юлдашбаев. 5 ноября 1919 г. ЦК РКП(б), пишет он, обратился к партийным органам Башкирии и соседних губерний с письмом о необходимости слаженной работы. В. И. Ленин, уделяя большое внимание татаро-башкирским взаимоотношениям, в декабре 1919 г. неоднократно встречался и беседовал в ЦК партии с представителями Башкирской и сторонниками Татаро-Башкирской республики. 13 декабря 1919 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление об отмене декрета Наркомнац от 22 марта 1919 г. о Татаро-Башкирской Советской республике, так как проект совместной республики татар и башкир перестал отвечать интересам революции⁴⁶.

По указанию ЦК РКП(б), рассказывают историки, Удмуртский комиссариат по делам национальностей подготовил и провел 6—11 июня 1920 г. Всероссийскую конференцию коммунистов-удмуртов, которая явилась важной вехой на пути создания автономии⁴⁷.

Из литературы видно, что на работу в Башкирию и Удмуртию ЦК РКП(б) направил ряд видных партийных и советских работников: Ф. А. Сергеева (Артема), Ф. Н. Самойлова, Г. Шамигулова, С. И. Диманштейн. По решению Советского правительства для оказания помощи башкирам, пострадавшим от белогвардейцев, была создана специальная комиссия «Башкир-помощь», в распоряжение которой были выделены значительные средства. Историки обратили внимание на помощь русского народа в создании государственности башкир и удмуртов, решении ими различных социально-экономических проблем. Но вряд ли исследователям стоит ограничиваться уже сделанным. Братская помощь русских трудящихся и трудящихся других народов была намного шире и разнообразнее, чем это отражено в исторической литературе.

Последовательная борьба большевистской партии против буржуазных националистов, рост симпатий трудящихся к Советской власти, укрепление связей башкирского и русского народов привели, указывают исследователи, к изоляции националистических лидеров БАССР, которые после неудавшегося

заговора против диктатуры пролетариата бежали в Киргизию, Туркестан, Татарию. 26 июня 1920 г., отмечают историки, был сформирован новый Башревком. В его состав вошли бывший петроградский рабочий, член партии с 1903 г. Ф. Мансырев (председатель), П. М. Викман, Г. Т. Уразов, А. М. Ахлов, П. И. Зудов и др. 25 июля 1920 г. открылся I съезд Советов БАССР, который избрал высший орган государственной власти — Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих и крестьянских депутатов республики⁴⁸. Таким образом, подчеркивается в литературе, временный и чрезвычайный орган — Башревком был заменен постоянным высшим органом государственной власти.

Сложный и длительный процесс создания автономии удмуртского народа завершился несколько позднее. Как свидетельствуют историки, 4 ноября 1920 г. декретом ВЦИК и СНК, подписанным М. И. Калининым и В. И. Лениным, была провозглашена Удмуртская автономная область.

Подводя итоги изучению советского строительства на Урале в послеколчаковский период, следует признать, что тема раскрыта неоднозначно. В настоящее время всем историкам достаточно ясен смысл происходивших на Урале событий в период разгрома белогвардейщины. Они убедительно показали, как под воздействием уроков гражданской войны коренным образом менялось соотношение классовых сил в пользу диктатуры пролетариата. Исследователи рассмотрели уже многие вопросы, связанные с процессом воссоздания Советской власти. В литературе рассказывается о создании ревкомов, их структуре, партийном и социальном составе, раскрывается руководящая роль большевиков в организации чрезвычайных органов власти, подчеркиваются принципы и методы формирования ревкомов, их демократический характер, связь с трудящимися массами.

Советская историография гражданской войны на Урале характеризуется работами, раскрывающими национально-государственное строительство. В литературе показан поиск форм решения национального вопроса, раскрыты основные этапы образования в регионе советских национальных автономий, обращено внимание на трудность и длительность борьбы за государственность башкирского и удмуртского народов, отражена организующая роль В. И. Ленина в этом вопросе. Вообще помощь ЦК РКП(б), Советского правительства в восстановлении и упрочении диктатуры пролетариата на Урале прослеживается в литературе отчетливо.

И все-таки опубликованные работы не дают еще полного представления о процессе восстановления Советской власти на Урале. Историки не располагают достаточным фактическим материалом, чтобы с надлежащей полнотой и достоверностью судить о роли армейского политического аппарата в воссоздании и укреплении органов власти. Требуется более углубленного изу-

чения деятельность ревкомов по подготовке повсеместного перехода от чрезвычайных органов власти к Советам.

Кроме указанных пробелов есть принципиально важные вопросы, которые не разработаны в литературе. Речь идет о создании и деятельности городских Советов Урала, их месте в системе диктатуры пролетариата в 1919—1920 гг. В таком же состоянии находится вопрос о большевистских фракциях в уральских Советах, их борьбе за укрепление и улучшение деятельности государственного аппарата. Вне поля зрения историков остался и вопрос о сломе буржуазного аппарата власти, восстановленного белогвардейцами.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 17.

² См.: Васильковский О. А. Проблематика истории гражданской войны на Урале в современной исторической литературе // Учен. зап. Урал. ун-та. 1967. № 78. С. 149—151.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 81.

⁴ См.: Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири в годы гражданской войны, 1919—1921 гг. Новосибирск, 1978. С. 196—197.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 32.

⁶ См.: Рощевский П. И. Восстановление Советской власти в Зауралье после изгнания колчаковцев // Учен. зап. Тюм. пед. ин-та. 1967. Т. 33, вып. 1 (6). С. 60.

⁷ См.: Ниренбург Я. Л. К вопросу о ревкомах как местных органах власти Советского государства // Учен. зап. Ош. пед. ин-та. 1959. Вып. 3. С. 75.

⁸ См.: Пожидаева Г. В. Революционные комитеты — органы диктатуры пролетариата в первые годы Советской власти // Политическая система развитого социализма. Свердловск, 1979. С. 118.

⁹ Скробов В. С. Проблемы военной деятельности Коммунистической партии на Урале (октябрь 1917—1920 г.). Свердловск, 1972. С. 233.

¹⁰ См.: Плотников И. Ф. О процессе перехода среднего крестьянства Урала на сторону Советской власти в тылу интервентов и белогвардейцев: (К историографии вопроса) // Историография истории создания и развития союза рабочего класса и крестьянства на Урале. Свердловск, 1982. С. 81.

¹¹ Рощевский П. И. Восстановление Советской власти в Зауралье после изгнания колчаковцев. С. 36—37.

¹² См., напр.: Гимпельсон Е. Г. Советы в годы интервенции и гражданской войны. М., 1968. С. 148.

¹³ ГАЧО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 115. Л. 22.

¹⁴ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1041. Л. 13.

¹⁵ ГАЧО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.

¹⁶ ГАПО. Ф. 522. Оп. 1. Д. 1. Л. 41.

¹⁷ См.: Ниренбург Я. Л. К вопросу о ревкомах как местных органах власти Советского государства. С. 72.

¹⁸ См.: Бузуверова Н. В. Руководство партийных организаций Урала ревкомми после освобождения края от колчаковцев (лето 1919—1920) // Урал в годы гражданской войны (1918—1920). Свердловск, 1986. С. 66.

¹⁹ Монографическое исследование В. И. Шишкина базируется на источниках, включающих материалы и по Тюменской, и по Челябинской губерниям.

²⁰ Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири в годы гражданской войны, 1919—1921 гг. С. 209.

²¹ Скробов В. С. Проблемы военной деятельности Коммунистической партии на Урале (октябрь 1917—1920 г.). С. 238.

- ²² Кривошеенкова Е. Ф. Помощь армейских политотделов советскому строительству на Урале и в Сибири в 1918—1920 гг. // Учен. зап. Моск. пед. ин-та. 1972. Т. 431. С. 95.
- ²³ См.: Ниренбург Я. Л. К вопросу о ревкомах как местных органах власти Советского государства. С. 71.
- ²⁴ См.: Ганеев Р. Г. Советы Башкирии в 1919—1920 годах. Уфа, 1961. С. 14.
- ²⁵ См.: Пожидаева Г. В. Революционные комитеты — органы диктатуры пролетариата в первые годы Советской власти. С. 118.
- ²⁶ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 591. Л. 267.
- ²⁷ См.: Ганеев Р. Г. Советы Башкирии в 1919—1920 годах. С. 18.
- ²⁸ См.: Там же. С. 22.
- ²⁹ См.: Плотников И. Ф., Никитин В. Н. Осуществление коммунистами Урала решений VIII съезда РКП(б) по крестьянскому вопросу в период освобождения края от колчаковщины // Партийные организации Урала в борьбе за упрочение завоеваний Октябрьской революции. Свердловск, 1979. С. 35.
- ³⁰ См.: Бузуверова Н. В. Руководство партийных организаций Урала ревкомами после освобождения края от колчаковцев (лето 1919—1920). С. 69.
- ³¹ Гимпельсон Е. Г. Советы в годы интервенции и гражданской войны. С. 144.
- ³² См.: Ниренбург Я. Л. К вопросу о ревкомах как местных органах власти Советского государства. С. 71.
- ³³ См.: Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1976. Т. 7. С. 365.
- ³⁴ Коммунисты Урала в годы гражданской войны. Свердловск, 1959. С. 371.
- ³⁵ См.: Рощевский П. И. Восстановление Советской власти в Зауралье после изгнания колчаковцев. С. 64.
- ³⁶ См.: Лучевников П. С. Гражданская война на Южном Урале (1918—1919 гг.). Челябинск, 1958. С. 183.
- ³⁷ См.: Тертышный А. Т. Деятельность партийных организаций Урала по созданию советского государственного аппарата на основе Конституции РСФСР и улучшение его социального состава после разгрома колчаковщины (1919—1920 гг.) // Из истории партийных организаций Урала периода строительства социализма. Свердловск, 1972. С. 5.
- ³⁸ Плотников И. Ф., Никитин В. Н. Осуществление коммунистами Урала решений VIII съезда РКП(б) по крестьянскому вопросу в период освобождения края от колчаковщины. С. 35.
- ³⁹ Бугай Н. Ф. Революционные комитеты — чрезвычайные органы Советской власти (1918—1921 гг.) // Ист. зап. М., 1978. Т. 102. С. 35.
- ⁴⁰ См.: Плотников И. Ф., Никитин В. Н. Осуществление коммунистами Урала решений VIII съезда РКП(б) по крестьянскому вопросу в период освобождения края от колчаковщины. С. 35.
- ⁴¹ Коммунисты Урала в годы гражданской войны. С. 373.
- ⁴² См.: Бугай Н. Ф. Революционные комитеты — чрезвычайные органы Советской власти (1918—1921 гг.). С. 36.
- ⁴³ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 380. Л. 34, 40, 44.
- ⁴⁴ См.: Иванов В. П. Историческая наука Советской Башкирии // Наука в Советской Башкирии за 50 лет. Уфа, 1969. С. 483; Сираев З. И. Изучение военной интервенции и гражданской войны в Башкирии // Очерки советской историографии Башкирской АССР. Уфа, 1975. С. 141; и др.
- ⁴⁵ Чугаев Д. А. Вопросы историографии национально-государственного строительства в СССР // Торжество ленинской национальной политики. Чебоксары, 1972. С. 115.
- ⁴⁶ См.: Юлдашбаев Б. Х. Коммунистическая партия — организатор дела создания Башкирской АССР // Расцвет и сближение социалистических наций в СССР. Уфа, 1971. Ч. 1. С. 175—176.
- ⁴⁷ См.: 40 лет Удмуртской АССР. Ижевск, 1960. С. 15.
- ⁴⁸ См.: Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1966. Т. 2. С. 163—169.

Обеспечение крупной промышленности Урала рабочей силой во второй половине 1919 — 1920 г.

В трудных условиях гражданской войны Коммунистическая партия и Советское правительство, как и в первые послереволюционные месяцы, выдвигали задачу возрождения экономики страны на новых началах. Вторая Программа РКП(б) указывала, что главным и основным в хозяйственной политике республики Советов является «всемерное повышение производительных сил страны»¹. При этом успех в налаживании работы предприятий в значительной степени зависел от уровня обеспеченности промышленности рабочими и техническими силами, сырьем, топливом, оборудованием, вспомогательными материалами. При этом одной из самых важных была задача сохранения и пополнения кадров рабочего класса. В мае 1919 г. В. И. Ленин писал: «...Когда страна разорена войной и доведена до края гибели, то главным, основным, коренным «экономическим условием» является спасение рабочего. Если рабочий класс будет спасен от голодной смерти, от прямой гибели, тогда можно будет восстановить разрушенное производство»².

Отдельные аспекты рассматриваемой темы нашли отражение в работах, посвященных хозяйственному строительству в годы гражданской войны как на территории всей страны³, так и непосредственно на Урале⁴. Однако каких бы то ни было обобщений, раскрывающих проблему обеспечения крупной промышленности Урала рабочей силой, сделано не было. Данная статья и призвана по мере возможности восполнить этот пробел.

Во второй половине 1919 г., после освобождения Урала от белогвардейцев и интервентов, в крае ощущалась острая нехватка рабочих и инженерно-технических специалистов. Причин, вызвавших это явление, много. Укажем лишь основные из них.

Сильно сказалось на положении и численности рабочего класса хозяйничанье белогвардейцев, антинародная политика которых привела к сокращению числа рабочих на уральских заводах в среднем на 40 %⁵. Еще более обострила положение предпринятая колчаковцами в связи с наступлением войск Красной Армии эвакуация людских и материальных ресурсов. Последняя коснулась прежде всего квалифицированных рабочих, служащих и технического персонала. Если в 1918 г. на 1 металлургический завод в среднем приходилось 1074 рабочих, то после колчаковщины эта цифра снизилась до 395 человек⁶.

Часто сокращение рабочей силы на предприятиях объяснялось неоднократными мобилизациями. В октябре — ноябре 1919 г. по партийной мобилизации в Красную Армию ушло из Екатеринбургской губернии 3277 человек, из Уфимской — 600. Аналогичные мероприятия провели комсомольские и профсоюзные органы. Всего же мобилизации, осуществленные на Урале в последнем квартале 1919 г., дали армии свыше 90 тыс. человек⁷. Кроме того, многие рабочие уходили в армию добровольно. С июля по ноябрь более 30 тыс. добровольцев-уральцев пополнили ряды Красной Армии⁸. В ряде случаев массовый уход рабочих по мобилизации и добровольно мог привести к закрытию некоторых цехов и заводов (Златоустовский, Мотовилихинский, Чусовской заводы, Богословский, Гороблагодатский горные округа и др.)⁹.

На составе рабочих сказались и мобилизации в продовольственные органы. В сентябре 1919 г. Екатеринбургский губсовпроф мобилизовал с заводов губернии 1010 человек. Осенью — зимой на заготовку продуктов были командированы рабочие ряда заводов Пермской губернии. Всего к весне 1920 г. по губерниям края было мобилизовано 3039 человек, из них 784 металлиста и 580 горнорабочих¹⁰.

Другие причины (отсутствие продовольствия и одежды, закрытие предприятий из-за недостатка сырья, топлива и материалов), вызвавшие массовый уход рабочих Москвы, Петрограда, Донбасса в деревню, на рабочем классе Урала отразились в рассматриваемый период значительно меньше¹¹. Однако отметим, что названные факторы понижали уровень квалификации рабочих, способствовали развитию кустарничества, вели к деклассированию пролетариата.

В результате численность рабочего класса на предприятиях Урала сильно уменьшилась. К 15 сентября 1919 г. на металлургических заводах и рудниках края по сравнению с 1916 г. имелось 49,5 % рабочих (89 820 человек)¹². Причем сокращение рабочей силы продолжалось¹³. В августе 1919 г. численность горнорабочих, занятых на добыче угля, составила около 50 % от уровня 1916 г. Особенно пострадал Кизеловский район. На золото-платиновых приисках к концу 1919 г. имелось лишь 40,9 % обычного количества горнорабочих¹⁴.

Одновременно предприятия испытывали крайнюю нужду в инженерно-техническом персонале: на Мотовилихинском заводе сразу после освобождения работал инженер и 3 мастера, на Чусовском — техник. Отсутствовали инженеры на предприятиях Алапаевского, Богословского, Верх-Исетского, Нижнетагильского округов. На угольных копях Урала к августу остался инженер и чуть более 10 техников¹⁵. Всего к началу 1920 г. для укомплектования действующих предприятий края требовалось не менее 60 тыс. рабочих (из них 12 тыс. квалифицированных) и 10 тыс. инженерно-технических служащих¹⁶.

Партийным, советским и хозяйственным органам предстояло в короткие сроки ликвидировать острый дефицит кадров в промышленности. 26 сентября 1919 г. заседание бюро отдела металлов (БОМ) ВСНХ на Урале и представителей 3-й армии обсудило вопрос о мерах снабжения заводов Урала рабочей и технической силой. Было решено выявить потребность в кадрах, организовать отдел учета и распределения рабочей силы, на который возлагались обязанности по переброске рабочих с закрывающихся и сокращающих производство предприятий на другие внутри региона и привлечению кадров извне. Техотделу БОМ поручалось определить категории рабочих, подлежащих обязательному освобождению от мобилизаций в Красную Армию и оставляемых на заводах в качестве военнообязанных¹⁷.

Почти все названные мероприятия были реализованы в течение месяца. На предприятиях образованы комиссии из представителей завкома, парткома, военкомата, которым предоставлялось право возбуждения ходатайства об отсрочках от военной службы перед уездной комиссией, БОМ и Уральским бюро ЦК ВСРМ. 23 октября при БОМ была организована специальная комиссия по отсрочкам. Она могла через президиум ВСНХ представлять ходатайства в центральную комиссию по отсрочкам при Реввоенсовете республики. С 28 ноября 1919 г. по 10 января 1920 г. только Екатеринбургской уездной комиссией по представлению БОМ были даны отсрочки 322 работникам, которых нечем было заменить¹⁸. Провел порученную работу техотдел. Его сведения позволили в конце октября 1919 г. представить в центральную комиссию по отсрочкам и Совет обороны список из 28 предприятий, на которых необходимо было провести бронирование 50—100 % рабочих¹⁹. Окончательное решение по этому вопросу Совет обороны принял 27 февраля 1920 г. Отсрочки от мобилизации в армию были предоставлены 41 226 рабочим²⁰.

Во 2-й половине 1919 г. наряду с бронированием стали осуществляться другие меры по привлечению населения в промышленность. 16 августа Чермозский, а 19-го Майкорский Советы рабочих депутатов и деловые советы заводов объявили трудовую повинность всем трудящимся предприятий для заготовки топлива. 24 августа Челябинский ревком постановил в принудительном порядке привлечь для работы на предприятиях уезда инженеров, техников и других специалистов²¹.

Одновременно стали проводиться трудовые мобилизации квалифицированных рабочих. К середине ноября Пермский городской подотдел учета и распределения рабочей силы мобилизовал 300 плотников, наметил мобилизации электротехников и грузчиков²². 24 декабря Верхнеуральский ревком принял аналогичное постановление относительно занятых на рудниках и копах уезда инженеров, техников, штейгеров²³. В октябре за

осуществление решительных мер по привлечению к труду в промышленности военнопленных и беженцев выступили Екатеринбургский губревком и губотдел труда. Вскоре губисполком обязал волисполком срочно приступить к возвращению рабочих из деревни²⁴.

Однако при проведении названных мероприятий еще отсутствовала четкая система. Осуществлялись они в небольших масштабах. Требовалась помощь краю со стороны центральных органов. Понимая это, ЦК РКП(б), Совет обороны и ВСНХ приняли ряд важных постановлений. 29 августа 1919 г. Совет обороны распространил принятое ранее положение о милитаризации рабочих и служащих на угольные предприятия Урала. Коллегии Главного угольного комитета ВСНХ и его местным органам предоставлялось право по согласованию с Всероглаштабом отзывать из армии забойщиков, горных инженеров и штейгеров для работы по добыче угля²⁵.

В связи с возрастанием топливного кризиса 13 ноября ЦК РКП(б) опубликовал письмо ко всем парторганизациям, в котором говорилось: «Топливный кризис надо преодолеть во что бы то ни стало, иначе нельзя решить ни продовольственной задачи, ни военной, ни общехозяйственной»²⁶. ЦК РКП(б) потребовал быстрого и неукоснительного проведения трудовой повинности для всего населения по заготовке и вывозу топлива к железной дороге. 19 ноября постановлением Совета обороны были введены государственные повинности: натуральная, дровяная, по заготовке, погрузке, выгрузке топлива, гужевая.

Улучшение положения на фронтах в конце 1919 г. позволило Реввоенсовету республики издать постановление об откомандировании из армии для нужд военной промышленности 5000 квалифицированных рабочих. Отзыв начался в декабре, и к началу 1920 г. на военные заводы страны (включая уральские) поступило около 2200 рабочих²⁷.

Решая проблему обеспечения промышленности Урала инженерно-техническими кадрами, ВСНХ осенью — зимой 1919 г. направил сюда несколько больших групп специалистов. Так, осенью прибыла партия из 146 человек. На Ижевский завод в июне — декабре поступило 26 инженеров и техников. В декабре в распоряжение БОМ прислали 11 специалистов. Для работы на Урале были командированы видные хозяйственники, члены Центральной коллегии ВСНХ А. А. Блюм и И. М. Шприц²⁸.

В начале 1920 г., с завоеванием мирной передышки, страна сосредоточила усилия на решении первоочередных хозяйственных задач. Это потребовало большего, чем прежде, прилива квалифицированных рабочих и технического персонала в промышленность. В течение года спрос на рабочую силу на предприятиях Урала составил 136 067 человек²⁹.

Назрела необходимость в проведении общей трудовой мобилизации населения. Начало ей положил декрет СНК от 29 ян-

варя 1920 г.³⁰ Для реализации последнего был создан Главный комитет всеобщей трудовой повинности (Главкомтруд). На Урале при Совтрударме 21 февраля был образован Уральский областной комитет (Уралкомтруд), а на местах до конца февраля — губернские и уездные комтруды³¹. Руководством к действию для комтрудов явились решения IX съезда РКП(б), указавшего на необходимость преодоления разобщенности и «трудового партизанства» в привлечении и использовании рабочей силы, а также назвавшего основные источники и методы, которыми стоило воспользоваться³².

Важным методом привлечения рабочих в порядке всеобщей трудпобинности были мобилизации. Первоначально их проводили по профессиям. Постановлением Совета труда и обороны (СТО) от 16 апреля 1920 г. забойщики, крепыльщики, откатчики, машинисты экскаваторов и драг, кочегары, стрелочники, драгеры, слесари и плотники, занятые на горных промыслах, объявлялись мобилизованными³³. 27 июля СТО принял решение о мобилизации рабочих этих категорий на Челябинских и Кизеловских копях³⁴. В 1-й половине 1920 г. были проведены мобилизации железнодорожников, металлистов, рабочих и служащих, занятых на строительстве, заготовках дров и древесного угля.

Между тем указанные мероприятия не приносили ожидаемой отдачи, ибо имелись возможности для сокрытия рабочими своих специальностей. Поэтому во 2-й половине года начинают осуществляться сплошные мобилизации путем отзыва обученных рабочих из деревень и учреждений по особым именным спискам предприятий и мобилизации рабочих определенного возраста. 20 августа СТО постановил мобилизовать рабочих, ранее трудившихся на металлургических предприятиях, в том числе на 25 уральских³⁵. 13 сентября СНК вынес решение о трудовой мобилизации лиц, родившихся в 1886—1888 гг.

На Урале работа по реализации решений СТО и СНК была развернута в сентябре — ноябре 1920 г. и дала хорошие результаты. Только мобилизация трех возрастов в Екатеринбургской, Пермской, Челябинской, Уфимской губерниях позволила привлечь 20 484 рабочих³⁶. Тогда же по приказу Совтрударма был проведен «поверочный сбор», в ходе которого проверялась правильность использования трудообязанных³⁷.

Более широкое распространение в 1920 г. получила милитаризация труда. 7 июня СТО установил порядок сохранения за рабочими оборонных (и других важных для обороны) предприятий отсрочек и их милитаризации. Решениями СТО от 6 августа, 17 сентября и 17 ноября были милитаризованы ведущие предприятия уральской промышленности (всего 51 завод). 3 сентября СТО принял постановление о милитаризации 103 горных предприятий Урала, подчиненных Главруде, Главзолоту и Центпромразведке. Срок действия положения о милитариза-

ления о возобновлении откомандирования горнорабочих и специалистов по горному делу⁴⁸ наметился новый подъем. Всего с 1 марта по 31 декабря на предприятия Урала было отправлено 9357 красноармейцев. Одновременно Уралкомтруд провел откомандирование 1892 специалистов из числа бывших белогвардейцев и австро-германских служащих. В декабре на Урал прибыло 10 300 чернорабочих, бывших солдат врангелевской армии. Большинство откомандированных квалифицированных рабочих, инженеров и служащих поступило на металлургические заводы (3826 человек), рудники (1168), угольные копи (945), прииски (605)⁴⁹.

Вместе с тем некоторые квалифицированные рабочие участвовали в возобновлении производства в составе трудовых воинских подразделений. В январе 1920 г. из металлостов и железнодорожников был сформирован 1-й Уральский железнодорожный батальон. Столяры, плотники и некоторые другие специалисты передавались в инженерно-строительные батальоны и военно-полевые строительства (военполестро), но большую часть последних все же составляли неквалифицированные рабочие и крестьяне. Так, осенью 1920 г. из 3787 красноармейцев, трудившихся на Челябинских коях, забойщиков насчитывалось только 102⁵⁰. Состав красноармейцев ограничил область использования подразделений 1-й трудовой армии на производстве угольной, торфяной и соляной отраслями, где возникла нужда в выполнении объемных черновых работ.

Массовая переброска красноармейцев на предприятия началась в феврале 1920 г. по решению Совтрударма. К 15 февраля на Кизеловских и Богословских коях уже работало 3 роты 29-го военполестро и 42-го запасного полка численностью 1221 человек, а на Челябинских коях — подразделения 10-го военполестро⁵¹. В Кизеловском и Челябинском районах к осени при управлениях копей имелись специальные представители Военного управления по использованию сил трудармий Главного угольного комитета. Им были подчинены все трудовые воинские части районов. В техническом отношении подразделения выполняли распоряжения управления копей⁵². Вместе с тем надо отметить, что, хотя трудовая наличность⁵³ красноармейцев составляла с начала работ (15 января) по 1 сентября в среднем по 10 237 человек в день, непосредственно на добыче угля было занято лишь 0,43 % от этого количества⁵⁴. Следовательно, доля красноармейцев в объеме полученного угля была минимальная. Более значимую роль военнослужащие играли при исполнении вспомогательных работ. Аналогично обстояли дела в торфяной и соляной отраслях.

Для удовлетворения потребности промышленности Урала в рабочей силе применялся и метод переброски рабочих с временно бездействующих или второстепенных предприятий на ударные. Первые мероприятия в этом направлении были осу-

ции продлевался сначала до февраля, а потом до июня 1921 г.³⁸

Прикрепление рабочих к предприятиям обеспечивалось также продолжавшимся бронированием или предоставлением отсрочек от призыва в армию. Так, в августе 1920 г. СТО забронировал 2500 рабочих Пермских соляных и некоторых других заводов. 6 и 13 августа, 1 октября СТО рассмотрел вопрос о замене на заводах и копиях края освобожденных от мобилизации рабочих младших возрастов рабочими старших возрастов и военнопленными³⁹. Одновременно Совтрудармом были приняты меры по сохранению кадров рабочих во время полевых работ⁴⁰.

В период мирной передышки уральские хозяйственные органы серьезное внимание обратили на такой источник пополнения кадров, как реэвакуация их из Сибири. Еще в конце ноября 1919 г. была образована специальная комиссия во главе с Куликовым для розыска в Омском районе и отправки на Урал имущества, увезенного белыми. Однако широко развернулась работа комиссии только в феврале 1920 г., когда уполномоченным Урало-Сибирской комиссии ВСНХ по реэвакуации уральских заводов был назначен коммунист В. П. Сулимов. Комиссия по реэвакуации поддержала инициативу златоустовских рабочих, начавших в Томске ремонт необходимых для возвращения домой паровозов и вагонов. Параллельно был утвержден порядок, по которому в первую очередь предстояло отправить на Урал имущество и людей важнейших оборонных заводов⁴¹. Деятельность комиссии по реэвакуации находилась под наблюдением В. И. Ленина, требовавшего от Сибревкома всяческого содействия ей⁴². В результате с 8 февраля по 22 мая в Сибири силами уральских рабочих были отремонтированы 31 паровоз и 516 вагонов⁴³. Реэвакуация в основном была закончена во второй половине мая 1920 г. По данным В. С. Голубцова, на Урал вернулось 935 инженеров и техников, 1576 служащих, 4124 рабочих. Между тем некоторое количество уральцев еще оставалось в Сибири⁴⁴.

Значительным источником обеспечения промышленности людскими ресурсами являлось откомандирование рабочих и технического персонала из армии. Эта мера предусматривалась постановлением Совета обороны от 15 января 1920 г. и была включена в план работ Совтрударма⁴⁵. Сразу же начали проводить профессиональную перепись военнослужащих, по которой выяснилось, что на 1 марта в армии числилось 20 532 специалиста⁴⁶. Данные переписи были переданы в распоряжение Уралкомтруда, после чего началось откомандирование на практике. При этом проводилась проверка технических знаний рабочих и служащих⁴⁷. В марте — мае откомандирование из армии шло усиленными темпами, но в связи с выступлением белополяков и Врангеля стало сокращаться, совсем прекратившись в октябре. Только с принятием СТО 22 октября постанов-

ществлены осенью 1919 г., когда БОМ постановило перебросить группу рабочих из мастерских Монетного двора в Екатеринбург и железнодорожных депо Кушвы и Нижнего Тагила на Баранчинский, Верхнетуринский, Высокогорский заводы⁵⁵. В декабре начался перевод рабочих Бисерского, Кусье-Александровского, Теплогорского, Березниковского заводов на предприятия Лысьвы, Чусового, Пермские соляные промыслы⁵⁶.

Начатое было продолжено в 1920 г. Заниматься переброской рабочих стали отделы учета и распределения рабочей силы. Летом 265 рабочих Майкорского и Полазненского заводов были отправлены в Мотовилиху. Вопрос о переводе рабочих был решен в Высокогорском и Богословском районах, на Челябинских копях⁵⁷. Однако собранные нами сведения не дают оснований говорить о массовости перебросок. Наоборот, следует отметить тот факт, что переведенные рабочие всячески стремились вернуться обратно, так как при переезде они вынуждены были оставлять дома, хозяйство, семью, а на новом месте мало что получали взамен⁵⁸.

Наряду с перечисленными выше источниками и методами пополнения промышленности Урала кадрами в 1920 г. продолжали осуществляться вербовка и вольный наем рабочих, прежде всего квалифицированных, из числа осевших в деревне. Для этой цели по указу Совтрударма от 23 марта на территории края был проведен учет лиц, имевших технические специальности. В результате с помощью Советов и комтрудов на заводы и копи возвратилось 2474 человека⁵⁹.

4 августа Совтрударм постановил приступить к мероприятиям по привлечению из деревни квалифицированных рабочих, оставивших производство позднее 1 июля 1916 г. Работу рекомендовалось закончить к 1 октября на Южном Урале и к 15 октября — на Северном и Среднем Урале. Для промышленности было названо 367 специальностей, в которых имелась срочная потребность. Исключения делались для рабочих предприятий и мастерских, выполнявших военные заказы, занимавших выборные должности в Советах, профсоюзах и т. п. Распределение специалистов находилось в ведении губотделов учета и распределения рабочей силы. Последними к концу 1920 г. на предприятия были направлены 8816 металлистов, 1691 строитель, 3817 транспортников, 869 горняков и 32 572 чернорабочих⁶⁰. Промышленность края получила также 897 квалифицированных инженерно-технических работников⁶¹. Через систему Главкомтруда проводилась работа по вольному найму рабочих для Урала в Калужской, Казанской и других губерниях страны. Однако «пришлый» элемент был крайне незначителен⁶².

Решая вопрос обеспечения предприятий квалифицированными кадрами, уральские хозяйственные органы в 1920 г. серьезное внимание обратили на создание сети профессионально-технического образования: техникумов, специальных курсов и

школ, учебно-показательных мастерских. Названные учреждения призваны были готовить специалистов из неквалифицированных рабочих и молодежи 16—18 лет. Для руководства и организации системы профтехобразования с августа 1920 г. при Совтрударме стал работать специальный Уральский областной комитет⁶³. В итоге уже в 1920/21 учеб. г. на Урале действовало 76 профессионально-технических курсов (4385 слушателей), 87 профессионально-технических школ (5707 учащихся), 5 школ фабрично-заводского ученичества, 4 техникума⁶⁴. Однако массового выпуска специалистов, подготовленных в сети профтехобразования, можно было ожидать лишь в последующие годы.

В целом названные мероприятия в известной степени ослабили остроту проблемы кадров, позволили обеспечить промышленность Урала минимумом рабочей силы. В течение 1920 г. на производство было послано 77 265 человек, что на 56,8 % удовлетворило спрос⁶⁵. Несмотря на продолжавшиеся мобилизации на фронт и в продотряды, увольнения, эпидемии, удалось почти полностью сохранить численность рабочих в металлургической и рудной отраслях. К концу 1920 г. она уменьшилась по сравнению с сентябрем 1919 г. лишь на 3,9 %⁶⁶. На важнейших военных и металлургических заводах наметился даже рост рабочей силы. Так, на 6 предприятиях (Воткинский, Златоустовский, Ижевский, Лысьвенский, Мотовилихинский, Надеждинский заводы) за год число рабочих увеличилось на 12,3 %⁶⁷. Существенно возросла численность горнорабочих на добыче угля: если в январе 1920 г. в отрасли было занято 7692 человека, то в декабре — 11 523, что составило 94 % от уровня 1916 г.⁶⁸ В остальных отраслях (кроме бумажной) в 1920 г. шло дальнейшее сокращение рабочей силы, особенно этот процесс затронул золото-платиновую промышленность⁶⁹.

Параллельно существенные изменения происходили в структуре рабочих кадров. Во 2-й половине 1919 г. на заводах и фабриках резко возросло применение труда женщин⁷⁰, причем не только в традиционных отраслях легкой промышленности, но и в военной, металлургической, угольной, рудной и др. В сентябре на Кизеловских коях женщины составляли 19 %, в ноябре на предприятиях Богословского округа — 18 %, Пермского района — 18,3 % рабочих⁷¹. Для сравнения скажем, что в 1917 г. из 268 тыс. уральских рабочих женщин было 22 тыс., или 8,1 %⁷². В 1920 г. доля женского труда еще более увеличилась. На коях Кизела в мае женщин было 21,4 %; на предприятиях Пермского райметаллправления в июне — 20,8 %, а в ноябре — 24,4 %; на рудниках Екатеринбургской райруды — до 25 %. Даже на Ижевском заводе доля женщин поднялась за июнь — декабрь от 21 до 26 %⁷³. Кроме женского значительного применения достиг труд подростков и пенсионеров. Часто названные категории рабочих сталкивались с тяжелой физиче-

ской работой, имели низкую квалификацию, а, значит, не могли в полной мере заменить кадрового рабочего⁷⁴.

Уровень технической подготовки мужчин также оставлял желать лучшего. На Ижевском заводе в июне 1920 г. рабочий-мужчина был приравнен к 80 % от нормальной рабочей единицы. Резко возрос процент брака. В определенной мере это объяснялось тем, что рабочая сила предприятия лишь на 20 % состояла из местных кадровых рабочих. Аналогичной была ситуация на Воткинском, Мотовилихинском и других заводах⁷⁵. Сложности имелись с применением труда инженеров и техников⁷⁶. Тем не менее положение с кадрами в некоторых отраслях промышленности Урала было лучшим, чем в других районах страны. Так, в марте — апреле 1920 г. на угольных копях края забойщики составляли 23,3 % рабочих, тогда как в Донбассе — 16 %, в Сибири — 10,6—13,8 %⁷⁷. Такое соотношение сложилось прежде всего из-за лучшей сохранности на Урале основных кадров шахтеров.

Таким образом, во второй половине 1919—1920 г. партийными, советскими и хозяйственными органами были осуществлены крупные мероприятия по обеспечению промышленных предприятий Урала трудовыми ресурсами. При этом были определены потребности в рабочей силе, формы и методы их удовлетворения, использованы все имеющиеся возможности и источники. Осуществленные мероприятия дали положительные результаты, позволили несколько сгладить остроту проблемы в наиболее важных отраслях (оборонной, металлургической, угольной). Однако в целом промышленность края продолжала испытывать дефицит рабочей силы⁷⁸. В сложившихся условиях решение производственных задач зависело от героизма, организованности и политической сознательности трудящихся Урала.

¹ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г.: Протоколы. М., 1959. С. 402.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 395.

³ См.: Гильберт М. К вопросу о составе промышленных рабочих СССР в годы гражданской войны // История пролетариата СССР. 1935. № 1. С. 149—171; Баевский Д. А. Очерки по истории хозяйственного строительства периода гражданской войны. М., 1957; Он же. Рабочий класс в первые годы Советской власти (1917—1921 гг.). М., 1974; Коваленко Д. А. Оборонная промышленность Советской России в 1918—1920 гг. М., 1970; и др.

⁴ См.: Коммунисты Урала в годы гражданской войны. Свердловск, 1959; Плотицкий В. А. Уральская партийная организация накануне перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1920 — февр. 1921 г.) // Учен. зап. Урал. ун-та. 1958. Вып. 29; Гусельников И. В. Борьба уральских партийных организаций за разрешение топливной проблемы в 1919—1920 гг. // Тр. Перм. мед. ин-та. 1959. Т. 1, вып. 1; Он же. Партийные организации Урала в борьбе за мобилизацию резервов промышленности на оборону страны в 1920 г. // Тр. Перм. мед. ин-та. 1960. Вып. 2; Фадеев А. Н. Проведение трудовой повинности в Пермской губернии в 1919—1920 гг. // Учен. зап. Перм. ун-та. Пермь, 1961. Т. 17, вып. 4; Матушкин П. Г. Урало-Кузбасс. Челябинск, 1966; Голубцов В. С. Черная металлургия Урала в первые годы Советской

власти (1917—1923 гг.). М., 1975; Бакунин А. В. Индустриальный Урал в трудах В. И. Ленина. М., 1981; и др.

⁵ См.: Урал. жизнь (Екатеринбург). 1919. 22 мая.

⁶ См.: Матушкин П. Г. Урало-Кузбасс. С. 56.

⁷ См.: Известия Екатеринбургского губкома РКП(б). 1919. 3 дек.; Коммунисты Урала... С. 463—464; Уральцы бьются здорово. Свердловск, 1968. С. 81.

⁸ См.: Бузунов В. Е. Разгром иностранной военной интервенции и колчаковщины на Урале // Социалистическое строительство на Урале. Свердловск, 1957. С. 41.

⁹ ГАСО. Ф. 95 р. Оп. 1. Д. 1. Л. 121; Ф. 1659 р. Оп. 1. Д. 19. Л. 3; Д. 31. Л. 224, 233; Д. 78. Л. 163; ЦГА БАССР. Ф. 767 р. Оп. 1. Д. 132. Л. 140—141.

¹⁰ ЦГАОР. Ф. 5451. Оп. 3. Д. 98. Л. 14; Оп. 4. Д. 48. Л. 56; ГАПО. Ф. 58 р. Оп. 1. Д. 604. Л. 439; ГАСО. Ф. 266 р. Оп. 1. Д. 96. Л. 8—9; Д. 137. Л. 16.

¹¹ Подробнее см.: Годовой отчет промышленного бюро президиума ВСНХ на Урале за 1920 г. Екатеринбург, 1921. С. 62—63.

¹² Подсчитано по: Экон. жизнь. 1919. 25 нояб.; Тр. Урал. обл. стат. упр. Екатеринбург, 1924. Сер. 3. Т. 2. С. 9.

¹³ ГАСО. Ф. 95 р. Оп. 1. Д. 14. Л. 22; Д. 51. Л. 1; Экон. жизнь. 1919. 25 нояб.

¹⁴ Подсчитано по: ЦГАНХ. Ф. 8084. Оп. 1. Д. 29. Л. 37; ГАСО. Ф. 1 р. Оп. 1. Д. 116. Л. 55; Экон. жизнь. 1919. 5 окт.; Урал. рабочий. 1919. 28 окт., 1, 4 нояб.; Тр. Урал. обл. стат. упр. Сер. 3. Т. 2. С. 9.

¹⁵ ЦГАСА. Ф. 20. Оп. 11. Д. 69. Л. 1; ГАПО. Ф. 732 р. Оп. 1. Д. 82. Л. 15; ГАСО. Ф. 1659 р. Оп. 1. Д. 31. Л. 87; Урал. рабочий. 1919. 28 окт., 1, 4, нояб.

¹⁶ ГАСО. Ф. 95 р. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.

¹⁷ ЦГАСА. Ф. 176. Оп. 1. Д. 37. Л. 42; Оп. 4. Д. 174. Л. 37; ГАСО. Ф. 1659 р. Оп. 1. Д. 81. Л. 10—11.

¹⁸ ГАСО. Ф. 1659 р. Оп. 1. Д. 23. Л. 18; Д. 54. Л. 101; Д. 87. Л. 22; Д. 89. Л. 24.

¹⁹ Там же. Д. 81. Л. 9; Ф. 266 р. Оп. 1. Д. 127. Л. 1—3.

²⁰ См.: Декреты Советской власти. М., 1974. Т. 7. С. 531—532. Еще 2 завода — Березниковский и Ижевский — были забронированы соответственно в 75 и 100 % -ной норме в августе 1919 г. (ГАПО. Ф. 1035 р. Оп. 3. Д. 8. Л. 288; Коваленко Д. А. Оборонная промышленность... С. 238).

²¹ ГАЧО. Ф. 363 р. Оп. 1. Д. 2. Л. 13; Фадеев А. Н. Проведение трудовой повинности... С. 154.

²² См.: Крас. Урал (Пермь). 1919. 27 нояб.

²³ См.: Стародубцев М. В. Большевики и трудящиеся горнозаводского Урала в борьбе против иностранных интервентов в период первого похода Антанты // Тр. Моск. горн. ин-та. 1958. Вып. 29. С. 93.

²⁴ ГАСО. Ф. 7 р. Оп. 1. Д. 1. Л. 32; Урал. рабочий. 1919. 3 дек.

²⁵ См.: Декреты Советской власти. 1973. Т. 6. С. 96—97.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 306.

²⁷ См.: Гильберт М. К вопросу о составе... С. 156.

²⁸ ГАСО. Ф. 95 р. Оп. 1. Д. 7. Л. 1; Крас. Урал. 1919. 12 нояб.; Сов. правда (Челябинск). 1919. 30 нояб.; Урал. рабочий. 1919. 9 дек.; Состояние артиллерийских заводов на 1 янв. 1920 г. М., 6/г. С. 28; Баевский Д. А. Очерки по истории... С. 278.

²⁹ См.: Отчет Екатеринбургского губсовета профсоюзов II губернскому съезду профсоюзов. Екатеринбург, 1921. С. 42.

³⁰ См.: Декреты Советской власти. Т. 7. С. 173—177.

³¹ См.: Урал. рабочий. 1920. 14 апр.; Серп и молот. 1920. № 9. С. 5—10.

³² См.: Девятый съезд РКП(б): Протоколы. М., 1960. С. 404—417.

³³ См.: Декреты Советской власти. 1976. Т. 8. С. 49—50.

³⁴ См.: Бакунин А. В. Индустриальный Урал... С. 198.

³⁵ ЦГАНХ. Ф. 3429. Оп. 8. Д. 1553. Л. 3—4; ГАПО. Ф. 74 р. Оп. 2. Д. 8. Л. 71—72.

- ³⁶ См.: Урал. рабочий. 1920. 17 дек.
³⁷ См.: Годовой отчет промышленного бюро... С. 63.
³⁸ ЦГАСА. Ф. 164. Оп. 1. Д. 8. Л. 65; Д. 9. Л. 7; ЦГАНХ. Ф. 8082. Оп. 1. Д. 32. Л. 32; ГАСО. Ф. 34 р. Оп. 1. Д. 24 а. Л. 157; Ф. 95 р. Оп. 1. Д. 13. Л. 15; Д. 372. Л. 57; ГАПО. Ф. 74 р. Оп. 2. Д. 8. Л. 34—35.
³⁹ См.: Декреты Советской власти. 1980. Т. 10. С. 59—60, 245—246, 269.
⁴⁰ ГАСО. Ф. 14 р. Оп. 1. Д. 99. Л. 32; Д. 659. Л. 48; Урал. рабочий. 1920. 3 июля.
⁴¹ ГАСО. Ф. 2515 р. Оп. 1. Д. 10. Л. 2—3, 7—8.
⁴² См.: Ленинский сб. 35. С. 269.
⁴³ См.: Годовой отчет промышленного бюро... С. 6; Коммунисты Урала... С. 406.
⁴⁴ См.: Голубцов В. С. Черная металлургия Урала... С. 90.
⁴⁵ ЦГАСА. Ф. 164. Оп. 1. Д. 59. Л. 6—7; Урал. рабочий. 1920. 28 янв.
⁴⁶ См.: Серп и молот. 1920. № 9. С. 9.
⁴⁷ ЦГАСА. Ф. 164. Оп. 1. Д. 17. Л. 267; НТФ ГАСО. Ф. 66 р. Оп. 1. Д. 265. Л. 51.
⁴⁸ См.: Декреты Советской власти. 1983. Т. 11. С. 338—339.
⁴⁹ ГАСО. Ф. 318 р. Оп. 1. Д. 30. Л. 21—22; Урал. рабочий. 1920. 1 окт.; 1921. 19 янв.; Серп и молот. 1921. № 3. С. 152—153.
⁵⁰ ГАЧО. Ф. 962 р. Оп. 3. Д. 48. Л. 427.
⁵¹ ЦГАСА. Ф. 164. Оп. 1. Д. 4. Л. 69; Д. 74. Л. 48, 52; ЦГАНХ. Ф. 8082. Оп. 1. Д. 36. Л. 46; Д. 44. Л. 83—84; Д. 47. Л. 24; Годовой отчет промышленного бюро... С. 64.
⁵² ГАЧО. Ф. 962 р. Оп. 3. Д. 41. Л. 125; Экон. жизнь. 1920. 19 окт.
⁵³ Под трудовой наличностью понимается количество красноармейцев, которое фактически могло использоваться для выполнения трудовых заданий.
⁵⁴ См.: Серп и молот. 1920. № 28—29. С. 18.
⁵⁵ ГАСО. Ф. 95 р. Оп. 1. Д. 6. Л. 3—4.
⁵⁶ ГАСО. Ф. 1659 р. Оп. 1. Д. 83. Л. 27; ГАПО. Ф. 1035 р. Оп. 3. Д. 9. Л. 421.
⁵⁷ ЦГАОР. Ф. 5469. Оп. 4. Д. 55. Л. 25; ГАПО. Ф. 58 р. Оп. 1. Д. 604. Л. 779, 786; Д. 605. Л. 590; Ф. 74 р. Оп. 1. Д. 960. Л. 11—12; ГАЧО. Ф. 962 р. Оп. 3. Д. 40. Л. 84—85; ГАСО. Ф. 95 р. Оп. 1. Д. 55. Л. 27 а; НТФ ГАСО. Ф. 99 р. Оп. 1. Д. 68. Л. 5—6; *Фадеев А. Н.* Проведение трудовой повинности... С. 159.
⁵⁸ ГАСО. Ф. 95 р. Оп. 1. Д. 55. Л. 27 а; ГАПО. Ф. 4 р. Оп. 1. Д. 208. Л. 24.
⁵⁹ См.: Известия ВЦИК. 1920. 14 апр.
⁶⁰ ГАСО. Ф. 14 р. Оп. 1. Д. 659. Л. 117—121; Урал. рабочий. 1921. 19 февр.
⁶¹ ГАСО. Ф. 318 р. Оп. 1. Д. 30. Л. 23; Урал. рабочий. 1921. 19 янв.
⁶² ЦГАНХ. Ф. 8082. Оп. 1. Д. 44. Л. 8; *Бажанов В. М.* Каменноугольная промышленность за 1920 г. М., 1920. С. 39; *Баевский Д. А.* Очерки по истории... С. 303.
⁶³ См.: *Коваленко Д. А.* Оборонная промышленность... С. 354.
⁶⁴ НТФ ГАСО. Ф. 66 р. Оп. 1. Д. 265. Л. 75; Звезда (Пермь). 1920. 17 окт.; *Гусельников И. В.* Партийные организации Урала в борьбе... С. 91; *Чернышева М. И.* Партийные организации Урала во главе профессионально-технического образования рабочих в 1920—1925 гг. // Из истории уральских и сибирских партийных организаций. Свердловск, 1973. С. 179—182.
⁶⁵ См.: Отчет Екатеринбургского губсовета... С. 42.
⁶⁶ Подсчитано по: ЦГАНХ. Ф. 3429. Оп. 8. Д. 367. Л. 8; Экон. жизнь. 1919. 25 нояб.; Годовой отчет промышленного бюро... С. 65.
⁶⁷ Подсчитано по: ЦГАСА. Ф. 20. Оп. 11. Д. 69. Л. 2; Ф. 55. Оп. 1. Д. 101. Л. 8; Ф. 169. Оп. 1. Д. 25. Л. 283; ЦГАНХ. Ф. 3429. Оп. 8. Д. 1553. Л. 3—5, 8; ГАСО. Ф. 1 р. Оп. 1. Д. 472. Л. 29—31; Ф. 95 р. Оп. 1. Д. 53. Л. 8, 27; Д. 54. Л. 1; Д. 371. Л. 74, 78; Ф. 266 р. Оп. 1. Д. 70. Л. 64; Д. 78. Л. 1; Д. 96. Л. 6; ГАПО. Ф. 33 р. Оп. 1. Д. 37. Л. 128; Ф. 74 р. Оп. 1. Д. 821. Л. 41, 50; ЦГА УАССР. Ф. 131 р. Оп. 1. Д. 236. Л. 1; Д. 1527. Л. 27.

⁶⁸ Подсчитано по: ЦГАНХ. Ф. 3429. Оп. 8. Д. 376. Л. 4, 6, 7, 9, 11; *Бажанов В. М.* Каменноугольная промышленность... С. 36, 43, 50, 53; Тр. Урал. обл. стат. упр. Сер. 3. Т. 2. С. 9.

⁶⁹ ЦГАНХ. Ф. 8084. Оп. 1. Д. 29. Л. 37; ГАСО. Ф. 34 р. Оп. 1. Д. 133. Л. 269; Тр. Урал. обл. стат. упр. Сер. 3. Т. 2. С. 9.

⁷⁰ Подробнее см.: *Дмитриев Н. И., Дмитриева Т. В.* Вовлечение женщин Урала в хозяйственное строительство после освобождения края от белогвардейцев // *Борьба партийных организаций Урала за союз трудящихся классов в период гражданской войны.* Свердловск, 1987. С. 31—43.

⁷¹ Подсчитано по: ЦГАНХ. Ф. 3429. Оп. 8. Д. 396. Л. 98—104, 146; ГАСО. Ф. 95 р. Оп. 1. Д. 53. Л. 4; Д. 54. Л. 1; Ф. 1090 р. Оп. 1. Д. 85. Л. 24—26.

⁷² См.: *Фельдман В. В.* Изменение численности и состава рабочих Урала в 1917—1927 гг. // Тр. Урал. лесотехн. ин-та. Свердловск, 1969. Вып. 2. С. 6.

⁷³ Подсчитано по: ГАПО. Ф. 74 р. Оп. 1. Д. 821. Л. 39, 46; Д. 840. Л. 21; Д. 863. Л. 7, 13; Д. 877. Л. 3; Д. 894. Л. 7, 25; Д. 907. Л. 7, 18; Д. 907. Л. 7, 18; Д. 919. Л. 4, 9; Д. 940. Л. 3, 9; Д. 960. Л. 7, 14; Д. 979. Л. 10; ГАСО. Ф. 95 р. Оп. 1. Д. 176. Л. 9; Д. 290. Л. 4; ЦГА УАССР. Ф. 131 р. Оп. 1. Д. 179. Л. 22; Д. 236. Л. 1, 6, 11.

⁷⁴ Например, в июне 1920 г. на Ижевском заводе женщина давала 60 %, а подросток — 30 % от уровня производительности квалифицированного рабочего-мужчины (ЦГА УАССР. Ф. 131 р. Оп. 1. Д. 1416. Л. 22).

⁷⁵ ЦГА УАССР. Ф. 131 р. Оп. 1. Д. 26. Л. 11; Д. 1416. Л. 22; Ф. 543 р. Оп. 13. Д. 144. Л. 239; ГАПО. Ф. 33 р. Оп. 1. Д. 27. Л. 2; Ф. 74 р. Оп. 1. Д. 1003. Л. 34; и др.

⁷⁶ ГАСО. Ф. 1659 р. Оп. 1. Д. 89. Л. 139; ГАПО. Ф. 74 р. Оп. 1. Д. 1004. Л. 146; и др.

⁷⁷ Подсчитано по: ЦГАНХ. Ф. 3429. Оп. 8. Д. 376. Л. 4, 6, 7, 9; *Баевский Д. А.* Очерки по истории... С. 302—303.

⁷⁸ В январе 1921 г. в промышленность Урала требовалось дополнительно не менее 35 326 человек (Годовой отчет промышленного бюро... С. 100).

В. П. ГУРОВ
Уральский университет

Социально-экономические отношения и классовая борьба в уральской доколхозной деревне в условиях новой экономической политики (1921 — 1927)

Победоносное завершение гражданской войны и переход к мирному хозяйственному строительству ни в коей мере не означали прекращения классовой борьбы. Наоборот, переход к НЭПу ознаменовал, по словам В. И. Ленина, наступление последнего, решительного боя с русским капитализмом¹. Но в новых условиях классовая борьба приобрела некоторые специфические черты, характеризовалась появлением новых форм и методов, по сравнению с предшествующим периодом не менее острых и ожесточенных.

Изучение этих особенностей на примере уральской деревни представляет особый интерес. Урал — огромный, в те годы аг-

рарно-промышленный край, в котором в силу исторически сложившихся причин кулачество было относительно многочисленным и мощным, а классовая борьба в деревне приобрела большую остроту и ожесточенность, нежели в центральных районах страны. Здесь особенно ярко проявились ее основные закономерности. Но вместе с тем ввиду неравномерного размещения промышленного производства на территории Урала влияние рабочего класса на характер развития социально-политических процессов в деревне, степень дифференциации и экономическое положение отдельных классовых групп крестьянства, характер и направления классовой борьбы в отдельных районах края было неодинаковым. Наличие районов с различным уровнем развития производительных сил в деревне, с различным сочетанием укладов в экономике, природными и историческими особенностями дало возможность местным партийным организациям накопить богатый и многосторонний опыт осуществления классовой политики в деревне, имевший не только местное, но и общепартийное значение. Не случайно поэтому нет ни одной более или менее крупной работы по истории аграрной политики партии, в которой в той или иной степени вопросы классовой борьбы в уральской деревне не освещались бы. Для В. М. Куликова, Р. Г. Бергауц, Е. А. Ивановой, В. П. Анистратенко, Л. А. Евдокимова и других они стали предметом специального исследования; Ю. А. Поляков, С. П. Трапезников, В. П. Данилов, Н. В. Ефременков, В. Е. Муравьев, Р. В. Кондратьева, В. А. Швечикова и другие посвятили им отдельные разделы своих статей и диссертаций; отдельные моменты из истории партийного руководства борьбой трудящихся крестьян против сельской буржуазии на Урале отразили в своих работах А. А. Петерухин, Р. П. Толмачева, Л. П. Сашенкова, В. П. Гуров, В. Н. Анцыгин, Г. А. Лимонов, Р. М. Киреев².

В историографических обзорах уже обращено внимание исследователей на тот факт, что разработка темы идет главным образом вширь: увеличивается число статей, в научный оборот вводится новый материал, но все заметнее становится однообразие в проблематике и методах исследования³. Добавим, что и те проблемы классовой борьбы, которые привлекли внимание исследователей, раскрываются несколько односторонне, вне связи с социально-экономической и политической обстановкой, складывающейся в уральской деревне на разных этапах ее исторического развития. Фактический материал, введенный в научный оборот, в ряде работ носит выборочный или даже случайный характер, что затрудняет его обобщение. Нередко авторы ограничиваются примерами, имеющими чисто иллюстративный характер. Что касается повседневных форм классовой борьбы внутри уральского крестьянства, обыденных столкновений на хозяйственной и бытовой почве, то они вообще не пользуются вниманием историков. Слабо очерчиваются и коли-

чественные параметры, характеризующие размах и динамику классовой борьбы в условиях НЭПа, расстановку классовых сил на разных этапах ее осуществления, социальный состав лиц, противостоящих социалистическому строительству в уральской деревне.

Все это говорит о необходимости более глубокой разработки проблем классовой борьбы в уральской деревне, в том числе и на этапе ее доколхозного развития. При этом важно выработать единую методику исследования и договориться об основных принципах освещения этих проблем на протяжении всего периода — от введения НЭПа до начала перехода основных масс уральского крестьянства на путь коллективизации. Целесообразнее всего положить в основу предложенную в 1981 г. В. П. Даниловым и В. П. Шерстобитовым схему, согласно которой в трактовке истории классовой борьбы в доколхозной деревне следует выделять широкий и узкий смысл этого понятия⁴. Применительно к уральской доколхозной деревне история классовой борьбы в широком смысле совпадает с историей социально-экономических преобразований в ней, с теми политическими и социально-правовыми изменениями в положении трудящегося крестьянства, которые были достигнуты к началу коллективизации. Широкий подход обеспечивает возможность понять закономерности эпохи и ее специфику, выяснить динамику и соотношение основных форм классовой борьбы в деревне. Второй подход состоит в исследовании конкретных форм непосредственного столкновения социальных сил в уральской доколхозной деревне. Оба подхода, использованные в комплексе, несомненно, позволят унифицировать исследование классовой борьбы и совместными усилиями выявить как общие закономерности, так и местные особенности процесса.

Содержание и основные направления социально-экономического развития деревни к началу НЭПа, как известно, определялись условиями развития всего народного хозяйства в целом, политикой Советского государства. В результате преобразований Октябрьской революции в уральской деревне, как и в других районах страны, оформился новый аграрный строй, по словам В. И. Ленина, «наиболее гибкий в смысле перехода к социализму»⁵. Социальная и экономическая перегруппировка привела к выдвижению на ведущее место в экономике сельского хозяйства края крестьянина-середняка. Но изменение направления социально-экономического развития уральской деревни, ее нивелировка и сложившиеся новые пропорции и соотношения между социально-экономическими группами крестьянства, развитие первых ростков социалистического земледелия сами по себе не могли полностью устранить ее старую социальную структуру. Осереднячивание деревни означало лишь перераспределение удельного веса социальных групп, сложившихся в уральском крестьянстве задолго до революции. Изменилось

место бедноты, середняков и сельской буржуазии в хозяйственной и политической жизни деревни, но сами эти социальные группы еще сохранились, как сохранилась и возможность дальнейшего классового деления на пролетариат и буржуазию и усиления мелкособственнической, мелкобуржуазной стихии⁶.

Следует подчеркнуть, что с переходом к НЭПу все эти процессы заметно усилились. Тенденции этого нового явления в полной мере обозначились уже на втором году проведения новой экономической политики, на что было указано в резолюции XII съезда партии «О работе РКП в деревне»: «Созданные новой экономической политикой хозяйственные отношения, затрудняя развитие значительной части маломощных крестьян и вызывая объединение другой их части, приводят к тому, что начинают подниматься преимущественно средние и зажиточные хозяйства. Начинает оформляться кулачество в лице хозяйств, увеличивающих свою мощь путем сдачи в кредит сельскохозяйственного инвентаря, семян и скота на тяжелых, ростовщических условиях, взятия земель в аренду или путем торговли, путем производства и продажи самогона и т. д. С развитием социально-экономических отношений, создаваемых новой экономической политикой, удельный вес кулачества все более и более растет»⁷. Характер процессов, происходивших в уральской деревне, полностью подтверждает правильность этих выводов съезда.

Обратимся к имеющимся в литературе данным о социально-экономической перегруппировке и классовом составе уральского крестьянства. Следует иметь в виду, что эти данные исчислены путем целого ряда допущений и по своему характеру являются лишь приблизительными, но их (поскольку других, более точных подсчетов нет) вполне можно использовать для выявления тенденций и общих закономерностей развития и перспектив каждого социального слоя уральской доколхозной деревни.

Данные таблицы 1 показывают, что, во-первых, со времени введения НЭПа по мере восстановления и дальнейшего развития сельского хозяйства мелкотоварное крестьянское производство на Урале, как и в других районах страны, непрерывно и в значительных размерах порождало капиталистические элементы. К 1927 г. кулацкая прослойка выросла более чем на 21 тыс. хозяйств и составила 4 % (около 50 тыс. дворов) от общего числа крестьянских хозяйств на Урале. Это означало почти 15 % среднегодового прироста, что свидетельствовало о несомненной активизации процесса классового расслоения уральского крестьянства в середине 20-х гг. и необходимости принятия местными партийными и советскими органами мер, усиливающих ограничение роста и деятельности кулачества. Другим результатом классовой дифференциации является рост пролетарских слоев. Эту группу крестьянской бедноты, прак-

тически прекратившую ведение самостоятельного хозяйства и превращавшуюся в пролетариев, эксплуатируемых кулаками батраков, если им не удавалось найти работу на предприятиях социалистического сектора, дополнили 4,7 тыс. хозяйств. В 1927 г. батрацкая группа в уральской деревне насчитывала 58,5 тыс. дворов, или 4,7 % от общего числа крестьянских хозяйств.

Таблица 1

Классовый состав уральской доколхозной деревни, % *

Социальная группа	Кол-во хозяйств		
	1920	1925	1927
Пролетариат	8,7	4,4	4,7
Бедняки	39,1	24,3	21,4
Середняки	49,4	68,0	69,9
Кулаки	2,8	3,3	4,0

* Из истории социалистического строительства на Урале. Свердловск, 1976. С. 18; Из истории партийных организаций и социалистического строительства на Урале. Свердловск, 1969. С. 67—68; Вопросы истории Урала. Свердловск, 1963. Вып. 4. С. 157.

Рост обеих групп — кулацкой и батрацкой — является основным результатом присущей крестьянству как мелкому товаропроизводителю тенденции стихийно-капиталистического развития. Однако, как уже подчеркнуто в литературе, только в этом отношении и «можно проводить известные аналогии этого процесса с расслоением в деревне в условиях буржуазного общества»⁸. Коренное своеобразие социально-экономического развития доколхозной деревни вскрывается при анализе тех данных таблицы 1, которые характеризуют изменения в середняцкой и бедняцкой группах уральского крестьянства.

Налицо было сокращение бедноты. За первые семь лет осуществления НЭПа удельный вес бедноты в составе хозяйств снизился с 39,1 до 21,4 %, причем беднота не только пролетаризировалась. Гораздо большая ее часть — примерно 400 тыс. хозяйств в изучаемый период окрепли в хозяйственном отношении и перешли в ряды середняков. Одна из особенностей социально-экономического развития уральской доколхозной деревни в том и заключалась, что расслаивалась, размывалась не середняцкая группа, как это было до революции, а бедняцкая. Она не просто уменьшалась, а именно расслаивалась, выделяя одну часть хозяйств в середняцкую, другую — в батрацкую группы.

Процесс осереднячивания деревни выражался не только в численном преобладании середняков, но и в том, что темпы роста этой группы крестьян были стабильны и опережали темпы роста других социальных групп. В 1927 г. удельный вес серед-

няцких хозяйств возрос до 69,9 %, среднегодовой прирост достиг почти 20 %. Разумеется, и в эти годы середняцкий слой не был абсолютно устойчивым. В нем, по существу, одновременно протекали два процесса. С одной стороны, среди середняков происходило расслоение — часть из них переходила в группу бедноты, часть — в кулацкую группу. Этот процесс, обусловленный помощью государства, был явлением новым, свойственным лишь советской деревне. Оба эти процесса взаимно переплетались и создавали определенную стабильность середняцкой части уральской деревни. Средняк, ставший после революции «центральной фигурой земледелия», как видим, сохранял это место вплоть до развертывания сплошной коллективизации.

Таким образом, и в уральской деревне находили конкретное выражение объективные противоречия того времени, прежде всего те, которые были обусловлены двумя путями развития экономики страны — социалистическим и капиталистическим. И на Урале складывался особый процесс дифференциации крестьянства, не отрицающий полностью, но всей своей природой противодействующий утверждению господства капитализма и открывающий для крестьян единственно возможный некапиталистический путь развития. Источником этих принципиальных особенностей являлись новые общественные условия в деревне, возникшие под воздействием регулирующих мер Коммунистической партии и Советского государства, решительно и последовательно выступавших в защиту интересов трудящегося крестьянства против кулачества, сознательно вмешивающихся в развитие социальных отношений в деревне, тормозящих и ограничивающих рост капиталистических элементов и поддерживающих бедняцко-батрацкие и середняцкие массы. Следовательно, соотношение классовых групп в уральской доколхозной деревне и изменения в их соотношении были результатом взаимодействия всех сил, отношений и связей, всех факторов социально-экономической и общественно-политической эволюции деревни в условиях НЭПа.

Прежде чем перейти к характеристике социально-классовых отношений в уральской доколхозной деревне, следует остановиться на анализе каждой из классовых групп как с точки зрения внутренней их структуры и динамики, так и с точки зрения соотношения и взаимодействия в целостной системе. Материалы таблицы 2 дают некоторое представление о распределении крестьянских хозяйств по владению условиями и средствами производства и позволяют раскрыть существенные особенности положения крестьянства и его различных групп в системе общественного производства.

Как видно из табл. 2, на крайнем полюсе обнищания находились пролетарские слои, образуемые батраками, сельскохозяйственными и иными рабочими. Они или вовсе (16,4 % дворов) не имели, или имели мизерные собственные хозяйства.

В типично батрацком дворе имелось до 4 человек, 1—2 работника, около 4,5 га наделной пашни, немногим более 1 га посева. 74,5 % батрацких хозяйств не имело рабочего скота, более 35 % — коров, средняя стоимость хозяйственных построек составляла всего 18 руб., т. е. была в 5 раз дешевле обычных крестьянских дворовых построек на Урале⁹. По числу работ-

Таблица 2

Место крестьянских хозяйств различных социальных групп в сельскохозяйственном производстве Урала (по данным гнездовой переписи 1927 г.), % *

Показатель	Пролетариат	Бедняки	Середняки	Кулаки
Хозяйства	4,7	21,4	69,9	4,0
Основные средства сельскохозяйственного производства	2,7	11,5	72,9	12,9
Посевная площадь	3,9	14,3	70,9	10,9
Рабочий скот (лошади)	0,9	9,1	81,4	8,6
Продуктивный скот (коровы)	2,3	13,7	76,1	7,9
Валовая продукция	1,7	11,2	79,2	7,9
Товарная продукция	0,9	7,6	79,7	11,8
Продажа продуктов земледелия	0,9	6,7	73,2	19,2
животноводства	2,4	9,9	72,4	15,3

* См.: Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале. Свердловск, 1929. С. 29, 35; Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып. 4: Сельское хозяйство. Свердловск, 1930. С. 475, 483, 501; Вопросы истории Урала. Вып. 4. С. 157.

ников эти хозяйства в большинстве случаев могли обрабатывать наделную землю, но у них не было средств производства (стоимость, например, сельскохозяйственного инвентаря в среднем на двор составляла всего лишь 2 р.). Карликовое хозяйство, сохранившееся у части батраков, далеко не покрывало продовольственные потребности семьи и нередко служило источником еще большего закабаления батрачества. Вести свое хозяйство без аренды кулацкого инвентаря и рабочего скота батрак не мог. Главным источником средств существования батрачества во всех случаях была продажа собственной рабочей силы. 98,8 % этих семей отпускали работников на заработки вне своего хозяйства¹⁰.

Значительный, хотя, как показано выше, с каждым годом сокращавшийся слой в уральской деревне представляла крестьянская беднота. В 1927 г. ее удельный вес составил 21,4 % от общего количества хозяйств, но доля ее в средствах производства была в 2 раза, а в посевах — в 1,5 раза меньше. Бедняцкое

хозяйство было малопосевным (2,2 га), а 10 % дворов вообще его не имели. Каждое третье хозяйство (33,6 %) было без рабочего скота, а остальные владели не более чем 1 лошастью. 14 % хозяйств не имели коров, почти в 70 % хозяйств отсутствовал пахотный инвентарь. По данным обследования, стоимость всех средств производства, находящихся в распоряжении бедняка, не превышала 204 р.; из 393 р. условно чистого годового дохода доход семьи от занятий своим сельским хозяйством составил всего 130 р., в то время как денежные поступления от продажи рабочей силы и сдачи земли в аренду доходили до половины всего дохода¹¹. Таким образом, низкий уровень обеспеченности бедняка основными средствами производства не позволял и ему, как и хозяйствам батрацкой группы, вести самостоятельно свое хозяйство. Именно это и обусловило зависимый характер его отношений с кулаками и зажиточными середняками при решении вопросов о найме — сдаче рабочей силы, аренде — сдаче земли и орудий производства.

Сельская беднота и батраки, жестоко эксплуатируемые кулаками, были их непримиримыми врагами, стойкой социальной опорой Советской власти в деревне. Характеризуя эти категории крестьянского населения, ЦК РКП(б) отмечал: «Будучи в большинстве своем пролетариями и полупролетариями, для которых работа по найму является единственным или основным источником существования, эти слои являлись надежной опорой партии во всей ее политике в деревне»¹².

Средняцкие хозяйства занимали в уральской деревне преобладающие позиции не только в силу своей многочисленности. Они были и основными держателями средств производства, и основными производителями, и поставщиками товарной продукции. Хозяйство типичного середняка имело 5,4 человека семьи, 2—3 взрослых работника, 10,1 га наделной пашни, 5,0 га посева, 1,6 лошади и 1,8 коровы, как правило, пахотный инвентарь, а иногда и машины, двор с хозяйственными и жилыми постройками. Общая стоимость средств производства у середняка составляла 579,1 р., условно чистый доход — 576 р., в том числе доход от занятий своим сельским хозяйством был равен 295 р.¹³

Несмотря на то, что середняцкая группа в целом владела большей частью средств производства и посевных площадей и в меньшей степени, чем бедняки, зависела от кулачества, производственная основа отдельных хозяйств середняков, характер их социально-экономических отношений с другими социальными слоями не могли гарантировать долговечной самостоятельности их хозяйственной деятельности. Дело в том, что лишь 1/3 середняцких хозяйств имела необходимый усовершенствованный пахотный и уборочный инвентарь и машины; остальные хозяйства вынуждены были нанимать их у соседей. 61,5 % середняцких дворов отпускали рабочую силу и искали заработок на стороне,

причем доля доходов от внеземледельческих занятий почти равнялась половине всех доходов хозяйства. Низкой были и товарность хозяйства (немногим более 11 % против 14 % в 1916 г.)¹⁴.

Низкий уровень оснащенности середняцкого хозяйства современными и высокопроизводительными орудиями производства, его полунатуральный характер, примитивизм техники и культуры хозяйства обуславливали замедленные темпы развития не только самого середняцкого хозяйства, но и сельского хозяйства Урала в целом.

Более обеспеченными средствами производства, чем бедняcko-середняцкие хозяйства, были хозяйства сельской буржуазии — кулаков. Стоимость всех средств производства типичного кулацкого хозяйства составляла 925 р., что в 5 раз выше, чем в хозяйствах бедняка, и в 2 раза выше, чем в середняцком хозяйстве. 4 % кулацких хозяйств имели 12,9 % основных средств производства и 10,9 % посевных площадей (не считая обрабатываемых на кабальных условиях бедняцких земель, фактически наполовину включаемых в систему кулацкого производства). Они реализовывали на рынке 19,2 % продуктов земледелия и 15,3 % продуктов животноводства. Практически каждое кулацкое хозяйство прибегало к систематической сдаче средств производства при одновременном найме рабочей силы. Условно чистый годовой доход кулака составлял 1006,1 р., в том числе 450,9 р. он получал от занятий непосредственно сельским хозяйством. В промыслах предпринимательского типа кулацкая группа имела абсолютное преобладание¹⁵.

Тем не менее, как правильно отмечено в литературе¹⁶, кулацкое хозяйство было более рентабельным лишь в сравнении с бедняcko-середняцким. Издержки труда в нем были не меньше, а часто больше, чем в трудовых хозяйствах. Ведя по преимуществу экстенсивное хозяйство, хищнически расходуя дешевый наемный труд, кулак неохотно шел на интенсификацию производства.

Имущественные и социальные различия в крестьянской среде, ее расслоение на классовые группы были связаны прежде всего с распределением рабочего скота и сельскохозяйственных орудий и машин. Эту кардинальную особенность возобновившегося классовообразования в деревне Коммунистическая партия установила, как только выявились основные последствия перехода к НЭПу. XIII съезд РКП(б) в мае 1924 г., отмечая, что «политика НЭПа в основном оправдала себя целиком и в деревне», указывал: «Своеобразие происходящего в деревне расслоения заключается в том, что основным элементом его до настоящего времени является не столько земля, сколько торговля, скот, инвентарь, превращающиеся в орудие накопления и средство эксплуатации маломощных элементов»¹⁷. О своеобразии классового расслоения в уральской доколхозной деревне свидетельствуют данные таблицы 3.

При анализе данных таблицы 3 обращает на себя внимание прямая зависимость распространения найма чужого скота от значительности удельного веса хозяйств без рабочего скота. В основном чужим и к тому же почти только наемным тяглом обрабатывали землю хозяйства батраков и других пролетарских и полупролетарских слоев деревни. Хозяйства середняков обходились в основном собственным рабочим скотом. Что ка-

Таблица 3

Характер производственных отношений уральского крестьянства в ходе весенней посевной кампании 1925 г.
(в % к числу хозяйств в группе) *

Производственные связи и отношения	Беднота	Середняки	Кулаки
Рабочий скот			
только свой	56,3	84,3	91,3
» наемный	24,1	1,9	0,1
» супруга	15,8	12,4	6,5
смешанный	3,8	1,4	2,5
Инвентарь			
только свой	55,8	85,9	92,7
» наемный	24,5	2,4	—
» супруга	16,3	9,8	5,6
смешанный	3,4	1,9	1,7
Семена			
только свои	78,7	86,2	95,2
частично заемные	16,4	12,6	4,5
полностью заемные	4,9	1,2	0,3
Арендовали землю	8,6	31,8	70,9
Сдавали землю	44,7	18,5	12,1
Отпускали рабочую силу	95,9	14,9	5,7
Нанимали рабочую силу	26,6	39,6	87,3

* См.: К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства: (Материалы исследований НК РКИ СССР). М.; Л., 1928. С. 35, 38—39, 63, 64; Обзор хозяйства Урала за 1924—1925 год. Свердловск, 1925. С. 367, 368; Хоз-во Урала. 1925. № 7. С. 33—37; Вопросы истории Урала. Вып. 4. С. 145, 146, 154; ГАСО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 797. Л. 15; Д. 948. Л. 1—2, 18.

сается кулачества, то эта категория хозяйств практически не участвовала в найме рабочего скота. Судя по материалам выборочной гнездовой переписи 1927 г. на Урале, в 99—100 случаях из 100 крестьянин нанимал тягло у крестьянина¹⁸. Кооперация, совхозы и другие общественные организации только-только начинали вторгаться в эту сферу социальных отношений крестьянства. Довольно широко была распространена в уральской деревне и супруга—традиционная форма крестьянской трудовой кооперации и взаимопомощи, состоявшая в соединении рабочего скота, инвентаря и рабочей силы ряда хозяйств для выполнения отдельных сельхозработ. Но вот что важно под-

черкнуть: «супряжение» рабочей силы бедноты со средствами производства кулаков фактически являлось одной из кабальных форм эксплуатации чужого труда.

Данные таблицы 3 подтверждают, что на Урале, где крестьянские хозяйства были сравнительно обеспеченными, почти 2/3 из них обрабатывали пашню только своим инвентарем. Решительное преобладание найма чужого инвентаря для вспашки и посева всеми обследованиями уральской деревни зафиксировано только в пролетарских хозяйствах, практически не имевших своих машин и орудий. Для них же характерно и относительно заметное получение чужого инвентаря в порядке родственной или соседской помощи¹⁹. Беднота также в значительной своей части прибегала к найму инвентаря, но все-таки более 1/2 этой группы в основном обходились тем, что имели. В середняцких хозяйствах наем инвентаря на весенних работах резко сокращается; кулацкие хозяйства в найме инвентаря не принимали участия. Применение крестьянами машин и орудий государственно-кооперативного проката было еще ничтожным. Весной 1927 г., например, наем инвентаря, как и рабочего скота, практически целиком оставался в сфере внутрикрестьянских отношений. Супруга инвентаря по охвату хозяйств была примерно равна супруге рабочего скота; в реальной жизни и та и другая формы часто сливались.

Материалы весенних опросов по Уралу свидетельствуют о росте самостоятельности крестьянских хозяйств на весенних полевых работах. Учитывая, что без сеялок обходилось большинство хозяйств (ручной сев везде решительно преобладал над машинным), можно признать, что повсеместная обеспеченность крестьянских хозяйств пахотным инвентарем была несравненно более высокой, нежели любыми другими сельскохозяйственными орудиями и машинами. Темп сдвигов (в пределах 1—2 % годового увеличения удельного веса хозяйств, обходившихся только своими средствами производства²⁰) вполне соответствовал приросту рабочего скота, машин и орудий в крестьянских хозяйствах. Таков, по справедливому замечанию В. П. Данилова, «один из конечных результатов процесса осереднячивания крестьянства, свидетельствующий, в частности, об эффективности классовой политики Советского государства в деревне, о поддержке ее трудовых слоев и ограничении кулачества»²¹.

Следует, однако, отметить, что ситуация изменялась в период уборочной страды, когда необходимость убрать с поля и обмолотить урожай в самые сжатые сроки вынуждала крестьян прибегать в весьма значительных размерах к найму и рабочего скота, и инвентаря. Судя по осеннему опросу 1925 г., среди хозяйств, производивших, например, обмолот машинами, 73,8 % прибегали к их найму²². Условия найма, как правило, были весьма не выгодными для нанимателя, так как сдатчик, пользуясь

создавшимся положением, требовал и получал самую высокую и выгодную для него плату. Чаще всего беднота расплачивалась за пользование чужим инвентарем и рабочим скотом своим трудом в хозяйстве сдатчика-кулака²³. Кабальными были и условия займа семян²⁴.

Сдача в аренду беднотой и середняками земли была вынужденным явлением, следствием недостатка у них орудий и средств производства. К аренде земли чаще других обращались кулацкие и середняцкие хозяйства. Но если у середняков аренда не была связана с систематической эксплуатацией наемной рабочей силы и носила трудовой характер (в среднем на одно середняцкое хозяйство, арендующее землю, приходилось 0,96 дес.), то кулацкие хозяйства за счет земельной аренды (11,2 дес. в среднем на одно арендующее хозяйство), сопровождавшейся одновременным наймом рабочей силы, получали довольно значительные доходы нетрудового происхождения. Принципиально различными были и причины использования наемного труда в бедняцко-середняцкой группе и в группе кулаков. Беднота и середняки чаще всего участвовали в так называемом групповом найме, т. е. в найме пастухов, подпасков, иногда нанимали нянь. Кулацкие же хозяйства прибегали к найму для сельскохозяйственных работ. Отпускали рабочую силу главным образом бедняцкие хозяйства.

Таким образом, анализ производственных отношений крестьянских хозяйств в уральской доколхозной деревне показывает, что между беднотой и кулацко-зажиточными хозяйствами сохранились эксплуататорские отношения, неизбежно порождавшие антагонизм между отдельными социальными группами. Но вместе с тем в доколхозной деревне, и, как показано выше, в уральской в том числе, коренным образом изменилась расстановка классовых сил, существенные изменения претерпели и формы классовой борьбы. Как уже отмечено в литературе²⁵, классовая борьба в деревне развернулась прежде всего вокруг мероприятий, которые проводились Коммунистической партией и Советским правительством и были направлены на подъем бедняцко-середняцких масс деревни и ограничение эксплуататорских стремлений кулачества. Борьба с кулаком велась путем охраны интересов трудового крестьянства на основе советского законодательства. Но главное, что определяло основные направления и содержание этой борьбы, основным ее методом являлось организационное сплочение деревенской бедноты и повышение ее политической активности. Формой такой организации были профсоюзы работников земли и леса (Всеработземлес), органы крестьянской взаимопомощи (ККОВ), батрацко-бедняцкие группы. Будучи проводниками политики партии в деревне, работая под руководством местных партийных органов, они способствовали сплочению бедняцких и середняцких масс вокруг рабочего класса.

Следует заметить, что политика ограничения и вытеснения кулачества несла несколько иную социальную нагрузку в отличие от аналогичной политики в отношении нэпманских элементов в городе. Если в городе, где экономические позиции буржуазии были подорваны, предпосылками окончательного вытеснения нэпманской буржуазии были рост и утверждение в качестве ведущего социалистического сектора, то в деревне, наоборот, вытеснение кулака становилось одной из важнейших предпосылок становления кооперативного строя²⁶.

Борьба с кулацкой эксплуатацией закрывала каналы капиталистического развития деревни, активно способствовала повороту основных масс трудового крестьянства к социалистическим формам хозяйства. Из этого вовсе не следует, что борьба с кулачеством была подобна дороге с односторонним движением. Кулак использовал любые трудности социалистического строительства, чтобы противопоставить в сознании сельского труженика город деревне, рабочий класс — крестьянству, повести за собой бедняцко-середняцкие массы на борьбу против всякого государственного регулирования социально-экономических процессов в деревне.

Используя условия НЭПа, активно включившись в экономические отношения как в рамках деревни, так и между городом и деревней, кулак стремился закрепить свои позиции не только в сфере производства, но и в сфере обмена и распределения. Эксплуатируя маломощные слои деревни, он использовал наиболее отсталые, хищнические, кабальные формы эксплуатации, стремился всячески упрочить свое экономическое и идеологическое влияние на бедноту и середняка.

Кулачество яростно сопротивлялось всем мерам партийных и советских организаций, направленным на упрочение новых общественных отношений, и вместе с тем использовало любые легальные возможности для укрепления своего хозяйства. Так, в кооперации кулак стремился проникнуть в выборные органы или продвинуть туда своих ставленников, использовать преимущества кооперирования для получения кредитов, техники, облегчения по линии налогов и пр. Особым вниманием кулачества пользовались так называемые дикие кооперативы, т. е. не объединенные в союзы²⁷.

Нараставшая активность кулачества выражалась также и в его стремлении политически завоевать деревню, захватить в свои руки или в руки своих ставленников низовой советский аппарат, помешать работе партийных и комсомольских организаций, культпросветучреждений в деревне²⁸. Так что кулачество являлось серьезным противником. Главная цель, к которой оно стремилось, — всеми силами и средствами, в основном на хозяйственной почве, повести за собой середняка, расколоть союз рабочего класса с ним. «Прямые покушения на разрыв бедняцко-середняцкого блока были повсеместно», — отмечал

Уралоблисполком действия кулаков в ходе перевыборной кампании 1927 г.²⁹

Классовая борьба на Урале в годы НЭПа проходила поэтапно. Первый этап — 1921—1922 гг. Вооруженная борьба кулачества с Советской властью, развернувшаяся на Урале накануне перехода к НЭПу, продолжала оставаться одной из основных форм классовой борьбы и некоторое время после ее введения. Лишь летом 1921 г. основные районы области были очищены от вооруженных кулацко-эсеровских формирований, оперативная же борьба (при помощи регулярных частей Красной Армии) против кулацких банд продолжалась до весны 1922 г., а рецидивы кулацкого бандитизма и индивидуального террора имели место вплоть до зимы 1922/23 г.

Организаторами разгрома кулацко-эсеровских мятежей на Урале были местные партийные организации. Они создавали отряды коммунистов и комсомольцев и части особого назначения (ЧОН), добровольные дружины из местного населения, проявлявшие чудеса героизма и самоотверженности в борьбе с мятежниками, организовывали помощь Красной Армии, восстанавливали в освобожденных районах партийный и советский аппарат, проводили мобилизации коммунистов и комсомольцев в отряды для отражения бандитских налетов на села и деревни, для охраны продскладов, сыпных пунктов, советских учреждений³⁰.

Усиливая и расширяя репрессивные меры против бандитов, партийные организации вместе с тем усиливали и расширяли агитационно-разъяснительную работу среди крестьян. Необходимо было отделить от мятежников тех, кто попал к ним, не понимая действительных, истинных целей кулацкого движения, контрреволюционной сущности мятежей. Партийные организации, противодействуя враждебным антисоветским измышлениям и клевете, распространяемым кулаками и эсеровскими идеологами, пропагандировали и разъясняли НЭП, организовали практическую помощь деревне. Этой работе было уделено большое внимание, и она приобрела широкий масштаб.

Созыв специальных собраний, митингов, сходов, проведение беспартийных конференций, посылка специальных агитпоездов, агитбригад и агитгрупп, распространение большого количества специальных изданий агитационной литературы, широкая публикация статей и материалов в центральной и местной печати, проведение бесед, читка газет — все эти формы использовались партийными организациями для разъяснения партийных и государственных решений о переходе к НЭПу. Особое значение в этой работе имеет областное партийное совещание, состоявшееся в конце июля 1921 г., и летние (1921) уездные и губернские партконференции и съезды Советов, горячо одобrivшие новые экономические мероприятия Советской власти и призвавшие население Урала к мобилизации всех сил для скорейшей ликвидации кулацкого бандитизма и подъема хозяйства³¹.

Некоторая настороженность и недоверие к мероприятиям партийных и советских органов в рамках посевной кампании и к новой политике, имевшие место еще в марте 1921 г., постепенно сменялись их одобрением. Но было бы наивным полагать, что с переходом к НЭПу прекратились всякие колебания уральского крестьянства, что оно повсеместно и безоговорочно стало поддерживать мероприятия Советской власти. Из многих мест даже в мае — июне 1921 г., как и в феврале — марте, волкомы РКП(б) продолжали сообщать о неудовлетворительном настроении крестьянства³².

Несомненное и неуклонное улучшение политических настроений уральского крестьянства, как и крестьянства всей страны, шло неровно, противоречиво. Причины этому — мелкобуржуазная природа середняка, его колебания на почве обострения нужды и разорения. Эти колебания резко усилили засуха и неурожай 1921 г. В губерниях, мало затронутых засухой, крестьяне в основном осознавали простую и понятную для каждого сельского труженика истину о необходимости помочь жертвам стихийного бедствия. И то, что партия и Советское государство предпринимали все возможное для поддержки голодающих, укрепляло доверие к ним, поднимало их авторитет.

Однако дополнительные тяготы, налагавшиеся государством на крестьян более или менее благополучных уездов и связанные с оказанием помощи голодающим (более ранние сроки сдачи продналога, сбор продовольствия и денег, расселение эвакуированных семей из голодающих районов и др.), на практике вызывали недовольство у многих крестьян, хозяйства которых и без того находились в очень тяжелом положении. В неурожайных губерниях Урала разнообразная помощь голодающим — отмена продналога и всех видов натурального налога, выдача безвозмездной семенной ссуды на засев озимого клина и другие меры по укреплению и развитию крестьянского хозяйства, особая забота партийных и советских организаций о детях — укрепляла доверие уральских крестьян к Советской власти и РКП(б), вызывала глубокое уважение к ним. Но гибель посевов и скота, страх перед голодной смертью порождали панику, отчаяние, чувства растерянности и безысходности, чем не замедлили воспользоваться враги Советской власти, прежде всего кулаки.

Пользуясь положением, особенно тем, что многие крестьяне вынуждены были обращаться к ним за помощью, обнаглевшие кулаки в ряде мест даже осмеливались открыто выступать на беспартийных крестьянских конференциях, митингах, собраниях и сходах против Коммунистической партии и Советской власти, сваливая на них всю вину за разруху и голод в стране.

Кулаки стремились раздуть недовольство среди крестьян, особенно тех, кто колебался, перетянуть их на свою сторону, спровоцировать на выступления против Советской власти. Они довольно ловко научились пользоваться теми или иными серь-

езными ошибками в проведении политики Советской власти на местах, фактами нарушения революционной законности и т. п., чтобы возбудить трудящихся крестьян против Советской власти вообще. А таких фактов, к сожалению, было много, особенно в продналоговой работе, в частности, в системе взимания налогов с крестьянского хозяйства, где было много «нелепого и ненормального», что отражалось на экономическом положении крестьянства³³.

Как видим, в трудных условиях лета 1921 г. отчетливо проявились особенности крестьянского мировосприятия, прежде всего конкретность мышления и неспособность к достаточно широким обобщениям. В сочетании с низким культурным уровнем и слабой информированностью о продовольственной политике Советского государства это нередко приводило к тому, что крестьяне начинали судить о Советской власти на основании работы того или иного волисполкома или сельсовета, отождествляя ее с общей линией пролетарского государства в деревне. Не случайно к концу лета 1921 г. большинство информационных сообщений и политических сводок партийных органов характеризуют настроение уральского крестьянства как «выжидательное», «наименее устойчивое по сравнению с другими категориями населения края», «колеблющееся»³⁴.

Но при этом важно подчеркнуть, что несмотря на сложность политической обстановки в уральской деревне, колебания и неуверенность значительной части уральских крестьян, обременительность для большинства районов области продналога и других государственных повинностей контрреволюции не удалось ни летом 1921 г., ни позднее вызвать массовое антисоветское движение крестьянства, как это случилось зимой 1920/21 г., и сорвать мероприятия партийных и советских организаций по улучшению положения в уральской деревне.

Продналог выполнил свою основную политическую задачу — способствовал укреплению союза рабочих и крестьян на экономической основе. В 1922 г. настроения крестьян продолжали улучшаться. Большое значение имела проведенная партийными организациями массовая кампания подготовки к весеннему севу, в ходе которой улучшалась и углублялась агитационно-пропагандистская работа, организованное ее проведение, и, что очень важно, хороший урожай 1922 г.³⁵

Правильная политика Коммунистической партии и Советской власти лишила кулаков и эсеров последней надежды, разбила их последнюю попытку, спекулируя на трудностях, эксплуатировать в интересах контрреволюции нужду и голод. Государственная помощь трудящемуся крестьянину, политическая работа партии среди него и решительные меры Советской власти по борьбе с мятежами при активном участии крестьянских масс привели к тому, что кулацкий бандитизм как острая форма классовой борьбы в деревне был ликвидирован на Урале уже

в 1921 г., хотя отдельные рецидивы его еще имели место и в последующее время. Разгром кулацких мятежей является ярким свидетельством нового положения, новой обстановки в уральской деревне, решительного изменения в настроениях уральского крестьянства.

Второй этап классовой борьбы в уральской деревне (1923—1927) характеризуется перегруппировкой сил, имевшей целью, с одной стороны, всемерное улучшение положения бедняцко-середняцких масс, повышение их роли в общественно-политической и социально-экономической жизни деревни, высвобождение от кулацкой кабалы, а с другой стороны — неуклонное ограничение кулацко-зажиточной верхушки, систематическое сокращение ее эксплуататорской деятельности с помощью налоговой и кредитной политики, кооперации, последовательного применения на практике норм советского земельного и трудового законодательства.

По мере восстановления сельского хозяйства и экономического роста уральской деревни классовая борьба здесь все более принимала открытый и острый характер. Можно сказать, что к середине 20-х гг. кулачество на Урале оправилось от удара, нанесенного ему в ходе разгрома колчаковщины, мятежей и борьбы с бандитизмом, и в связи с ростом на базе НЭПа своей экономической мощи активизировалось политически. «Кулачество, — подчеркивалось в информационном отчете Троицкого окружкома РКП(б) за апрель — июнь 1925 г., — имеет стремление к захвату командных высот деревни. Об этом говорят ряд прошедших беспартийных конференций и перевыборы сельских Советов, во время которых зажиточные элементы старались скомпрометировать партийно-советских работников. Наблюдается тенденция кулачества пролезть в руководящие учреждения деревни»³⁶.

Надо сказать, что это стремление кулачества захватить общедеревенские командные высоты оказалось в ряде мест небезуспешным. Захватив в свои руки, например, Баклушинский и Петропавловский сельские Советы Пермского округа, Колмановский и Спиринский Ишимского округа, Александровский Челябинского округа, Тураевский и Болдинский Тюменского округа и др., кулаки через них проводили явно антисоветскую работу, направленную против трудящегося крестьянства. Для подобных органов характерными были стремление «поставить на место гольтбу», попытки вывести из состава Советов коммунистов и комсомольцев, упразднить рабочкомы, закрыть школы и избы-читальни, обделение бедноты землей, хищническая рубка леса, отказ от выполнения распоряжений вышестоящих советских органов³⁷. «Уральский рабочий» сообщал, что кулаки в ряде районов (Кунгур, Касли, Ирбит) проникли даже в партию и использовали это для захвата руководства Советами, кооперативами, комитетами крестьянской взаимопомощи³⁸.

О росте политической активности кулачества свидетельствовало также его стремление к организационному оформлению с весьма широкой антисоветской политической и экономической платформой. Большие надежды в этом отношении уральское кулачество возлагало на так называемые крестьянские союзы. В рамках этой организации крестьян кулаки требовали ликвидации всех кооперативов, «накопления капиталов» для скупки крестьянских продуктов и торговли ими, ликвидации монополии внешней торговли, «смычки с иностранным капиталом». Уральские кулаки (как и в других местах страны) требовали передать в распоряжение крестьянского союза налоговые средства, управление всеми земельными угодьями, подчинить союзу сельхозбанки и кооперацию³⁹. Это была, как видим, программа, рассчитанная на овладение командными высотами в деревенской экономике. Политический ее смысл не вызывает никаких сомнений. Следует подчеркнуть, что активная пропаганда этой программы кулаками осенью 1924 и весной 1925 г. на беспартийных конференциях, сходах и крестьянских собраниях нашла определенную поддержку со стороны середняков⁴⁰, что делало ее особенно опасной.

Уральское кулачество активно выступало против организации бедноты, создания вокруг Советов и кооперации широкого беспартийного крестьянского актива. Кулаки распространяли самые превратные слухи и представления о решениях октябрьского (1924 г.) и октябрьского (1925 г.) Пленумов ЦК РКП(б), напешывая крестьянам, что это просто обман: «Коммунисты зашли в тупик», «ничего сами сделать не могут, ответственность за недостатки в работе хотят свалить на беспартийных»⁴¹.

Особенно яростную, злобную агитацию кулаки вели против коммунистов. Здесь они использовали свой главный козырь — подрывали доверие и уважение крестьян к отдельным коммунистам, отдельной ячейке РКП(б), ко всей партии в целом. При этом в качестве «убедительного» примера зачастую ограничивались только ссылкой на того или иного конкретного крестьянина-коммуниста, который по тем или иным причинам запускал свое хозяйство. Одновременно кулак агитировал за доверие к себе — «крепкому хозяину», «наилучшему хлеборобу»⁴².

Далеко идущие планы имело уральское кулачество и в социально-экономической области, где стремилось сорвать мероприятия Коммунистической партии и Советского государства по улучшению положения трудящихся крестьян и привлечению их к социалистическому строительству. Кулаки выступали против классового принципа распределения налогов и кредита, проведения землеустроительных работ и машиноснабжения деревни, систематически скрывали объекты обложения налогом и занижали учетную доходность своего хозяйства, нередко сокращали посевы, поголовье скота. Они резко критиковали политику цен на хлеб и другие продукты сельскохозяйственного про-

изводства, распространяли о ней ложные слухи, отказывались от отчислений на культурно-просветительную работу и другие нужды деревни⁴³. Концентрированным выражением экономического саботажа кулачества была, как известно, его борьба против хлебозаготовок.

Партийные и советские органы Урала своевременно вскрыли коварные замыслы врага. Опираясь на бедноту и укрепляя союз с середняком, они проводили последовательную линию на ограничение эксплуататорских тенденций кулачества и его хозяйственное вытеснение. Непрерывно возрастала материально-производственная помощь государства трудящимся крестьянам. Советская власть предоставляла им огромные налоговые льготы и постепенно увеличила помощь путем кредитования. Упорная борьба против кулачества велась по линии кооперации всех видов. Ограничение его эксплуататорских тенденций осуществлялось и административными методами (решительное пресечение кабально-ростовщических сделок и шинкарства, изъятие земельных излишков и преследование субаренды земли, неуклонное увеличение налогового обложения, строгий контроль за соблюдением законов о труде при найме батраков и т. д.).

Наряду с ограничением эксплуататорских тенденций кулачества усиливалась и его политическая изоляция. Как эксплуататоры наемного труда кулаки были лишены избирательных прав. Они не допускались в Советы, в руководящие органы кооперации и других общественных организаций деревни. Прошедшие в 1926—1927 гг. избирательные кампании показали беспочвенность надежд кулачества использовать в своих целях проводившуюся партией политику оживления Советов⁴⁴. Результатом этих кампаний явилось повышение активности бедноты и укрепление союза рабочего класса и трудящегося крестьянства.

Таким образом, весь ход развития уральской деревни в 20-е гг. свидетельствует, что кулачество тогда еще не оторвалось от крестьянства, было связано с ним и бытовым укладом, и личным участием в физическом труде. Но это обстоятельство, как справедливо подчеркивают В. П. Данилов и Н. А. Ивницкий, «нимало не отрицает его существование и противостояние трудящимся слоям»⁴⁵. Именно поэтому важнейшим звеном политики партии в деревне вплоть до весны 1928 г. было наступление на кулачество, состоявшее в последовательном и систематическом ограничении его эксплуататорских возможностей и устремлений, в его вытеснении экономическими методами.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 83.

² См.: Куликов В. М. Некоторые итоги и задачи изучения классовой и внутрипартийной борьбы на Урале в период построения фундамента социализма // Классовая борьба на Урале (1917—1932). Свердловск, 1974. С. 120—

151; Историография социалистического строительства на Урале в переходный период: Учеб. пособие. Свердловск, 1982. С. 89—96.

³ См.: Историография социалистического строительства на Урале в переходный период (1917—1937). Свердловск, 1980. С. 59.

⁴ См.: Данилов В. П., Шерстобитов В. П. Основные проблемы истории советского доколхозного крестьянства // Проблемы истории советского крестьянства. М., 1981. С. 22—23.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 326. Подробнее об этом см.: Из истории социалистического строительства на Урале. Свердловск, 1976. С. 14—23.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 218.

⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970. Т. 2. С. 472.

⁸ Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: Социальная структура, социальные отношения. М., 1979. С. 319.

⁹ См.: Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып. 4. С. 472—473, 476—477, 478—479, 480—481.

¹⁰ См.: Там же. С. 472—473, 476—481.

¹¹ См.: Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып. 4. С. 472—473, 476—481; Сельскохозяйственные районы Уральской области. Свердловск, 1928. С. 63, 64.

¹² Известия ЦК ВКП(б). 1927. № 9. С. 4.

¹³ См.: Вопросы истории Урала. Вып. 4. С. 145.

¹⁴ См.: Сельскохозяйственные районы Уральской области. С. 63—64; Изменения социальной структуры советского общества, 1921—середина 30-х годов. М., 1979. С. 90.

¹⁵ См.: Статистический справочник за 1928 г. М., 1929. С. 94—95, 128; Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: Население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 226; ГАСО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 179. Л. 21; Д. 948. Л. 1.

¹⁶ См.: Изменение социальной структуры советского общества, 1921—середина 30-х годов. С. 99.

¹⁷ КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 75.

¹⁸ См.: Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала. Свердловск, 1928. Вып. 3. С. 153.

¹⁹ См.: Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала. 1928. Вып. 2. С. 153.

²⁰ См.: Там же. 1928. Вып. 1. С. 111—112, 116—117, 223.

²¹ Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: Социальная структура, социальные отношения. С. 63.

²² См.: Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала. Вып. 1. С. 114.

²³ См.: Вопросы истории Урала. Вып. 4. С. 142.

²⁴ Расчет, например, в Кочердыкском районе Челябинского округа был таков: за 10—12 фунтов зерна — один день отработки. Между тем обычная плата поденщиков летом составляла 35—40 фунтов, т. е. была в 3—4 раза больше, чем размер ссуды (см.: Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925. С. 618—619).

²⁵ См.: Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: Социальная структура, социальные отношения. С. 332; Гушин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск, 1973. С. 147.

²⁶ См.: Классовая борьба на Урале (1917—1932). С. 73.

²⁷ См.: Там же.

²⁸ См.: Перевыборы Советов на Урале в 1926—1927 гг. Свердловск, 1928. С. 61.

²⁹ Там же. С. 61.

³⁰ Подробнее об этом см.: Анистратенко В. П. Мероприятия партийных организаций Урала по ликвидации кулацкого мятежа 1921 г. // Из истории партийных организаций Урала. Свердловск, 1971. С. 65—77.

³¹ См.: Урал. рабочий. 1921. 24 июля.

- ³² ПАСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 268. Л. 142—143.
³³ См.: *Каганович П.* Учет первого опыта по продналогу // *Правда*. 1921. 19 нояб.
³⁴ ПАСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 50. Л. 49; Д. 55. Л. 6; Д. 80. Л. 2.
³⁵ Подробнее об этом см.: *Из истории партийных организаций и социалистического строительства на Урале*. Свердловск, 1969. С. 57—72.
³⁶ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1684. Л. 71.
³⁷ ПАСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 8. Л. 3, 10, 11.
³⁸ См.: *Урал. рабочий*. 1925. 8 мая.
³⁹ ЦПА. Ф. 17. Оп. 32. Д. 19. Л. 236—244; Д. 99. Л. 17, 20; Оп. 69. Д. 69. Л. 52.
⁴⁰ ПАСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 83. Л. 37; Оп. 3. Д. 8. Л. 5.
⁴¹ Отчет Уралобкома VII областной конференции РКП(б). Свердловск, 1925. С. 290.
⁴² Избирательная кампания в Советы Уралобласти в 1925—1926 году. Свердловск, 1926. С. 30—38.
⁴³ См.: *Гришанов В. П.* Экономическое наступление на кулачество в Свердловском округе накануне сплошной коллективизации // *Из истории сельского хозяйства Урала*. Свердловск, 1973. С. 35—44; *Куликов В. М.* Политическая обстановка в уральской деревне накануне перехода к социалистической реконструкции народного хозяйства (1924—1926 гг.) // *Общественно-политическая жизнь уральской советской деревни*. Свердловск, 1985. С. 48—57.
⁴⁴ См.: *Советников М. А.* Еще о задачах по оживлению работы Советов // *Хоз-во Урала*. 1925. № 2. С. 1—7; *Он же*. К итогам перевыборной кампании Советов // Там же. 1926. № 12. С. 1—11. *Он же*. Земельные общества и сельсоветы на Урале // Там же. 1928. № 8—9. С. 1—15.
⁴⁵ Документы свидетельствуют: *Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927—1932 гг.* М., 1989. С. 13.

В. П. МОТРЕВИЧ
 Институт истории и археологии УрО АН СССР

Национальный состав сельского населения Урала накануне Великой Отечественной войны (по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г.)

Победа Великой Октябрьской социалистической революции привела к коренным социально-экономическим преобразованиям в нашей стране. В ходе социалистического строительства для национального развития СССР были характерны две тенденции: расцвет социалистических наций и их сближение. Однако национальные факторы продолжают играть важную роль в жизни советского народа. Не вызывает сомнения, что национальные особенности людей, их языковые, культурные и прочие различия будут существовать еще длительное время. Отсюда возникает потребность самого тщательного изучения национальной структуры населения. Это и определило проблематику исследования, тем более что данные о национальном составе населения Урала в конце 30-х гг. еще не вводились в научный оборот.

Период социалистической реконструкции народного хозяйства СССР сопровождался коренными изменениями во всех областях жизни общества. Индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства привели к значительному перераспределению людских ресурсов между отраслями народного хозяйства, изменению численности, состава и размещения населения, его профессиональной структуры, повышению культурного уровня и т. д. Все это требовало организации переписи населения. Она должна была определить происшедшие в стране изменения и дать сведения для планирования дальнейшего развития народного хозяйства СССР. Всесоюзная перепись населения была проведена в стране по состоянию на 6 января 1937 г., т. е. через 10 лет после переписи 1926 г. Однако Совнарком СССР в постановлении от 25 сентября 1937 г. признал ее организацию неудовлетворительной, итоги дефектными и обязал ЦУНХУ провести новую Всесоюзную перепись населения в январе 1939 г.¹ Новая перепись была проведена по состоянию на 17 января 1939 г. Ее материалы были обработаны и в самом общем виде опубликованы в 1939—1940 гг.² Подробные итоги переписи были подготовлены к публикации, но их обнародованию помешала Великая Отечественная война. Некоторые материалы были опубликованы позднее, однако в областном масштабе они охватывали лишь численность населения³. Неопубликованные материалы переписи населения России хранятся в фонде Госкомстата РСФСР в Центральном государственном архиве РСФСР.

В. И. Ленин придавал переписям населения исключительно большое значение. Он рассматривал их как дело чрезвычайной государственной важности⁴. Переписи содержат подробные сведения о численности и составе населения, его профессиональной и половозрастной структуре, уровне образования и т. д. Это важнейший источник при характеристике населения СССР. Однако материалы Всесоюзной переписи населения 1939 г. исследователи только начинают вводить в научный оборот⁵.

За годы реконструкции народного хозяйства численность населения на Урале возросла и составила на начало 1939 г. 13,4 млн человек. Прирост населения в основном происходил за счет увеличения числа горожан. Численность сельских жителей существенно выросла в Башкирии. В Оренбуржье и Удмуртии сельское население увеличилось незначительно, а в остальных областях Урала сократилось. В целом в межпереписной период при росте населения края на 24,4 % численность горожан увеличилась в 2,6 раза, а сельчан уменьшилась на 3,2 %. В результате удельный вес сельского населения снизился на Урале с 83,1 % в 1926 г. до 64,7 % в 1939 г.⁶

Характерной особенностью России является многонациональная структура населения, в том числе и крестьянства. Анализ материалов переписи показывает многонациональный состав

сельского населения и на Урале. Наиболее многочисленной его группой было русское крестьянство, численность которого превысила 5,5 млн человек (см. табл. 1). Это составило 2/3 (63,6 %) всего сельского населения края. В уральской деревне наряду с русскими проживало также 953,6 тыс. татар, 745,7 тыс. башкир, 478,6 тыс. удмуртов, 269,7 тыс. украинцев, 164,3 тыс. мордовцев, 130,6 тыс. чувашей, 112,9 тыс. коми-пермяков, 110,4 тыс. марийцев, 97,2 тыс. казахов, 43,1 тыс. белорусов, 22,7 тыс. немцев и 39,4 тыс. представителей других национальностей.

Таблица 1

Национальная структура населения Урала по переписи 1939 г.*

Национальность	Всего		Городское		Сельское	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
Русские	9626,8	71,6	4100,4	86,4	5526,4	63,6
Татары	1203,9	9,0	250,3	5,3	953,6	11,0
Башкиры	801,5	6,0	55,8	1,2	745,7	8,6
Удмурты	522,6	3,9	44,0	0,9	478,6	5,5
Украинцы	403,7	3,0	134,0	2,8	269,7	3,1
Мордва	206,4	1,5	42,1	0,9	164,3	1,9
Чуваши	143,9	1,1	13,3	0,3	130,6	1,5
Коми-пермяки	127,0	1,0	14,1	0,3	112,9	1,3
Марийцы	115,7	0,9	5,3	0,1	110,4	1,2
Казахи	110,0	0,8	12,8	0,3	97,2	1,1
Белорусы	65,9	0,4	22,8	0,5	43,1	0,5
Немцы	27,3	0,2	4,6	0,1	22,7	0,3
Прочие	84,4	0,6	45,0	0,9	39,4	0,4
Всего:	13439,1	100,0	4744,5	100,0	8694,6	100,0

* ЦГА РСФСР. Ф. 374. Оп. 34. Д. 1705. Л. 147; Д. 1717. Л. 137; Д. 1736. Л. 119; Д. 1746. Л. 107; Д. 1751. Л. 165; Д. 1752. Л. 127.

Данные таблицы 1 показывают, что на Урале сельское население имело более сложную структуру, чем городское. Разнообразие национального состава уральской деревни объясняется тем, что коренные жители края — башкиры, коми-пермяки, удмурты, а также проживавшие на Урале казахи, марийцы, мордва, татары, чувашы были заняты почти исключительно сельским хозяйством. В некоторых случаях сдерживал миграцию в город и религиозный фактор. У исповедующих мусульманство народов (башкиры, татары) процесс урбанизации шел медленнее, чем у христиан.

Национальный состав городского и сельского населения на Урале имел существенные различия. Удельный вес русских в городах был намного выше их доли во всем населении края. И наоборот, мордва, татары и особенно башкиры, казахи, коми-пермяки, марийцы, удмурты проживали преимущественно в сель-

ской местности. Особенно резко национальный состав города и деревни различался в автономных республиках Урала. Горожане в них по преимуществу были русскими, а коренное население проживало в сельской местности. Так, в Башкирии удельный вес русского населения среди горожан составлял 72,2 %, в Удмуртии — 81,3 %, коренного соответственно 7,3 и 11,2 %. В сельской местности удельный вес русского населения был гораздо ниже: в Башкирии — 34,4 %, в Удмуртии — 46,5 % (см. табл. 2).

Существовавшие различия объясняются тем, что в Приуралье города исторически сформировались как опорные пункты постепенно расширявшегося Русского государства. Они были административно-территориальными центрами. Военные и административные, а также торговые и ремесленные функции в них выполнялись русскими.

Данные таблицы 2 показывают, что в Башкирии русские составляли относительное, а в остальных областях абсолютное большинство населения. При этом если в Свердловской области национальный состав села был достаточно однороден и на долю русских приходилось 92,2 % населения, то в Оренбургской области заметную часть сельчан составляли мордва, казахи и украинцы, в Пермской области — коми-пермяки, в Челябинской — башкиры и татары.

После русских, украинцев и белорусов второй по численности группой населения Урала являлись народы тюркской языковой семьи — башкиры, казахи, татары, чуваша. В конце 30-х гг. крупные группы татар проживали во всех областях региона, а в Башкирии, Свердловской и Челябинской областях они по численности занимали второе место после русских. Основная масса башкир проживала на территории БАССР, составляя 21,4 % ее населения.

На Урале проживали и народы финно-угорской языковой семьи. Это — коми-пермяки, сосредоточенные в основном на территории национального округа, удмурты в УАССР, а также марийцы и мордва.

В расселении представителей разных народов на Урале прослеживалась определенная закономерность. В Пермской, Свердловской и Челябинской областях размещалось в основном русское население. Башкирия и Оренбуржье — это районы значительного смешения населения. В УАССР проживали русские и представители коренной национальности — удмурты, а также небольшое количество татар.

В определенном порядке сельское население размещалось внутри областей. В Пермской области, например, башкиры и татары проживали в сельской местности в южных районах, удмурты — на западе, белорусы — в северных лесных районах, коми-пермяки — на территории Коми-Пермяцкого национально-го округа.

Представители одного народа, как правило, проживали ком-

Таблица 2

Национальная структура населения Урала
по переписи 1939 г. *

Национальность	Всего		Городское		Сельское	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
1	2	3	4	5	6	7
<i>Башкирская АССР</i>						
Русские	1281,3	40,7	383,5	72,2	897,8	34,4
Татары	777,2	24,7	73,3	13,8	703,9	26,9
Башкиры	671,2	21,4	39,0	7,3	632,2	24,2
Чуваши	106,9	3,4	5,5	1,1	101,4	3,9
Украинцы	92,3	2,9	15,1	2,8	77,2	3,0
Мордва	57,8	1,8	10,1	1,9	47,7	1,8
Марийцы	40,2	1,3	1,7	0,3	38,5	1,5
Удмурты	25,1	0,8	0,4	0,1	24,7	0,9
Белорусы	23,8	0,8	2,4	0,5	21,4	0,8
Прочие	68,9	2,2	0,1	—	68,8	2,6
Итого:	3144,7	100,0	531,1	100,0	2613,6	100,0

<i>Оренбургская область</i>						
Русские	1159,6	69,1	302,5	79,7	857,1	66,0
Украинцы	152,2	9,1	26,0	6,9	126,2	9,7
Мордва	115,9	6,9	10,0	2,6	105,9	8,2
Татары	104,8	6,3	24,6	6,5	80,2	6,2
Казахи	71,4	4,3	6,9	1,8	64,5	5,0
Башкиры	22,5	1,3	0,9	0,2	21,6	1,7
Чуваши	18,9	1,1	1,3	0,3	17,6	1,4
Немцы	18,6	1,1	1,4	0,4	17,2	1,3
Прочие	13,1	0,8	5,9	1,6	7,2	0,5
Итого:	1677,0	100,0	379,5	100,0	1297,5	100,0

<i>Пермская</i>						
Русские	1768,4	84,9	745,1	90,5	1023,3	81,2
Коми-пермяки	122,4	5,9	12,0	1,5	110,4	8,8
Татары	80,7	3,9	33,1	4,0	47,6	3,8
Башкиры	29,0	1,4	1,0	0,1	28,0	2,2
Украинцы	27,4	1,3	16,2	2,0	11,2	0,9
Белорусы	13,4	0,6	4,6	0,6	8,8	0,7
Прочие	40,9	2,0	10,8	1,3	30,1	2,4
Итого:	2082,2	100,0	822,8	100,0	1259,4	100,0

<i>Свердловская</i>						
Русские	2294,6	91,4	1369,2	90,7	925,4	92,2
Татары	81,0	3,2	49,4	3,3	31,6	3,1
Украинцы	43,2	1,7	31,4	2,1	11,8	1,2
Марийцы	15,6	0,6	2,9	0,2	12,7	1,3
Белорусы	15,3	0,6	8,6	0,6	6,7	0,7
Мордва	10,8	0,4	8,8	0,6	2,0	0,2
Евреи	10,5	0,4	10,0	0,7	0,5	—
Прочие	41,2	1,7	28,2	1,8	13,0	1,3
Итого:	2512,2	100,0	1508,5	100,0	1003,7	100,0

1	2	3	4	5	6	7
<i>Удмуртская АССР</i>						
Русские . . .	679,3	55,7	260,8	81,3	418,5	46,5
Удмурты . . .	480,0	39,3	35,9	11,2	444,1	49,4
Татары . . .	40,6	3,3	17,7	5,5	22,9	2,6
Прочие . . .	20,1	1,7	6,3	2,0	13,8	1,5
Итого: . . .	1220,0	100,0	320,7	100,0	899,3	100,0
<i>Челябинская область</i>						
Русские . . .	2443,7	87,2	1039,3	87,9	1404,4	86,6
Татары . . .	119,5	4,2	52,1	4,4	67,4	4,1
Украинцы . . .	82,9	3,0	43,1	3,7	39,8	2,5
Башкиры . . .	70,4	2,5	10,2	0,9	60,2	3,7
Казахи . . .	28,7	1,0	4,8	0,4	23,9	1,5
Мордва . . .	18,9	0,7	11,1	0,9	7,8	0,5
Прочие ** . . .	38,9	1,4	21,3	1,8	17,6	1,1
Итого: . . .	2803,0	100,0	1181,9	100,0	1621,1	100,0

* ЦГА РСФСР. Ф. 374. Оп. 34. Д. 1705. Л. 147; Д. 1717. Л. 137; Д. 1736. Л. 119; Д. 1746. Л. 107; Д. 1751. Л. 165; Д. 1752. Л. 127.

** В группу прочих отнесены представители тех национальностей, численность которых составляла менее 10 тыс. человек. Так, в Башкирской АССР проживало 9,8 тыс. казахов и 6,7 тыс. латышей (из них в сельской местности соответственно 8,7 и 5,6 тыс.); в Пермской области — 9,8 тыс. удмуртов, 8,8 тыс. чувашей и 3,9 тыс. марийцев (в сельской местности — 7,5; 7,7; 3,4 тыс.); в Свердловской — 8,2 тыс. башкир, 7,7 тыс. удмуртов, 4,8 тыс. чувашей, 4,5 тыс. коми-пермяков (в сельской местности — 3,7; 2,3; 2,1; 2,5 тыс.); в Удмуртской АССР — 6,0 тыс. марийцев, 5,8 тыс. украинцев, 1,3 тыс. белорусов, 1,2 тыс. чувашей (в сельской местности — 5,8; 3,5; 0,7; 0,9 тыс.); в Челябинской области — 8,8 тыс. белорусов, 6,0 тыс. немцев, 3,3 тыс. чувашей, 1,9 тыс. поляков (в сельской местности — 3,6; 3,8; 1,0; 0,6 тыс.).

пактно. В башкирских, татарских и других деревнях наблюдался высокий процент жителей данной национальности. В Щучье-Озерском районе Пермской области в созданных на базе одной деревни колхозах проживали в основном представители одной национальности. Из 117 колхозов в районе русских было 81, татарских — 23, марийских — 3, чувашских — 2, белорусских и эстонских — по одному, смешанных — 6⁷. Для Урала была характерна и высокая компактность расселения коренного населения. В 1939 г. на территории края проживало 95,1 % всех башкир и 86,3 % всех удмуртов⁸.

Небезынтересно сопоставить данные о численности населения с данными о родном языке. Наибольшее расхождение этих показателей наблюдалось у населения, проживающего за пределами своих республик. Выходцы из других регионов быстро осваивали культуру того народа, среди которого проживали, в данном случае — русского. Особенно быстро подвергалось ассимиляции белорусское и украинское население, что было вызвано близостью их культуры с русской. В ходе переписи городского

населения лишь 33 % белорусов и 56 % украинцев назвали белорусский и украинский языки родными. В сельской местности этот процесс шел гораздо медленнее. Значительно слабее ассимиляция затронула коренных жителей Урала, в частности удмуртов. Из числа проживающих на селе удмуртов 99,1 % назвали удмуртский язык родным. В процессе взаимного сближения народов СССР важную роль играл русский язык, который для многих представителей других национальностей стал родным.

Особое положение с языком наблюдалось у башкир. Из 745,7 тыс. проживающих в сельской местности башкир лишь 279,1 тыс. (37,4 %) назвали башкирский язык родным. Башкиры, находясь в близком соседстве с татарами, испытывали сильное влияние их культуры. В результате в 1939 г. 1273 тыс. сельских жителей назвали родным татарский язык, хотя татар проживало в сельской местности лишь 953,6 тыс.⁹

Материалы Всесоюзной переписи позволяют выявить национальные особенности половозрастной структуры населения. Для Урала была характерна диспропорция в соотношении полов, превышающая средний по РСФСР уровень. Особенно заметной была на селе диспропорция среди русского населения. В 1939 г. женщин среди них было на 429 тыс. (16,9 %) больше, чем мужчин¹⁰. Эта тенденция была характерна и для других проживающих на Урале народов, однако у них она была выражена слабее. Высокая диспропорция полов у русских в немалой степени обуславливалась уходом трудоспособных мужчин на работу в города. Более однородный национальный состав населения уральских городов позволил выходцам из русской деревни легче в них адаптироваться.

Важным условием построения социализма является повышение уровня образования трудящихся масс, освоение культурных ценностей прошлого, общий подъем социалистической национальной и интернациональной культуры. Однако решение этих задач сильно затруднялось унаследованной от дореволюционного прошлого неграмотностью большинства населения. За короткий исторический срок в стране были достигнуты крупные успехи в области народного образования. К концу 30-х гг. неграмотность в стране заметно снизилась. В начале 1939 г. 13,7 % сельского населения СССР в возрасте 9—49 лет было неграмотно¹¹.

Произошло выравнивание культурного уровня у разных народов, многие из которых до революции были сплошь неграмотными. Накануне Великой Отечественной войны разрыв в уровне грамотности между ними и русским населением заметно сократился. Однако данные таблицы 3 показывают, что большой разрыв в уровне грамотности по-прежнему сохранился у казахов и мордвы, а также городского и сельского населения.

В 20—30-е гг. в стране увеличилось число лиц, имевших среднее образование, однако заметный разрыв между русским

населением и другими народами продолжал сохраняться. В начале 1939 г. у русских в расчете на 10 тыс. человек среднее образование имели 339, у татар — 243, удмуртов — 235, башкир — 227, коми-пермяков — 159, казахов — 74 человека¹².

В ходе строительства социализма почти идентичным стал национальный и профессиональный состав населения. Однако данные переписи все же позволяют выявить национальные осо-

Таблица 3

Грамотность населения Урала в возрасте 9—49 лет по переписи 1939 г., % *

Национальность	Городское	Сельское	В том числе	
			муж.	жен.
Русские	93,6	87,3	95,5	79,8
Татары	84,7	83,3	90,0	77,4
Башкиры	87,7	81,2	88,5	74,9
Удмурты	93,2	79,9	93,8	68,5
Украинцы	94,5	91,8	97,8	85,9
Мордва	82,7	77,8	93,1	64,9
Казахи	60,9	49,8	62,7	34,7

* ЦГА РСФСР. Ф. 374. Оп. 31. Д. 1705. Л. 229—246; Д. 1717. Л. 14—21; Д. 1736. Л. 268—279; Д. 1746. Л. 227—236; Д. 1751. Л. 211—222; Д. 1752. Л. 244—253.

бенности профессиональной подготовки работников сельского хозяйства. Так, в БАССР в расчете на 1000 человек каждой национальности русских среди механизаторов было 26, башкир — 17, татар — 12, в Свердловской области русских среди механизаторов было 40, марийцев — 23, татар — 16; в УАССР русских — 27, удмуртов — 20, татар — 16 человек. Среди русского населения выше была и доля руководителей среднего звена — бригадиров и заведующих фермами. В БАССР в расчете на 1000 человек каждой национальности заведующими фермами работали 8 русских, 7 башкир, 6 татар; в УАССР — 9 русских и 7 удмуртов. Среди русского населения был ниже удельный вес лиц, не имеющих определенной сельскохозяйственной профессии. В Свердловской области среди занятых сельским хозяйством русских они составляли 68 %, марийцев — 77 %, татар — 80 %. В Челябинской области этот показатель у русского населения был равен 63 %, татарского — 71 %, башкирского — 76 %¹³.

Немалый интерес представляют данные об участии женщин разных национальностей в сельскохозяйственном производстве. У всех проживающих на Урале народов, за исключением казахов, они были больше, чем мужчины, заняты в сельском хозяйстве. Перепись отметила и значительную дифференциацию полового состава руководителей среднего звена в зависимости от

национальности. Если среди башкир, мордвы, татар женщины — заведующие фермами составляли всего 1—7 %, то у русских — 24 %, украинцев — 26 %, а удмуртов — даже 37 %¹⁴. Аналогичная картина наблюдалась и среди бригадиров полеводческих бригад.

Приводимые данные характеризуют многонациональный состав населения Урала в конце 30-х гг. Особенности исторического развития края привели к тому, что в сельской местности удельный вес русского населения был ниже, а национальный состав сложнее. В наибольшей степени национальная структура города и деревни отличалась в автономных республиках. Но при этом во всех областях Урала абсолютное большинство населения, а в Башкирии — относительное большинство — составляли русские. Подобная картина наблюдалась и в сельской местности, за исключением Удмуртии, где численность коренного населения была несколько выше.

Как и для других районов России, для Урала была характерна ассимиляция представителей разных народов среди преобладающего русского населения. Проходил этот процесс неодинаково, быстрее ассимиляция шла в городе, медленнее в сельской местности.

Сравнительный анализ грамотности и профессионального уровня показывает, что более высокая грамотность русского населения определяла его лучшую квалификацию. Неодинаковым уровнем образования частично объясняется и тот факт, что женщин среди руководителей сельскохозяйственного производства было намного меньше, чем мужчин. К этому надо добавить и особенности семейных отношений, исторически сложившиеся у разных народов.

¹ См.: *Пустоход И. Д.* Организация и проведение Всесоюзной переписи населения в 1939 г. М., 1940. С. 129.

² См.: *Правда*. 1939. 2 июня; 1940. 29 апр.

³ См.: *Население СССР: (Численность, состав и движение населения, 1973):* Стат. сб. М., 1975. С. 14—15.

⁴ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 339, 345, 352.

⁵ См.: *Айрапетов В. Г.* Численность населения, рабочих и служащих Урала по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г. // *Развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма (1938—1958)*. Свердловск, 1982. С. 27—29; *Акугинова С. Д.* Всесоюзная перепись населения 1939 года как источник по истории Калмыцкой АССР // *Учен. зап. Калмыц. НИИ языка, литературы и истории*. Элиста, 1975. № 12. С. 145—153.

⁶ См.: *Население СССР: (Численность, состав и движение населения, 1973)*. С. 16.

⁷ ГАПО. Ф. 1090. Оп. 2. Д. 65. Л. 244.

⁸ См.: *Правда*, 1940. 29 апр.; ЦГА РСФСР. Ф. 374. Оп. 34. Д. 1705. Л. 147; Д. 1717. Л. 157.

⁹ ЦГА РСФСР. Ф. 374. Оп. 34. Д. 1705. Л. 147, 241; Д. 1717. Л. 22, 157; Д. 1736. Л. 119, 266; Д. 1746. Л. 111, 226; Д. 1751. Л. 165, 215; Д. 1752. Л. 127, 238.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Правда. 1940. 29 апр.

¹² ЦГА РСФСР. Ф. 374. Оп. 31. Д. 1705. Л. 229—246; Д. 1717. Л. 14—21; Д. 1736. Л. 268—279; Д. 1746. Л. 227—236; Д. 1751. Л. 211—222; Д. 1752. Л. 244—253.

¹³ ЦГА РСФСР. Ф. 374. Оп. 34. Д. 1705. Л. 231; Д. 1717. Л. 143; Д. 1736. Л. 300; Д. 1746. Л. 204; Д. 1751. Л. 201; Д. 1752. Л. 165, 177, 201.

¹⁴ См.: Там же.

В. В. ФЕЛЬДМАН
Уральский университет

Некоторые вопросы историографии промышленности и рабочего класса Урала переходного периода

Вопросы историографии истории переходного периода нашей страны, в том числе и Урала, рассматривались в исторической литературе неоднократно. Однако в условиях современного подхода к истории, переоценки ценностей, необходимости исторической правды, кому бы она ни была выгодна, мы обязаны возвращаться к тем проблемам нашей исторической науки, которые, казалось бы, давно уже были решены.

В предлагаемой читателю статье автор отнюдь не ставит перед собой задачи рассмотреть все или даже какую-либо проблему истории переходного периода в целом. Его задача значительно более узкая: во-первых, обратить внимание исследователей — настоящих и будущих — на отдельные вопросы истории рабочего класса и развития социалистической промышленности Урала указанного периода; во-вторых, рассмотреть в этом направлении исследования именно уральских историков, которые центральной печатью по-прежнему в значительной степени игнорируются.

Следует отметить, что историки Урала внесли большой вклад в изучение истории переходного периода. На первое место здесь следует поставить таких историков, как А. В. Бакунин, М. Е. Главацкий, Б. В. Григорьев, В. П. Гуров, В. Н. Зуйков, Ф. С. Коротаев, В. М. Куликов, П. Г. Матушкин, А. Е. Недобоева, Я. Л. Ниренбург, М. Е. Плеханов, В. А. Плотичкин, П. Н. Тарасенков, Р. П. Толмачева, В. Г. Чуфаров, Н. М. Щербакова и др. Таков далеко не полный перечень тех, кто долгие годы успешно занимался проблемами истории переходного периода на Урале. Все они в той или иной степени в своих монографиях, статьях, диссертациях, тезисах научных докладов, сообщениях на научных конференциях раскрыли великий подвиг советского народа, рабочего класса, трудового крестьянства, интеллигенции, их отря-

дов на Урале, которые в трудных условиях классовой борьбы, капиталистического окружения создали, построили социалистическое общество в Советской стране. Урал за этот период превратился из отсталой демидовской окраины России в крупнейший индустриальный центр Советского Союза, могучий арсенал социалистической державы.

К настоящему времени проблемы переходного периода истории Урала, его рабочего класса и промышленности отражены прежде всего в коллективных трудах, таких как «История Урала» (т. 2) ¹, «Краткий очерк истории Челябинской области» ², «Очерки истории коммунистических организаций Урала» ³, «Очерки истории Челябинской областной организации КПСС, 1917—1977» ⁴, «Очерки истории Пермской областной партийной организации» ⁵. Значительным вкладом в изучение данных проблем являются монографии В. Н. Зуйкова ⁶ и А. В. Бакунина ⁷. К сожалению, монографических работ, посвященных первому этапу переходного периода — этапу восстановления народного хозяйства Урала, его промышленности, рабочего класса, мы до сих пор не имеем, хотя многочисленные статьи, посвященные периоду 1921—1926 гг., публиковались в разное время. На наш взгляд, пора уже этот пробел восполнить, написать и опубликовать монографию на эту тему. Издать такую работу тем более необходимо потому, что именно в это время с особой силой проявились в практике развития социалистической экономики ленинские принципы хозяйствования, использования товарно-денежных отношений, хозяйственного расчета, прибыльности и рентабельности, всестороннего учета интересов широких масс крестьянства — т. е. все те проблемы, которые встали перед советским обществом в наши дни — естественно, в новых исторических условиях. Тем не менее изучение исторического опыта развития нашей страны в 1921—1926 гг. имеет, несомненно, не только познавательное, но и актуальное практическое значение. Историческое изучение опыта тех лет поможет нам быстрее продвинуть развитие нашей страны на путях перестройки.

Одним из важных сюжетов истории рабочего класса Урала является проблема связи рабочих с землей, наличие своего хозяйства у многих рабочих Урала в переходный период. Теперь уже очевидно, и многие исследователи это показали, что подобное своеобразное явление является характерным именно для рабочих Урала, обусловлено историческими традициями, положением этих рабочих еще со времен крепостного права. Эту проблему, казалось бы, можно было считать вполне изученной. Однако, на наш взгляд, оправданной является публикация статьи Е. Н. Чернокрыловой ⁸, посвященной этому вопросу. Можно согласиться с автором статьи, с ее выводами о том, что ряд публикаций на эту тему содержит неверные выводы о резком сокращении связи с землей в годы первой пятилетки (имеются в виду работы В. В. Фельдмана, В. Н. Зуйкова и некоторых

других исследователей). На самом деле, находясь в трудном материальном положении, связанным со снижением реальной заработной платы, рабочие Урала вынуждены были сохранять свои хозяйства, хотя это требовало значительных усилий, помимо основной работы на заводе. Прежде, однако, необходимо договориться о том, что надо понимать под своеобразием положения рабочих Урала по отношению к земле. Ведь связь с крестьянским хозяйством в годы первой пятилетки имели многие рабочие и других районов страны, например, Москвы, Ленинграда, Донбасса. Более того, в те годы численность рабочих, связанных с деревней, увеличилась. Это было связано с тем, что на заводы, фабрики, шахты и рудники, на новостройки пришли вчерашние крестьяне. Однако на Урале положение было иным. Многие хозяйства рабочие имели по месту жительства, там же, где они и работали. Эти хозяйства в период так называемой сплошной коллективизации 1929—1930 гг. были так же, как крестьянские хозяйства, подвергнуты насильственному объединению в колхозы. Это, конечно, привело к значительному сокращению личных хозяйств уральских рабочих, о чем и свидетельствует статистика тех лет.

Тесно связанной с этим вопросом является проблема состояния заработной платы промышленных рабочих на Урале по сравнению с заработной платой рабочих других регионов страны. Еще В. И. Ленин отмечал, что заработная плата рабочих Урала в конце XIX в. была в 2—2,5 раза ниже, чем, например, на Юге⁹. Это было связано с технической отсталостью Урала, пережитками крепостничества в уральской горнозаводской промышленности, наличием земли у рабочих. После Октябрьской революции Советская власть сократила этот разрыв в оплате труда рабочих Урала и других промышленных районов страны, но полностью ликвидировать его не смогла. Для этого необходима была полная реконструкция уральской промышленности на основе современной техники и технологии.

Однако и после проведения больших реконструктивных работ не произошло полного выравнивания заработной платы промышленных рабочих Урала и других районов страны. Причин такому положению было много, они носят как объективный, так и субъективный характер и требуют специального исследования. И только в 80-е гг. рабочие Урала получили надбавку в виде 15 %-го коэффициента к заработной плате, что само по себе является подтверждением сохранявшейся до последнего времени низкой, по сравнению с другими регионами страны, заработной платы рабочих Урала, не соответствующей их материальному вкладу в народное хозяйство страны. Поэтому, на наш взгляд, неправилен вывод, сделанный В. Н. Зуйковым в монографии¹⁰ о том, что рабочие Урала уже к 1932 г. достигли уровня благосостояния рабочих Центра и Юга. Причиной столь поспешного вывода является неверный подход к измере-

нию материального благосостояния рабочих разных районов страны. Здесь за основу берется лишь размер номинальной заработной платы без учета, например, того факта, что рабочим Урала не хватало продуктов питания, получаемых на основе государственного снабжения по карточной системе, приходилось использовать частный рынок. То же следует сказать и о предметах широкого потребления, что, конечно, не могло отрицательно не сказаться на бюджете рабочей семьи. К сожалению, наша статистика, которая длительное время (до конца 20-х гг.) систематически сообщала сведения о состоянии бюджета рабочих, давала, например, сравнительные данные о бюджетах рабочих городов Москвы, Ленинграда, Свердловска, после 1930 г. полностью прекратила подобного рода публикации. А ведь, например, из статистического справочника «Труд в СССР», где даются сведения на 1924—1925 гг., очевидно, что бюджет семейного рабочего в ноябре — декабре 1924 г. составлял в Москве — 110 р. 60 к., в Ленинграде — 84 р. 62 к., в Донбассе — 71 р. 54 к., а на Урале — 60 р. 66 к.¹¹ Как видно из этих данных, в то время неравенство в положении рабочих в нашей стране сохранялось на достаточно высоком уровне. Что же касается 1932 и 1937 гг., то тут требуется изучение самых разнообразных источников, в том числе и архивных, чтобы воссоздать истинную картину состояния рабочих бюджетов Урала в указанные выше годы.

Несмотря на тщательное изучение многих проблем развития промышленности и рабочего класса Урала в упомянутых выше работах и особенно в монографиях В. Н. Зуйкова и А. В. Бакунина, на наш взгляд, необходимо обратить внимание на некоторые вопросы, которые выпали из поля зрения исследователей и касаются главным образом ряда негативных явлений. Думается, что сегодня нам необходимо изучение не только огромных успехов, их анализа, причин и результатов, но и того, что является результатом просчетов, недоработок, неверных решений, действия неблагоприятных объективных факторов. В наше время подобного рода исследование крайне необходимо и для того, чтобы понять истоки торможения перестройки, причины явлений длительного застоя в развитии советского общества.

В настоящее время хорошо известно, что при неоднократных разработках и переделках первого пятилетнего плана (1928—1932) были допущены произвол и волюнтаризм, игнорирование реальных возможностей.

Рассмотрим этот вопрос на примере одной отрасли, в те годы решающей для уральской промышленности, — черной металлургии. В первоначальном варианте первого пятилетнего плана планировалась к концу пятилетки, т. е. к 1932 г., выплавка чугуна в размере около 7 млн т. Но уже XVI Всесоюзная конференция (апр., 1929) в своих решениях о пятилетнем

плане указывает, что производство чугуна должно быть доведено до 10 млн т.¹² Через год на XVI съезде ВКП(б) (июнь, 1930) И. В. Сталин потребовал довести к 1932 г. выплавку чугуна до 15—17 млн т.¹³ На решение этой заранее невыполнимой задачи были брошены огромные средства. В соответствии со сталинским заданием на Урале предполагалось выплавить в 1932 г. 7 млн т чугуна. И здесь во многих местах были развернуты строительные площадки, срочно вербовалась рабочая сила. В течение 1930, 1931 и даже 1932 г. в проектных организациях Москвы, Ленинграда и Свердловска и с привлечением иностранных специалистов велась работа по проектированию новых и реконструкции старых уральских заводов в соответствии с установкой на выплавку в 1932 г. 7 млн т чугуна. Решать такую задачу было очень трудно, поэтому задания пятилетнего плана по отдельным заводам неоднократно менялись (например, по Надеждинскому заводу — 8 раз, по Златоустовскому — 10). При этом проектируемые затраты на реконструкцию тоже беспрерывно менялись — по Надеждинскому заводу — с 34,9 млн до 70 млн р., по Чусовскому — с 12,5 до 32,5 млн р. Причем общая сумма затрат так и не была определена вплоть до мая 1932 г.¹⁴ Так и не было достигнуто вплоть до 1932 г. планового обеспечения заводов качественной стали на Урале древесноугольным топливом.

Отставание в планировании приводило к тому, что многие доменные печи только за первые пять месяцев 1931 г. на 18 металлургических заводах Урала стояли из-за отсутствия руды 44 суток. В это же время из-за отсутствия дров не работало 649 углевыжигательных печей. Не выполнялся план лесозаготовок, много дров было сырых, не пригодных для выжига угля. Планы перевозок каменного угля из Сибири систематически срывались. Дело доходило до того, что по пути следования составов правления Томской и Омской железной дороги отцепляли целые поезда с углем для своих нужд, а это приводило к остановке на длительное время доменных печей Чусовского, Кушвинского и Надеждинского заводов.

Не менее ощутимы для уральской металлургии были перебои в работе Пермской железной дороги, которая недодала заводам 28 тыс. вагонов грузов. Поставки древесным углем обеспечивались по отношению к плану на 1931 г. на 78 %, дровами — на 55 %, кизеловским углем — на 45 %¹⁵.

Совсем плохо обстояло дело с поставками основного сырья для металлургии — железной руды. Обеспеченность ею составляла 54 % по отношению к плану.

На крайне низком уровне находились вопросы обеспечения рабочих продовольствием и жильем. Из-за этого завербованные на предприятия крестьяне быстро разбегались. Текучесть была огромна: за 5 месяцев 1931 г. на уральские заводы «Востоко-стали» прибыло 30 170 человек, выбыло за это же время 32 979.

Не были реализованы большие средства, отпущенные на жилищное строительство. Слаба была трудовая дисциплина, росло количество прогулов, других нарушений трудовой дисциплины. Борьба за ее укрепление, проводимая администрацией предприятий и профсоюзными организациями, носила чисто формальный характер, часто ограничивалась бесконечными выговорами и другими взысканиями.

В результате всего этого себестоимость выпускаемой продукции на заводах черной металлургии не снижалась, а все время росла. Например, на Надеждинском заводе за 5 месяцев 1931 г. она должна была снизиться на 5,7 %, а фактически повысилась на 7,9 %, на Алапаевском заводе соответственно 7 % и 15 %, на Чусовском — 7 % и 21 %¹⁶.

Естественно, в таких условиях не могло быть и речи о выполнении так называемых оптимальных планов на первую пятилетку по черной металлургии. Поэтому пришлось срочно «забыть» о задании, выдвинутом И. В. Сталиным на XVI съезде партии в 1930 г., т. е. о выплавке 17 млн т чугуна к концу пятилетки, и установить другое, более скромное — в 9 млн т — что и было зафиксировано в решениях XVII конференции ВКП(б) в феврале 1932 г.¹⁷

Соответственно этому новому решению был пересмотрен план по черной металлургии и на Урале в сторону его сокращения. Пришлось останавливать уже начатые стройки, консервировать их до лучших времен, распускать строителей, прекращать реконструкцию некоторых старых заводов. Огромные средства были затрачены впустую. К сожалению, никто из исследователей до сих пор не подсчитал ущерба, нанесенного стране в результате попыток реализовать явно непродуманные решения, никто даже не ставил такой задачи.

Следует отметить, что и новый, сокращенный план, установленный XVII Всесоюзной партийной конференцией, не был выполнен ни в целом по стране, ни по Уралу. В 1932 г. — последнем году первой пятилетки — в СССР было выплавлено 6161 тыс. т чугуна, а на Урале — 1246 тыс. т.¹⁸ Это означало, что план по выплавке чугуна не был выполнен. Также не были выполнены планы по выплавке стали и производству проката.

Главная причина фактического провала плана первой пятилетки по черной металлургии состояла в том, что имело место явное несоответствие достигнутого в этот период уровня техники на заводах черной металлургии и квалификацией рабочих, технического персонала, уровнем хозяйственного и технического руководства, устаревшей организацией труда и производства.

Между тем ни в одном из названных коллективных трудов, ни в монографии В. Н. Зуйкова даже не упоминалось о том, что план по черной металлургии на Урале в этот период был не выполнен. Итоги первой пятилетки подаются исключительно в

мажорных тонах, в стереотипе сталинского положения о выполнении пятилетки досрочно, в четыре года. Этим, к сожалению, «грешит» и коллективная работа пермских историков¹⁹.

Известно, что задания на вторую пятилетку были разработаны с учетом допущенных при разработке первого пятилетнего плана ошибок и просчетов. На 1937 г.—последний год второй пятилетки—было запланировано произвести 16 млн т (т. е. на 1 млн т меньше, чем предлагал Сталин дать в 1932 г.) чугуна. В 1937 г. выплавка чугуна по СССР составила 14 487 тыс. т. Невыполнение плана по чугуну было связано с тем, что вместо ввода в действие за вторую пятилетку по плану 45 механизированных доменных печей было фактически задуту только 20, не были своевременно запущены такие домны и на Урале. Поэтому и здесь план не был полностью выполнен, хотя и был близок к заданиям на 1937 г. Уралцы в 1937 г. выплавляли 2633 тыс. т чугуна²⁰.

Следует отметить, что первые успехи второй пятилетки были омрачены широкой волной необоснованных репрессий партийных, советских, хозяйственных работников, инженеров, специалистов высшей квалификации, техников, мастеров, передовых рабочих. Эти репрессии получили большое распространение на Урале, здесь они особенно сильно дали себя знать. Достаточно отметить, что из семи первых секретарей Уральского (с 1934 г.—Свердловского) областного комитета ВКП(б), работавших в период с 1923 по 1939 г., шесть были репрессированы (М. М. Харитонов—работал на Урале с декабря 1923 по июнь 1925 г.; Н. К. Антипов—с июля 1925 по март 1926; Д. Е. Сулимов—с марта 1926 по март 1927; И. Д. Кабаков—с января 1929 по июнь 1937; А. Я. Столяр—с июня 1937 по апрель 1938; К. Н. Валухин—с апреля 1938 по январь 1939). Кроме того, были репрессированы и другие видные партийные работники, в разное время работавшие на Урале,—К. П. Гей, И. П. Румянцев, Ф. И. Голощекин, К. В. Рындин, Ш. С. Окуджава, Л. И. Мирзоян. В этот период был арестован и расстрелян председатель Свердловского облисполкома В. Ф. Головин, председатель облплана Л. Е. Гольдич, репрессированы руководители крупных промышленных объединений на Урале, таких, как, например, «Востокосталь» (И. В. Косиор, Я. П. Иванченко, К. Г. Седашев, сменявшие один другого) и директора заводов (М. А. Жариков, В. Е. Цифринович, М. М. Царевский, М. А. Грановский, Я. С. Гугель, Л. Е. Владимиров, Ф. Т. Колгушкин, В. П. Шахгильдян, К. П. Ловин и многие другие).

В 1937—1938 гг. промышленность Урала понесла действительно невосполнимые потери. На многих заводах оказывались репрессированными все руководители—от директора до мастера цеха, и завод работал по инерции, без начальства. На их места желающих работать долго не оказывалось.

Вот почему 1 января 1938 г. в обращении Свердловского

обкома и облизполкома ко всем работникам промышленности области с тревогой отмечалось, что «производственная программа 1937 г. на большинстве заводов, шахт и рудников Свердловской области далеко не выполнена»²¹. Иначе и быть не могло в тяжелой, гнетущей обстановке массовых репрессий, взаимной подозрительности, неуверенности, страха за себя и своих близких.

Последствия этих массовых репрессий не преминули сказаться в последующие годы. Черная металлургия Урала и во все предвоенные годы — 1938, 1939, 1940 — производственные планы не выполняла. И это происходило в условиях нарастания военной угрозы, когда металл был особенно необходим стране для производства орудий, танков, другого военного снаряжения. Вот что говорит статистика: если средний ежегодный прирост выплавки чугуна на уральских заводах за период 1932—1937 гг. составлял 277,4 тыс. т, то в 1938 г. он сократился до 27 тыс. т, а, например, производство проката не только не дало никакого прироста, но и сократилось на 113 тыс. т²².

И только уже в годы войны огромный патриотический подъем рабочего класса, работников черной металлургии Урала вывел эту отрасль из состояния кризиса, позволил быстро преодолеть отставание и дать стране необходимую продукцию на нужды фронта, оборонной промышленности, на восстановление разрушенного врагом народного хозяйства.

Обо всем этом следует сегодня напомнить хотя бы потому, что ни в одном из упомянутых здесь изданий эти печальные факты не сообщаются. На их страницах господствует всеобщее благополучие.

Необходим пересмотр взглядов на события, происшедшие в нашей стране в этот период, необходима историческая правда и только правда. Без этого не может быть исторической науки. Без этого нельзя двигаться вперед, к действительным, реальным успехам социализма.

²¹ См.: История Урала. 2-е изд. Пермь, 1977. Т. 2.

²² См.: Краткий очерк истории Челябинской области. Челябинск, 1965.

²³ См.: Очерки истории коммунистических организаций Урала. Свердловск, 1974. Т. 2.

²⁴ См.: Очерки истории Челябинской областной организации КПСС, 1917—1977. Челябинск, 1977.

²⁵ См.: Очерки истории Пермской областной партийной организации. Пермь, 1986.

²⁶ См.: Зуйков В. Н. Создание тяжелой индустрии на Урале, 1926—1932. М., 1971.

²⁷ См.: Бакунин А. В. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке, 1933—1937. Свердловск, 1968.

²⁸ См.: Чернокрылова Е. Н. К вопросу об отношении советской историографии к проблеме связи уральских рабочих с землей в период индустриализации, 1926—1932 // Некоторые проблемы историографии советского Урала. Свердловск, 1987. С. 28—30.

- ⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 487.
- ¹⁰ См.: Зуйков В. Н. Создание тяжелой индустрии на Урале, 1926—1932. С. 262.
- ¹¹ См.: Труд в СССР: Стат. справочник: Отд. 3: Бюджетный индекс и цены. М., 1926. С. 107—146.
- ¹² См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970. Т. 4. С. 202.
- ¹³ См.: Сталин И. В. Соч. М., 1949. Т. 12. С. 331.
- ¹⁴ ГАСО. Ф. 1150 (Востокосталь). Оп. 1. Д. 11. Л. 43.
- ¹⁵ См.: XVII конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б): Стеногр. отчет. М., 1932. С. 102—103.
- ¹⁶ ГАСО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 11. Л. 61, 62, 63.
- ¹⁷ См.: КПСС в резолюциях... 1971. Т. 5. С. 25.
- ¹⁸ См.: Промышленность СССР: Стат. сб. М., 1957. С. 112.
- ¹⁹ См.: Очерки истории Пермской областной партийной организации. Пермь, 1986. С. 256.
- ²⁰ См.: Промышленность СССР: Стат. сб. С. 116.
- ²¹ Урал. рабочий. 1938. 1 янв.
- ²² См.: Промышленность СССР: Стат. сб. С. 116—120.

И. И. КУЗНЕЦОВА
Челябинский пединститут

Урало-Сибирский коммунистический университет им. В. И. Ленина (история основания)

Коммунистическая партия Советского Союза на протяжении всей своей истории всегда уделяла самое серьезное внимание воспитанию и подготовке партийных кадров.

На каждом этапе развития партия определяла формы и методы учебы руководящих партийных кадров с учетом исторических условий и задач, которые предстояло решать.

В настоящее время ЦК КПСС говорит «о необходимости повышения инициативы и ответственности кадров, о важности неустанной борьбы за чистый и честный облик партийца»¹. Перестройке кадровой политики партии был посвящен январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС².

В. И. Ленин постоянно следил за политическим воспитанием партийных кадров, лично организовывал и направлял эту большую и важную работу³. Им были подписаны декреты о создании коммунистических университетов⁴, подробно проанализированы их программы, поставлены вопросы об изучении в них целого цикла предметов⁵.

Теоретико-методологические проблемы подготовки партийных кадров, разработанные В. И. Лениным, получили развитие в материалах партийных съездов, документах Центрального Комитета партии⁶.

Проблемы, касавшиеся создания, деятельности коммунистических университетов и совпартшкол, рассматривались на всех

партийных съездах в 1921—1925 гг. Принципиальные указания X съезда РКП(б) о работе партийных учебных заведений⁷ рассмотрел I съезд совпартшкол (дек., 1921). Было решено установить три типа совпартшкол. Совпартшкола третьей ступени — коммунистический университет с трехлетним сроком обучения — ставила целью подготовку «образованных марксистов, призванных сменить старую партийную гвардию»⁸.

На руководящую работу в комвузы партия направила участников революции, ученых-коммунистов. Первыми ректорами комвузов были С. И. Канатчиков, Ю. Ю. Мархлевский, В. И. Невский, М. Н. Покровский, С. Я. Бобинский и др.⁹

В соответствии с решениями X съезда РКП(б) в стране стала формироваться система высшего партийного образования. В 1921—1923 гг. были открыты коммунистические университеты в Петрограде, Харькове, Омске. 9 марта 1923 г. Совет Народных Комиссаров утвердил декрет «Об организации пяти областных коммунистических университетов» (в Казани, Омске, Саратове, Екатеринбурге, Ташкенте)¹⁰.

В отчете Уральского областного бюро ЦК РКП(б) 1-й Уральской областной конференции РКП(б) 5 декабря 1923 г. отмечалось, что высшее коммунистическое просвещение на Урале было представлено областной партийной школой им. Розы Люксембург¹¹. Это была партийная школа повышенного типа. 27 октября 1922 г. Уралбюро ЦК РКП(б) приняло специальное положение о партшколе. «Школа состоит при Уралбюро и содержится на местные средства... находится под общим руководством агитпропа Уралбюро ЦК РКП(б) и возглавляется правлением из трех лиц»¹². Общее руководство школой осуществлял заведующий агитпропом Уралбюро ЦК РКП(б) Бела Кун, ректором был утвержден С. Я. Бобинский. В состав правления входил один студент. Занятия в школе начались 15 ноября 1922 г.¹³

Основными предметами были: исторический материализм, политэкономия, история социализма на Западе. В курс последней входили история трех интернационалов и история РКП(б). Занятия вели весьма квалифицированные преподаватели. Исторический материализм преподавал С. Я. Бобинский, историю социализма на Западе и историю РКП(б) — Бела Кун, проблемы промышленности и современной экономики — Г. И. Ломов-Оппоков. Программа школы строилась по типу программы курсов социалистической академии. Слушателями изучались произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Р. Люксембург, Г. В. Плеханова. Кроме того, обязательным для изучения были труды первых советских историков-марксистов: Н. Батурина, В. Адоратского, М. Покровского, а также по экономической политике партии и партийной работе на Урале. Окончившие школу направлялись в окружкомы и райкомы партии Уральской области¹⁴.

Партийная школа им. Р. Люксембург должна была стать базой для открывающегося в Екатеринбурге коммунистического университета. Организаторами высшего коммунистического просвещения на Урале были выдающиеся деятели международного и российского коммунистического и рабочего движения Бела Кун и С. Я. Бобинский¹⁵.

В. И. Ленин высоко ценил литературно-публицистическую деятельность Бела Куна, его организаторские способности¹⁶. В 1922 г., будучи заведующим агитпропом Уралбюро ЦК РКП(б), Бела Кун публикует статью в журнале «Уральский коммунист», посвященную созданию на Урале коммунистического университета. «В целях снабжения уральских парт-организаций марксистскими пропагандистскими кадрами абсолютно и неотложно необходима организация коммунистического университета. Хорошо оборудованная учебными силами и курсантами, надлежащим образом снабженная, материально хорошо обеспеченная марксистская коммунистическая высшая школа,— вот что единственно в состоянии, после двух-трехлетней работы, совершенно систематизировать воспитательную работу партии.

До окончания первого года учебы мы должны положить фундамент этого марксистского коммунистического университета. Первым камнем этого фундамента является областная парт-школа»¹⁷.

Бела Кун ставит вопрос о направлении в коммунистический университет наиболее образованных и подготовленных партийцев.

С. Я. Бобинский в своей статье обращает внимание на то, чтобы студентами коммунистического университета были товарищи, имевшие трехлетний стаж партийной работы, знания на уровне программы губсовпартшкол. Кандидатов в коммунистический университет С. Бобинский предлагает набирать из лучших слушателей губсовпартшол¹⁸. В отчете Уралбюро ЦК РКП(б) 1-й Уральской областной конференции РКП(б) 5 декабря 1923 г. отмечено, что январское областное партийное совещание постановило открыть в текущем году в Екатеринбурге областной коммунистический университет с набором в 150 человек. В связи с закрытием Сибирского коммунистического университета Уралбюро вступило в переговоры с Сиббюро ЦК РКП(б) и договорилось о том, что Уралбюро и Сиббюро внесут в ЦК предложение открыть в Екатеринбурге Урало-Сибирский Коммунистический университет (УСКУ).

Сиббюро представляло для УСКУ большую часть оборудования Сибирского коммунистического университета, учебный инвентарь, библиотеку из 20 тыс. томов. В УСКУ направлялись ряд преподавателей и студенты второго курса. Главполитпросвет и специальная комиссия при агитпропе ЦК РКП(б) поддержала ходатайство Уралбюро и Сиббюро. В конце ноября 1923 г. ЦК

РКП(б) постановил открыть Урало-Сибирский коммунистический университет и начать занятия в нем с января 1924 г. Контингент студентов определялся в 175 человек¹⁹.

Первым ректором Урало-Сибирского коммунистического университета им. В. И. Ленина стал С. Я. Бобинский. Он родился 20 ноября 1882 г. в Варшаве в дворянской семье. Член Коммунистической партии с 1905 г. В 1910 г. окончил философский факультет Ягеллонского университета в Кракове и в 1911 г. лесную академию под Дрезденом (Таронтская академия). В 1913—1914 гг. читал лекции по истории философии в Варшавском рабоче-народном университете. В 1915 г. был выслан в Россию. С мая 1917 г. — представитель социал-демократии Польши и Литвы в Московском Комитете РСДРП, депутат Моссовета и член его исполкома. Делегат шестого съезда РСДРП(б). С. Я. Бобинский был активным участником Октябрьского вооруженного восстания в Москве. После Великой Октябрьской революции являлся делегатом седьмого, девятого и двенадцатого съездов РКП(б) и третьего конгресса Коминтерна. В 1919—1920 гг. — член ВЦИК. В 1918 г. был утвержден профессором социалистической академии, а в 1919—1920 гг. читал лекции по историческому материализму в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова. После победы Великого Октября он выступает как замечательный педагог и пропагандист марксистско-ленинской теории, организатор науки, партийный публицист. Он был одним из первых публикаторов работ В. И. Ленина на Урале²⁰. Мы считаем, что наступило время опубликовать полную и яркую биографию С. Я. Бобинского, который сделал очень много для организации коммунистического просвещения на Урале.

Профессором Урало-Сибирского коммунистического университета был А. П. Танеев, выпускник Института красной профессуры, крупнейший знаток истории Урала. 25 октября 1924 г. он был утвержден правлением УСКУ членом президиума исторической предметной комиссии²¹.

Следует отметить, что преподавательский состав в первые годы работы УСКУ им. В. И. Ленина был очень авторитетным. На 1 декабря 1924 г. в комуниверситете работали 35 преподавателей. Институт красной профессуры закончили 3 человека. Высшее образование имели все преподаватели. География выпускников учебных заведений, педагогов коммунистического университета представляет значительный интерес — Киевский коммерческий институт, Московский институт народного хозяйства, коммунистическая академия, Казанский университет, Ленинградский сельскохозяйственный институт, Киевский политехнический институт, юридический и исторический факультеты МГУ, Астрономическая академия в Австрии, Сорбонна и т. д. Преподавателем немецкого языка была Ройц Анна Андреевна, закончившая Мюнхенскую академию иностранных языков. Большинство

преподавателей имели значительный опыт педагогической работы. Шестнадцать из них были беспартийными²².

Большое значение для работы комвузов имели решения XIII съезда РКП(б). Они нацеливали слушателей комуниверситетов на дальнейшее изучение ленинизма, связи теории с практикой. Речь шла о введении в программы практики партийно-массовой работы.

«Для студентов Комвузов..., — отмечал XIII съезд РКП(б), — эта практика должна выразиться в систематической работе партийного характера в производственных ячейках и профсоюзах, причем эта работа обязательно должна учитываться и осмысливаться в вузе, при этом такое вовлечение студенчества в массовую работу должно рассматриваться партийными организациями, главным образом, как средство политического воспитания студенчества, а не только использования его сил, и должно согласовываться с нуждами учебной работы в вузах»²³.

В докладе агитпропу ЦК РКП(б) от 1 ноября 1924 г. сказано, что университет провел двухмесячные летние практические работы. В течение июня — июля 1924 г. студенты и значительная часть преподавателей находилась на практических работах учебно-исследовательского характера (11 групп по 10—25 человек).

Были исследованы крупнейшие металлургические предприятия Урала: Лысьвенский, Чусовской, Верх-Исетский, Златоустовский заводы, Бакальские рудники, предприятия Кузнецкого каменноугольного бассейна и др. В задачи исследования входило ознакомление с техникой производственных процессов, обслуживание экономики и организационной структуры предприятий, собирание материалов по истории предприятий, истории рабочего движения и партийных организаций (по заданиям облистпарта).

При проведении научных исследований студенты и преподаватели руководствовались экономическими интересами предприятий. Значительная часть студентов изучала постановку партийной работы в заводских и цеховых партиячках. Часть студентов работала в деревнях Омской области. Слушатели УСКУ в своей практической работе руководствовались инструкцией, разработанной агитпропом и орготделом Уралобкома совместно с администрацией комуниверситета²⁴.

В результате летних практических работ был собран большой материал. На основании его сделаны доклады, составлены чертежи, схемы, планы, оформлены фотографии.

Итоги практики подводились на трехдневной конференции комуниверситета, обсуждались на коллегии агитпропа Уралобкома.

В октябре 1924 г. ЦК РКП(б) опубликовал в «Известиях ЦК РКП(б)» специальную инструкцию «О внешкольной партийной работе курсантов совпартшкол и комвузов». В ней говори-

лось: «Внешкольная парторбота слушателей совпартшкол и комвузов должна преследовать: установление активной связи слушателей с рабочими массами, увязки преподавания теоретических знаний с текущими политическими задачами партии, развитие у слушателей организационных навыков общественно-политической работы». Особо подчеркивалось, что за время пребывания в комвузе каждый слушатель должен ознакомиться на практике со всеми основными видами партийной работы²⁵.

Исходя из решений XIII съезда РКП(б) и октябрьской инструкции ЦК партии, учебная часть Урало-Сибирского коммунистического университета составила план работы на 1924—1925 гг., который предусматривал изучение теоретических дисциплин — истории партии, исторического материализма, политэкономии, серьезное внимание было уделено изучению математики, физики, геологии, экономической географии Урала. Практическая работа предусматривала изучение организационной партийной работы в заводских и цеховых партийных ячейках, статистическое обследование крестьянского хозяйства, изучение форм деревенской кооперации, шефство города над деревней²⁶.

Практическая работа студентов УСКУ нашла свое отражение в многотиражной газете Урало-Сибирского коммунистического университета им. В. И. Ленина «Ленинская закалка»²⁷. В бюллетене газеты за 1925 г. был подробно проанализирован ход практики студентов. Следует отметить, что план ее проведения был утвержден на заседании секретариата Уралобкома РКП(б) 14 мая 1925 г.²⁸

Уралобком РКП(б) непосредственно руководил производственной практикой слушателей УСКУ им. В. И. Ленина. Суть ее в 1925 г. выражалась в обследовании студентами производственных ячеек и школ политграмоты и в анализе работы партии в деревне и в женотделах партийных организаций. Руководил этим направлением деятельности А. П. Танеев²⁹.

Следует отметить, что С. Я. Бобинский и А. П. Танеев в конце 1924 г. направили докладную записку в агитпропотдел обкома РКП(б), в которой отмечали, что чрезмерное увлечение практикой на втором курсе УСКУ ведет к снижению теоретического уровня студентов³⁰.

В связи с пятилетием работы Урало-Сибирского коммунистического университета в журнале «Уральский коммунист» за 1928 г. были помещены две статьи: М. Бобровникова и С. Кожевникова, в которых отмечено, что за 5 лет УСКУ им. В. И. Ленина сделал 4 выпуска студентов (300 человек), работающих на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. На партийной работе использованы все выпускники УСКУ, секретарями райкомов и окружкомов, инструкторами работают 105 человек. В 1928 г. 65 % обучающихся в УСКУ составляли рабочие, 24,2 % — крестьяне, 10,8 % — служащие³¹.

Серьезное внимание слушатели обращали на изучение трудов В. И. Ленина. Для студентов УСКУ был организован специальный кабинет, где была собрана литература о значении Урала и Сибири в экономике СССР, состоянии производительных сил этих районов, проблеме транспорта, состоянии и перспективах развития промышленности и сельского хозяйства на Урале и в Сибири. В 1928 г. был введен специальный предмет — партстроительство. Кроме того, серьезно изучались военные науки. Это было сделано для того, чтобы в случае войны выпускники УСКУ имели необходимое образование, соответствующее образованию среднего комсостава Красной Армии. С этой целью были введены теоретический курс и лагерные сборы. Все студенты коммунистического университета были прикреплены к партийным ячейкам Свердловска, где они изучали партийную работу. В статье С. Кожевникова отмечено, что УСКУ им. В. И. Ленина превратился в значительный политико-просветительный центр.

Студенты университета активно участвовали в общественно-политической работе. Они читали лекции на предприятиях и в учреждениях по общественно-политическим, естественно-научным и литературно-художественным темам. В кружках УСКУ наряду со студентами работали сотрудники Уралистпарта, преподаватели УСКУ и Уральского университета³². Руководителями кружков в разные годы были П. П. Бажов, С. С. Моисеев, А. П. Танеев, З. Сибирячка и др.

В 1929 г. при УСКУ было организовано отделение Всесоюзного общества историков-марксистов. Его руководителями были А. П. Танеев, С. С. Моисеев. В хронике, опубликованной в журнале «Уральский коммунист», подчеркивалось, что в ближайшее время местное отделение приступает к регулярной работе по привлечению более широкого круга историков-марксистов³³.

Коммунистические университеты к началу 30-х гг. выполнили свою задачу, подготовили партийные кадры. 21 сентября 1932 г. по постановлению ЦК ВКП(б) коммунистические университеты были реорганизованы в высшие коммунистические сельскохозяйственные школы. Бюро Уральского обкома ВКП(б) 28 октября 1932 г. приняло постановление о реорганизации Уральского коммунистического университета в высшую сельскохозяйственную школу³⁴.

¹ Горбачев М. С. Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза от 25 февраля 1986 г. // Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 82.

² См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 г. М., 1987. С. 94.

³ См.: Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917—1923 гг.). М., 1968; Леонова Л. С. Исторический опыт КПСС по подготовке партийных кадров в партийных учебных заведениях (1917—1975 гг.). М., 1979; Фильченков М. П. Из истории партийных учебных заведений // Вопр. истории КПСС. 1958. № 1.

⁴ См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1923. № 25. Ст. 291 (далее СУ).

⁵ См.: В. И. Ленин: Биографическая хроника. М., 1975. Т. 6. С. 103, 548; М., 1976. Т. 7. С. 350, 371; М., 1977. Т. 8. С. 32, 77, 208—209.

⁶ См.: В. И. Ленин. Речь перед слушателями Свердловского университета, отправляющимися на фронт, 24 октября 1919 г. // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 239—247; Он же. Проект письма большевистского центра совету школы на Капри // Там же. Т. 47. С. 186.

⁷ См.: Десятый съезд РКП(б): Агитационно-пропагандистские задачи партийных органов // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970. Т. 2. С. 244—246.

⁸ Справочник партийного работника. М., 1922. Вып. 2. С. 57—58.

⁹ См.: Леонова Л. С. Исторический опыт КПСС по подготовке партийных кадров в партийных учебных заведениях (1917—1975 гг.). С. 29.

¹⁰ См.: СУ. 1923. № 25. Ст. 291.

¹¹ См.: Отчет Уральского бюро ЦК РКП(б) первой Уральской областной конференции РКП(б), 5 декабря 1923 г. Екатеринбург, 1923. С. 34.

¹² См.: Урал. коммунист. 1922. № 5. С. 41.

¹³ См.: Там же.

¹⁴ См.: Там же. С. 42.

¹⁵ См.: БСЭ. 3-е изд. М., 1970. Т. 3. С. 436; М., 1973. Т. 13. С. 607—608.

¹⁶ См.: Ленин В. И. По поводу брошюры Бела Куна // Полн. собр. соч. Т. 52. С. 41, 356.

¹⁷ Кун Бела. Чем окончить первый год учебы // Урал. коммунист. 1922. № 6. С. 10.

¹⁸ См.: Бобинский С. Будем состязаться с остальной Россией: (По поводу открытия Уральского комуниверситета) // Там же. 1923. № 4. С. 17.

¹⁹ См.: Отчет Уральского областного бюро ЦК РКП(б) первой Уральской областной конференции РКП(б), 5 декабря 1923 г. С. 34—35.

²⁰ См.: БСЭ. 3-е изд. Т. 3. С. 436; Голубцова Р. И. Публикации источников по истории классовой борьбы и революционного движения и развитие советской историографии на Урале (1917—середина 30-х годов) // Новые источники по истории классовой борьбы трудящихся Урала. Свердловск, 1985. С. 112; ГАСО. Ф. 227. Оп. 1. Д. 15. Л. 31—32.

²¹ Васильковский О. А. Деятельность Уральского (Свердловского) истпарты по разработке истории гражданской войны // Учен. зап. Урал. ун-та. 1966. № 59. Сер. 3; Васильковский О. А., Заболотный Е. Б., Камынин В. Д. Современная историография истории Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1985; Голубцова Р. И. А. П. Таняев о проблемах Октябрьской революции и гражданской войны на Урале // Историография истории Урала периода Октябрьской революции и гражданской войны (1917—1920 гг.). Свердловск, 1984.

²² ПАСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 567. Л. 103.

²³ КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 120.

²⁴ ПАСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 565. Л. 7—8.

²⁵ См.: Известия ЦК РКП(б). 1924. 13 окт. С. 33—34.

²⁶ ПАСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 565. Л. 8, 9, 10.

²⁷ См.: Ленинская закалка. 1924. 3 нояб.; ПАСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 565. Л. 34.

²⁸ ПАСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 565. Л. 104.

²⁹ Там же. Л. 4.

³⁰ Там же. Л. 39.

³¹ См.: Бобровников М. Пять лет Урало-Сибирского коммунистического университета им. В. И. Ленина // Урал. коммунист. 1928. № 10; Кожевников С. Коммунистический университет за работой // Там же. № 4. С. 34.

³² См.: Кожевников С. Коммунистический университет за работой // Урал. коммунист. 1928. № 4. С. 34.

³³ См.: Там же. 1929. № 10. С. 48.

³⁴ ПАСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 1006. Л. 18.

С. М. Петров — историк революционного движения на Урале

Сергей Михайлович Петров — выпускник Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской, преподаватель истории партии в Уральском комвузе, член общества историков-марксистов. Активное участие в исследовательской работе он начал принимать с конца 20-х гг. В 1928 г. был включен в группу содействия Уралистпарту¹, а с 1931 г. являлся его сотрудником².

В связи с 25-летним юбилеем революции 1905—1907 гг. С. М. Петров принял участие в написании брошюры «Рабочее движение и партия большевиков в революции 1905 года на Урале», которая явилась хорошим методическим пособием для лекторов и широко использовалась в политико-воспитательной работе. А затем ему поручается написание книги «Большевики Урала в революции 1905 года». В октябре 1930 г. она обсуждалась в секции по истории пролетариата и партии на Урале³. Книга опубликована в 1931 г., но еще в 1930 г. читатели познакомились с основными ее положениями на страницах журнала «Уральский коммунист»⁴.

Серьезный вклад С. М. Петров внес в изучение социальной природы уральских рабочих⁵. Этот вопрос приобрел особую актуальность в конце 20 — начале 30-х гг. в связи с борьбой, развернувшейся против буржуазных и мелкобуржуазных теорий, в которых использовался тезис о незрелой полурабочей-полукрестьянской массе для обоснования своих идей о невозможности построения социализма в СССР. Впервые критика этого тезиса была дана сотрудниками Уралистпарта и старыми большевиками — участниками революционного движения в крае — при обсуждении рукописи книги С. М. Петрова. Участники обсуждения, подвергнув критике господствующую в то время в литературе оценку уральских рабочих как полурабочей-полукрестьянской массы, обратили внимание на то, что незначительная часть их имела землю, а хозяйство велось для собственного потребления в связи с крайне низкой заработной платой⁶. Это нашло свое отражение в исследовании С. М. Петрова. Он показал, что основным источником существования уральских рабочих был труд на заводе, роль земли в хозяйстве постепенно сокращалась. Автор сделал вывод, что «неправильно было бы определять уральского рабочего как наполовину рабочего и наполовину крестьянина», он назвал его «рабочим с наделом», отнеся тем самым к классу наемных рабочих⁷. Это был шаг вперед в изучении социальной природы уральских рабочих.

Снова данный вопрос оказался в центре внимания историков на заседании исторической секции июньской 1932 г. сессии АН СССР по проблемам Урало-Кузбасского комбината. Здесь впервые был поставлен вопрос о неоднородности рабочего класса Урала и необходимости дифференцированного подхода к его изучению. Такая постановка вопроса была подготовлена предшествовавшим изучением проблемы и, в частности, работой А. Тяньева, ходом обсуждения рукописи С. Петрова. И теперь историки предприняли попытку дифференцировать рабочих Урала, выделить в их составе основные группы, отличающиеся по своему положению и роли в революционном движении. Мнения были высказаны различные. И наиболее правильную и обстоятельную характеристику состава уральских рабочих дал С. М. Петров. Он не только выделил в их составе основные группы, но и отметил отличительные черты каждой. К первой группе — чистых пролетариев — он отнес пришлых рабочих и часть горнозаводских мастеровых. Автор выделил признаки чистых пролетариев: преемственность промышленного труда, длительный стаж работы на крупном предприятии, отсутствие собственных средств производства, революционную активность. Эти рабочие, подчеркнул он, играли решающую роль в революционном движении. Во вторую группу он выделил часть мастеровых и вспомогательных рабочих, для которых главным источником существования был труд на заводе, однако связь с землей они еще сохраняли. Эта группа, по его мнению, количественно преобладала на Урале. Наконец, третью группу составляли полурабочие-полукрестьяне — крестьяне, занятые на вспомогательных работах⁸. Таким он видел состав уральских рабочих в начале XX в.

Большое внимание на секции было уделено вопросу о месте и значении аграрных требований в рабочем движении. Большинство выступавших — С. Г. Томсинский, А. П. Тяньев, С. М. Петров — пришли к выводу, что эти требования являлись второстепенными для уральских рабочих, носили подчиненный характер, выдвигались преимущественно рабочими старых небольших заводов. Они решительно высказались против мнения Ф. П. Быстрых, что аграрные требования являются реакционными в рабочем движении. Наиболее аргументированным и в этом плане было выступление С. М. Петрова. Освещая этот вопрос, он использовал работу В. И. Ленина «Замечательное дело», решения уральских конференций большевиков, материалы большевистской периодической печати («Уральский рабочий», «Пролетарий»). Многие из этих материалов впервые вводились им в научный оборот. Он отметил, что, ведя борьбу за землю, рабочие отнюдь не хотели превратиться в крестьян, а стремились освободиться от той крепостной зависимости, которая у них была по линии земельных отношений с заводом⁹.

Центральное место в исследованиях С. М. Петрова заняла история революции 1905—1907 гг. на Урале. В конце 20 — начале

30-х гг. растет стремление историков глубже изучить теоретико-методологическое наследие по истории первой российской революции, чему способствовал выход в свет второго и третьего изданий Сочинений В. И. Ленина и Ленинских сборников. Это характерно и для С. М. Петрова. В освещении таких вопросов, как причины революции, ее характер и движущие силы, перспективы революции, он опирается на произведения В. И. Ленина.

Для исследователей 20 — начала 30-х гг. вопрос о предпосылках революции представлял значительную сложность, да и в конце 30-х гг. он трактовался упрощенно¹⁰. С. М. Петров видел главную причину революции 1905—1907 гг. в сохранении пережитков крепостничества, которые привели к застою и кризису промышленности, тяжело сказались на положении пролетариата и задерживали процесс дифференциации уральского населения, затрудняли рост классового самосознания. Ссылаясь на ленинские работы, он дает определение характера революции как буржуазно-демократической, однако тут же оговаривается: «точнее, буржуазно-крестьянской»¹¹. Здесь, безусловно, сказывается влияние историков середины 20-х гг. (Е. Кривошеина, А. Слепков, Ем. Ярославский), акцентировавших внимание на буржуазных задачах революции¹². Но вместе с тем он подчеркивает авангардную роль пролетариата в ней. С. М. Петров первым среди уральских историков показал расстановку сил в революции. Он отметил, что уже на этапе буржуазно-демократической революции пролетариат должен выступить и выступает гегемоном движения и решительным борцом за уничтожение остатков крепостничества. Союзником его было все крестьянство, как беднейшее, так и зажиточное. Автор показал контрреволюционную роль буржуазии Урала, которой принадлежали крупные земельные владения, и сделал вывод, что она была «еще в меньшей степени в сравнении с буржуазией других районов заинтересована в победе буржуазной революции»¹³. Автор дал критику меньшевистских взглядов на роль буржуазии в революционном движении, отметил, что задача пролетариата в отношении буржуазии заключается в ее нейтрализации. Раскрыта им и суть разногласий между большевиками и меньшевиками по другим принципиальным вопросам революции.

Поставлена С. М. Петровым проблема перспектив революции. Он рассматривает борьбу пролетариата за уничтожение остатков крепостничества как первый этап в его борьбе за социализм¹⁴. Особенно четко мысль о двух этапах в революционной борьбе пролетариата и возможности перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую высказана им в рецензии на книгу А. Баранова «1905 год на Урале»¹⁵. Здесь С. М. Петров, опираясь на ленинские работы («Социализм и крестьянство», «Этапы, направления и перспективы революции»), проводит четкую грань между буржуазно-

демократической революцией, когда пролетариат в союзе со всем крестьянством ведет борьбу с самодержавием и помещиками, и социалистической революцией, борьбой против буржуазного строя, борьбой против капиталистов¹⁶. Здесь же С. М. Петров дал критику троцкистской теории «перманентной» революции. Таким образом, автор разобрался в основных принципиальных проблемах первой российской революции. Однако не все из них были достаточно полно раскрыты. В частности, вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую поставлен, но не объяснено, почему такая возможность в России начала XX в. существовала. Оставались неизученными качественные сдвиги в промышленности.

С. М. Петровым была дана обстоятельная характеристика рабочего движения на Урале в 1905—1907 гг. Он отметил авангардную роль в движении наиболее передового отряда уральских рабочих — мотовилихинцев, которые «играли примерно ту же роль для общеуральского движения, как питерские рабочие для общероссийского, давая толчок движению, проявляя максимальную энергию и упорство в борьбе с самодержавием и буржуазией... Как и в Питере, мотовилихинский рабочий бастовал (в 1905 г. — Г. С.) не менее 4 раз»¹⁷.

Он проследил, как постепенно в течение 1905 г. нарастало движение рабочих, выделил его этапы, отметил их связь и совпадение с общероссийским движением, и в особенности на Урале. Он правильно решил вопрос о соотношении экономической и политической борьбы, подчеркнув быстрый переход (уже в мае) от экономической борьбы к борьбе политической, отметил большую роль сочетания экономических и политических требований для воспитания и вовлечения в движение самых отсталых отрядов рабочих¹⁸. С. М. Петров показал роль стачки — главного средства борьбы пролетариата в период первой российской революции, — которая «парализует всю нормальную жизнь в городах, показывая всю мощь восставшего пролетариата — гегемона революции»¹⁹. Он дал картину развития революции вглубь — движение растет от стачки к вооруженному восстанию, вовлекаются в революционное движение средние слои: «...К рабочим начинают примыкать интеллигенция, учащиеся, городской обыватель», в борьбу вступают рабочие «самых захолустных, отсталых мест Урала»²⁰. Изучение ленинских работ позволило С. М. Петрову правильно оценить значение Всероссийской Октябрьской стачки. Он сделал вывод, что движение на Урале тесно связано с общероссийским и носит ярко политический характер, и подчеркнул: октябрьские события показали, что судьбу революции может решить лишь вооруженное восстание²¹.

В отличие от своих предшественников С. М. Петров стремился показать состояние дел в социал-демократических орга-

низациях Урала и их роль в развертывании революции в крае. С этой целью он широко использовал и глубоко изучил ленинские работы, материалы III съезда РСДРП, документы местных партийных конференций. Он показал сложное положение в уральских организациях в начальный период революции, когда на них обрушились массовые аресты. С этим он связывает и отставание массового рабочего движения в первые месяцы революции. Однако несмотря на все трудности социал-демократические организации имели тесную связь с рабочими заводов и фабрик²³. Именно под влиянием социал-демократии, отмечает он, рабочие уже на первом этапе движения выдвинули политические требования, «их активной деятельностью обуславливается перерастание стихийных экономических стачек в сознательную политическую борьбу с самодержавием»²³.

С. М. Петров осветил позицию уральских социал-демократических организаций в отношении вооруженного восстания. В статье «Боевики», помещенной в Уральской советской энциклопедии, он отметил, что еще в начале марта 1905 г. на учредительном съезде Уральского союза РСДРП в резолюции по вопросу о предстоящем III съезде уральские большевики указали, что «признание революции лозунгом дня налагает на партию обязанность выработать практический план вооруженного восстания, наиболее выгодный с точки зрения классовой борьбы пролетариата», что «необходимо подготовить по возможности единовременное выполнение этого плана, необходимо сговориться о тактике организаций в разные моменты восстания»²⁴. Тем самым, делает он вывод, уральские большевики заняли четкую ленинскую позицию. Эта резолюция была выработана до получения «Обращения Бюро комитетов большинства», в котором давались четкие указания о подготовке восстания. Петров отметил, что на III съезде «делегаты Урала, подчеркивая неизбежность вооруженного восстания, обратили внимание съезда на возможность изготовления на уральских заводах оружия... на необходимость развертывания широкой военно-боевой работы партийных организаций»²⁵, и показал, как уже весной 1905 г. началась подготовка к восстанию, когда в ряде пунктов (например, Надеждинске, Алапаевске) рабочие начали запасаться оружием, изготавливать его.

Автор подчеркнул, что «уральцы четко уяснили основные коренные вопросы развивающейся революции»²⁶ и вели борьбу против меньшевиков. Вместе с тем он привел и факты имевшего места объединения большевиков с меньшевиками, которые были следствием тяги рабочих масс к единству. «Большевики, — пишет он, — шли на объединение именно в целях отвоевания у меньшевиков их рабочей периферии»²⁷.

Однако такое объединение в условиях нарастания революции, приближения ее к кульминационному пункту — восстанию — отрицательно сказалось на развитии событий. Историк показал,

что там, где сильно было влияние меньшевиков, рабочий класс оказался не в состоянии развернуть активную вооруженную борьбу, отметил он также и недостаточность борьбы большевиков за войско.

С. М. Петров подчеркнул, что высшим этапом революции был декабрь 1905 г. «Стихийное вооружение рабочих, многочисленные факты вооруженного отпора черносотенцам, полиции, казакам, вооруженное восстание в Мотовилихе, Уфе, вооруженные столкновения революционеров с казаками в Челябинске и других местах — целиком подтверждают это положение»²⁸, — пишет он. Автор оценил ситуацию в различных городах и заводских поселках Урала в декабре 1905 г. и убедительно показал, почему восстание произошло именно в Мотовилихе. С. М. Петров отметил, что здесь в вооруженном выступлении приняли участие отдельные рабочие-меньшевики, которых опыт борьбы уводил из-под влияния меньшевистских лидеров²⁹. Используя в освещении этого вопроса работу В. И. Ленина «Уроки московского восстания» и высказывания Ф. Энгельса об искусстве восстания, он обстоятельно раскрыл причины его поражения в Мотовилихе: 1) социал-демократические организации не были готовы к бурно растущему революционному подъему; 2) вооруженные дружины не взяли инициативу движения в свои руки, использовали оборонительную тактику; 3) недостаточная техническая подготовка восстания; 4) Мотовилихинское восстание оказалось изолированным, его не поддерживали рабочие других районов Урала; 5) не велась активно борьба за колеблющиеся войска³⁰.

В работах С. М. Петрова содержался материал о новых формах организации рабочих, возникших в годы революции: профсоюзах, Советах. Он отметил, что профсоюзное движение началось с октября 1905 г. Но социал-демократы не везде смогли возглавить его. В результате союзы не были связаны между собой, постановление съезда профсоюзов в Екатеринбурге оказалось близко позиции кадетов. С. М. Петров дал характеристику всех известных в то время Советов. Автор подчеркнул, что они — продукт творчества масс, и назначение их — быть органами восстания и революционной власти. Однако на Урале «они очень неуверенно шли по пути превращения в органы революционной власти»³¹. Недостаточным было и руководство ими со стороны социал-демократии. Кроме того, очень непродолжительным было время существования Советов.

С. М. Петров правильно решает и сложный для историков 20-х гг. вопрос о классовой сущности Советов рабочих депутатов эпохи первой российской революции. В работах В. И. Ленина четко проводится мысль о том, что Советы 1905 г. являлись формой революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Именно так был решен вопрос о власти III съездом РСДРП. Петров правильно раскрывает суть разногласий по

этому вопросу между большевиками и меньшевиками и отмечает, что уральские организации стояли на большевистских позициях по этому вопросу³².

С. М. Петров остановился и на крестьянском движении в период революции. В работе отмечено, что крестьянское движение развивалось под влиянием рабочего класса; начавшись в 1905 г., оно не утихает и в 1906, 1907 гг. Автор определил основные формы борьбы крестьян: самовольные порубки леса, разгром помещичьих усадеб (на Южном Урале), раздел помещичьих земель³³. Позднее он говорил и о вооруженных столкновениях крестьян с войсками³⁴. Алапаевский Совет рабочих и крестьянских депутатов он рассматривает как свидетельство складывающегося союза рабочего класса и крестьянства.

С. М. Петров одним из первых обратился к истории революции в период ее спада. Он ставил перед собой задачу написать вторую часть книги «Большевики Урала в революции 1905—1907 гг.», и работа в этом направлении им продолжалась³⁵. Однако книга написана не была, а материалы, собранные и обобщенные им по периоду 1906—1907 гг., увидели свет на страницах Уральской советской энциклопедии: в первом томе были помещены его статьи о деятельности боевых дружин и бойкоте Государственной думы на Урале.

При освещении деятельности боевых дружин С. М. Петров опирается на работы В. И. Ленина, партийные документы, опубликованные к тому времени воспоминания и архивные материалы. Начало создания боевых дружин на Урале С. М. Петров относит к маю 1905 г. Он рассматривает их деятельность в октябре—декабре 1905 г.: действия боевых дружин в ответ на выступления черносотенцев, участие в Мотовилихинском вооруженном восстании. Наибольший размах боевого движения он относит к 1906—1907 гг., отмечает, что уральские социал-демократические организации развернули в это время более широкую и планомерную военно-боевую работу, оставаясь на большевистских позициях, несмотря на принятие IV съездом РСДРП меньшевистской резолюции о партизанских действиях. С. М. Петров остановился на структуре не только южноуральских боевых дружин, которая уже хорошо была известна, но и Пермской боевой дружины; осветил их деятельность в 1906—1907 гг.; отметил наличие на Урале анархистских и эсеровских групп, которые не верили в массовое революционное движение, показал отношение к ним социал-демократии.

Несомненной заслугой С. М. Петрова явилось обращение к проблеме отношения большевиков и рабочего класса на Урале к Государственной думе. До него этот аспект истории революции 1905—1907 гг. не был предметом изучения. При освещении этой проблемы автор использовал ленинские работы и прежде всего «Детскую болезнь «левизны» в коммунизме». Он показал, как активно проводили уральские большевики тактику бойкота бу-

лыгинской Думы, благодаря чему «в целом ряде городов и заводов Урала рабочими под руководством большевиков были сорваны собрания, посвященные обсуждению вопроса о выборах в Думу»³⁶.

С. М. Петров отметил, что и в отношении I Государственной думы большевистские организации Урала проводили тактику бойкота в соответствии с решениями Таммерфорской конференции большевиков, состоявшейся в декабре 1905 г. Эта позиция была подтверждена и Уральской конференцией РСДРП (февр., 1906). По его данным, рабочие крупнейших заводов — Верх-Исетского, Лысьвенского, Мотовилихинского, Миньярского, Ново-Уткинского, Сысертского, Златоустовского, Катав-Ивановского, Симского и др. — поддержали тактику бойкота. Осветил он и позицию меньшевиков в отношении выборов в Государственную думу на примере Надеждинской организации РСДРП, где они временно победили. Однако в целом, подчеркнул Петров, бойкот не удался. Причины его срыва он объяснил, используя ленинские работы, спадом рабочего движения; привел он и ленинскую оценку ошибочности тактики бойкота I Государственной думы.

Избирательную кампанию по выборам во II Государственную думу и итоги выборов исследователь не рассматривает, поскольку статья посвящена бойкоту. Продолжая тему, он охарактеризовал состояние дел в уральских социал-демократических организациях после революции. С. М. Петров отметил, что меньшевики в этот период стояли на бойкотистско-отзовистских позициях. У части рабочих бойкотистские настроения поддерживались затяжным характером кризиса уральской промышленности и их тяжелым материальным положением. В первое время после разгона II Государственной думы и среди большевиков на Урале преобладали бойкотистские настроения³⁷. На второй Общероссийской конференции РСДРП (21—23 июля, 1907) представители Урала голосовали за бойкот и лишь после провала резолюции о бойкоте присоединились к ленинской формулировке участия в выборах против меньшевистской. И далее он подчеркнул, что, осознав ошибочность своей позиции, уральские большевики «энергично развернули тактику активного участия в выборах в Думу», успешно вели борьбу с эсерами и меньшевиками. Результатом этого явилась победа рабочей курии³⁸.

Итак, изучение научного творчества С. М. Петрова позволяет сделать вывод, что он внес серьезный вклад в развитие исторической концепции революционного движения на Урале. На его работах, несомненно, сказался перелом в исследовании истории российского пролетариата и его борьбы, наступивший после первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Исследования Петрова основаны на большом источниковом материале, внимательном изучении ленинского теоретического наследия. Им были поставлены и во многом решены основные

проблемы истории рабочих Урала, их участия в первой российской революции, руководства ими со стороны партии большевиков.

- ¹ ПАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 10. Л. 34.
- ² Там же. Д. 16. Л. 152.
- ³ Там же. Д. 10. Л. 94—97.
- ⁴ См.: *Петров С.* Большевики Урала в революции 1905 года // Урал. коммунист. 1930. № 21—22. С. 39—49.
- ⁵ Подробнее об этом см.: *Селиванова Г. И.* Советская историческая литература 20—50-х гг. о некоторых вопросах формирования рабочего класса на Урале // Промышленность и рабочий класс горнозаводского Урала в XVIII—начале XX в. Свердловск, 1982.
- ⁶ ПАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 10. Л. 96.
- ⁷ *Петров С.* Большевики Урала в революции 1905—1907 годов. Свердловск, 1931. Вып. 1. С. 68.
- ⁸ См.: Проблемы Урало-Кузбасского комбината: Тр. июньской (1932) сес. АН СССР. Л., 1932. Т. 1. С. 343—344.
- ⁹ См.: Проблемы Урало-Кузбасского комбината. С. 345.
- ¹⁰ См.: *Волобуев О. В., Муравьев В. А.* Ленинская концепция революции 1905—1907 годов в России и советская историография. М., 1982. С. 152—155, 177.
- ¹¹ *Петров С.* Большевики Урала в революции... С. 101.
- ¹² См.: *Волобуев О. В., Муравьев В. А.* Ленинская концепция... С. 152—153.
- ¹³ Рабочее движение и партия большевиков в 1905 году на Урале. Свердловск; Москва, 1930. С. 4.
- ¹⁴ См.: Там же.
- ¹⁵ См.: *Баранов А.* 1905 год на Урале. М., 1929.
- ¹⁶ ПАСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 131. Л. 185—186.
- ¹⁷ *Петров С.* Большевики Урала в революции... С. 68.
- ¹⁸ См.: Там же. С. 64—65.
- ¹⁹ Там же. С. 65.
- ²⁰ Там же. С. 47, 64—65.
- ²¹ См.: Там же. С. 59—60.
- ²² См.: Там же. С. 36.
- ²³ Там же. С. 42, 49.
- ²⁴ Уральская советская энциклопедия. Свердловск; Москва, 1933. Т. 1. Стб. 427.
- ²⁵ Там же. Стб. 428.
- ²⁶ *Петров С.* Большевики Урала в революции... С. 32.
- ²⁷ Там же. С. 58.
- ²⁸ Там же. С. 75.
- ²⁹ См.: Там же. С. 74.
- ³⁰ См.: Там же. С. 76—80.
- ³¹ Там же. С. 83.
- ³² См.: Там же. С. 101, 103.
- ³³ См.: Там же. С. 92—96.
- ³⁴ ПАСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 131. Л. 187.
- ³⁵ ПАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 13. Л. 96. Предполагалось и издание отдельной брошюры «Военно-боевые организации большевиков на Урале».
- ³⁶ *Петров С. М.* Бойкот Государственной думы на Урале // Уральская советская энциклопедия. Т. 1. Стб. 438.
- ³⁷ См.: Уральская советская энциклопедия. Т. 1. Стб. 440.
- ³⁸ См.: Там же.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Камынин В. Д. Социальная политика Советского государства на Урале в первый год пролетарской диктатуры в литературе 20—30 гг.	5
Сичинский Е. П. Из истории Областного правительства Урала (историография вопроса)	18
Васьковский О. А. К вопросу о недостатках отрядной системы в организации Красной Армии на Урале в начале гражданской войны	28
Дубленных В. В. Историки об участии рабочих и крестьян Урала в строительстве Красной Армии в 1918 г.	39
Панькин И. Д. Современная советская историография мобилизации трудящихся Южного Урала на отпор контрреволюции в начальный период гражданской войны (май—июль, 1918)	48
Тертышный А. Т. Современная историография восстановления Советской власти на Урале после разгрома колчаковщины	58
Дмитриев Н. И., Дмитриева Т. В. Обеспечение крупной промышленности Урала рабочей силой во второй половине 1919—1920 г.	76
Гуров В. П. Социально-экономические отношения и классовая борьба в уральской доколхозной деревне в условиях новой экономической политики (1921—1927)	88
Мотревич В. П. Национальный состав сельского населения Урала накануне Великой Отечественной войны (по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г.)	108
Фельдман В. В. Некоторые вопросы историографии промышленности и рабочего класса Урала переходного периода	117
Кузнецова И. И. Урало-Сибирский коммунистический университет им. В. И. Ленина (история основания)	125
Селиванова Г. И. С. М. Петров — историк революционного движения на Урале	133

**ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ УРАЛА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД:
ИСТОРИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ**

Редактор **В. И. Попова**
Технический редактор **Э. А. Максимова**
Корректор **В. В. Шапина**

Темплан 1990, поз. 344

Сдано в набор 26.03.90. Подписано в печать 07.08.90. Формат 60×90^{1/16}.
Печать высокая. Гарнитура литературная. Уч.-изд. л. 9. Усл. печ. л. 9.
Бумага газетная. Тираж 800 экз. Заказ № 104. Цена 1 р. 50 к.
Уральский ордена Трудового Красного Знамени государственный
университет им. А. М. Горького. Свердловск, пр. Ленина, 51.

Типография издательства «Уральский рабочий». Свердловск, пр. Ленина, 49.

1 р. 50 к.

